

Действие первое

В кабинете двое: ученый секретарь НТС, к.т.н., член-кор академии инженерных наук Геннадий Васильевич Шестаков, и неотягощенный званиями Я.

Шестаков: ...решать, каким образом будем поступать с этой проблемой. Или отойдем в стороночку и будем страдать, что мы тут время упустили, или у нас есть шанс побороться. И по артиллерийской тематике, и по управляемым аппаратам.

— Когда все занимались этим делом, а мы страдали, что-то же все-таки сотворили?

Шестаков: Мы творили на том уровне, где больших денег не требовалось. Не было инвестиций, внешних вливаний. Что-то делали на энтузиазме, и какие-то мысли возникали, мы их даже опубликовали. Теперь узнаем свои мысли в чужих отчетах. Они уже несколько дальше ушли, чем наше сегодняшнее состояние.

— И что, резко затормозили, ибо на одном энтузиазме далеко не уедешь?

Шестаков: Нам сказали: ребята, нам своих академиков кормить нечем. Занимаетесь стратегическим оружием — на здоровье. А у нас куча институтов, которые плохо ли, хорошо ли, но что-то делают.

Артиллерия достаточно консервативная область. Прав был Жириновский, который на выставке вооружений сказал, что с этими новейшими образцами мы Великую Отечественную войну выиграли. Заграница

Подводная лодка «Дмитрий Донской» проекта «Акула»

На выставке «Нанотехнологии». Справа – генеральный директор НПОА Л.Н. Шалимов

отказывается от наших «железяк», они без интеллекта. Всех интересуют автоматизированные комплексы. Такой комплекс был у нас в одной машине. Можно говорить о его несовершенстве, но такой замкнутый контур управления предполагает добычу и обработку информации, принятие решения, его исполнение и контроль исполнения.

— Сейчас никому не выгодно стрелять по площадям?

Шестаков: Сейчас нет той обстановки, когда на километр фронта 200 орудий, враг там, мы тут, и наше

дело правое. Врага надо поразить сейчас, а через полчаса его там не будет, и тогда хоть перепашу всю площадь — неинтересно. Все, что касается скорости и точности, должно быть наполнено интеллектом.

— Вы говорили, «нам» можно отстать?

Шестаков: «Нам» в смысле фирме, а для России отставание смерти подобно. Мы писали везде письма с предложением собраться уральским регионом на предмет «осмотреться в отсеках», на что мы еще способны. Кто-то поддержал, а «вагонка» ответила, что они только танки делают, а с интеллектом идите в другое место...

— А сами мы уже без усов?

Шестаков: Сами мы ничего не можем без головной организации, производящей комплекс в целом. СУ абстрактную ни к чему не применишь, она должна быть к чему-то прилагательным, она не существительное. В данном случае и фирма наша прилагательная.

— У вас же были какие-то предложения по использованию идеи нано?

Шестаков: У нас эти идеи есть. Сделать ядро СУ, которое годилось бы для снарядов, бомб, беспилотников, других управляемых аппаратов — для всех элементов одного боевого контура. Это чувствительные элементы и вычислители. Чтобы они вошли в снаряд, надо строить их на новых физических принципах, вычислитель в одном кристалле, чувствительный элемент хотя бы на уровне микромеханики. Это дело тонкое и трудоемкое. Пока решено на основе нанотехнологий делать датчики давления, температуры и так далее. А потом на принципах того же датчика давления (мембрана с грузиком) можно измерять ускорение. Именно

это направление с датчиками рассматривалось недавно на НТС.

— Мы пришли к выводу, что во главе с Анатолием Борисовичем можем сделать все?

Шестаков: Один мой друг говорит: когда-нибудь можно сделать все. И с Анатолием Борисовичем можно все сделать. Другое дело, кто ближе к этой цели. Мы можем быть системщиками, но нас не понимают, говорят: у вас своих-то нанотехнологий нет. В каком-то смысле они правы, но одно дело создать элементы, и совсем иное — собрать их в систему, которая решает гражданские или военные задачи.

— Мы ждем своего часа, чтобы из их элементов собрать свою систему?

Шестаков: Нельзя составляющие делать впрок, зачем-нибудь. Должна быть четко поставлена задача: какие нужны характеристики, в каком диапазоне, в каких технических условиях. Тогда все встанет с головы на ноги, задача станет понятной и цель будет близка.

— Вы еще испытываете энтузиазм, или то, что излагаете, есть коммерческий расчет?

Шестаков: Без энтузиазма тут не обойтись. В тех условиях, в которых мы сейчас пребываем, нужен азарт. Он рождается, когда видишь, что задача важна и нужна.

— Что скажете по поводу вашего изобретения, которое вызвало интерес в цивилизованном мире, кроме нашей страны?

Шестаков: Изобретение само по себе к нанотехнологиям не относится как бы, но для того, чтобы его реализовать, они нужны. Сейчас Штыков сделал чувствительный элемент, который выполняет то, что нигде

Вывоз ракеты «Союз-2» на Байконуре

в мире не наблюдали. На полигоне и в подвале демонстрируем. Показывали в Академии наук, а нам говорят: вы можете объяснить, почему? Мы в ответ: имеем кой-какие версии. Они: когда вы четко нам расскажете, почему он работает, тогда приходите. Мы: у нас прибор работает. Сочувствующий академик: прибор не знает, что его тут ругают, он работает и работает, а это главное. Но в особую борьбу академик не вступил.

Если эту технологию разрабатывать не на уровне любителей-самоучек, то это как раз в область нанотехнологий пойдет. Но пока даже стройной теории нет, теория света двойная — волновая и корпускулярная. Изучить бы, как в волокне на высокой световой энергии взаимодействуют потоки и что при этом на выходе получается. Мы только видим, что получается то, что можно измерить, и меряем эту угловую скорость. А какова физическая природа этого явления — только версии. Заняться бы этими исследованиями, и дело пошло бы вперед не с завязанными глазами, а вполне осознанно, с четко поставленной задачей, с каким-то оборудованием, получше осциллографа, которым Штыков пользуется. А так можно годами тыкаться, как слепые котятка.

— А может, поискать разгадку в природе? Она указывает на радугу семи цветов. Каждый имеет свой спектр, и там внутри...

Шестаков: И опять же, как там внутри? Вы знаете, что такое электрический ток?

— Ну, бегают электроны по проводам.

Шестаков: Они что, все убежали? А потом куда? Что до физической природы этого явления, думаю, ученые не намного дальше ушли, чем вы. Бегают по проводам.

— Вы хотите сказать, что мы используем электричество 200 лет, а точного определения «почему» нет?

Шестаков: Мы пользуемся внешними эффектами этого явления, а что это такое, каждый свою версию придумывает. О законе Ома можно говорить, что он справедлив, но это внешнее проявление, а что там в проводах... Ток переменный потому, что там синусоида скачет?

— Случай с вашим изобретением такой же, как история с электричеством?

Шестаков: Ток хоть исследовать стали. И никто открывателей не пытал: почему так? А вот и главный творец.

Действие второе

Те же и Александр Николаевич Штыков, слегка взволнован и раздражен.

Штыков: Что у вас нового?

Шестаков: Про нанотехнологии пытается.

Штыков: Смотрел фото в «Областной газете». Рассель, Чубайс и наш Шалимов. Директор весьма доволен, как изложил тему главе Роснано.

Шестаков: Еще бы. На фирме он лично курирует вопросы разработки и изготовления датчиков с использованием нанотехнологий. А по теории проштудировал вот такую книгу. Если ее всю прочитать, то груст-

Главный конструктор НПОА Н.А. Семихатов и первый секретарь Свердловского обкома КПСС Б.Н. Ельцин

но станет. Сюрприз в послесловии к русскому изданию. В нем суть.

Штыков: Здесь все здорово, а главное — понятно, где место нашего НПО в этой сфере.

Шестаков: Суть в том, что дело не только в размерах, как некоторые думают. На самом деле все в новом физическом свойстве, которое может при этом образоваться.

Штыков: Вся оптика имеет микронный размер. Она не попадает в нанотехнологии по определению. Однако нелинейная оптика подпадает под них, ввиду того, что появляются новые физические свойства в малых размерах оптического волокна за счет большой энергии излучения. Двигаясь в этом направлении, НПОА откроет для себя перспективы качественно новых результатов построения наших систем управления.

— А пока мы в нанотехнологиях имеем нанорезультат?

Штыков: Все в мире пока имеют такой результат.

— Это утешает.

Штыков: Не потому, что не могут, а потому, что, например, кремниевые фирмы скупают патенты на корню и в мешок, дабы не создавать себе конкуренции. Если придет следующая отрасль, они останутся без штанов.

— Из той же серии: никто из нефтеолигархов...

Штыков: ... не хочет бесплатной энергии.

— ...чтобы автомобили ездили на воде.

Штыков: Насчет авто не знаю, но есть в ионосфере источник энергии, который открыл в свое время Николо Тесла. Для съема энергии брался алюминиевый провод толщиной двадцать сантиметров в качестве приемника. Поставили — сразу испарился. Во-сколько там энергии, и она постоянно космосом пополняется. Никакой электростанции не надо. Тесловские патенты и эксперименты повторены. Только опасно это.

— Что такое тор?

Шестаков: Большой бублик.

Штыков: Тороидальный трансформатор. Он имеет большую эффективность по сравнению с обычным

прямоугольным. Если тор настроить на частоту колебаний энергии в ионосфере, то он по законам электродинамики начинает возбуждать в себе энергию. Но эта энергия пока неконтролируемая.

— Как давно Тесла повторяли?

Штыков: Геннадий Васильевич недавно участвовал в попытке повторения такого опыта. Лет десять назад? (Шестаков кивает.) В 1948 году все тесловские патенты засекретили по воле промышленников. Но параллельно велись разработки лучевого оружия, станции построены и у нас, и в США, их мощность сотни гигаватт. Но нужно научиться брать энергию порциями, дозами, чтобы себя при этом не угробить.

Действие третье

Входит д.т.н., профессор Герман Александрович Филиппов.

Филиппов: Я помешал занятым людям?

Шестаков: Наоборот.

Штыков: С помощью инициации луча методом раскочки в ионосфере создается температура в тыщи градусов, и всякая ракета сублимируется при этом на атомы.

Филиппов: Это сегодняшнее Тесла? Эту энергию сбрось на Землю, и от атомных станций пшик...

Штыков: АЭС — неправильное направление. Хорошо, что лишняя энергия из ионосферы уходит в космос через северные сияния.

Шестаков: Отстаньте от него. Вы имеете дело с действительным членом академии инженерных наук имени Прохорова Филипповым Германом Александровичем. (Показывает удостоверение.)

Филиппов: Я вообще-то двучлен: еще членкор академии надежности.

— Это шутки?

Штыков: Какие шутки! Бумага!

Шестаков: Настоящий академик!

Филиппов: Конечно. Только те, что в РАН, зарплату получают, а я не получаю.

Шестаков: Они смешные.

— Те академики просили объяснить причины вашего успеха?

Штыков: От тех академиков у меня есть справка на трех листах, что я дурак. Они даже слушать не захотели. Один академик провел с нами полдня, написал заключение, что у нас новый технический принцип, что нас надо поддержать, но, прочитав мнение другого академика, переписал свое заключение. Мы не могли понять. Оказалось, что тот, другой, академик делает волокно для гироскопов, а мы ему дорогу перешли. Я говорю, что его волокно не нужно. Конечно, я враг.

Шестаков: В 50 раз дешевле.

Штыков: Там пять долларов, а тут один цент. Я не знаю принцип работы, у меня просто получается

Филиппов: У тебя остается эффект независимо от потерь.

Штыков: Потери там, а у меня потерь нет.

— Та академия государственная, а эти академии вроде клуба по интересам? Мозги в кучку собирают?

Шестаков: Мы все тут академики, у каждого есть своя бумажка.

— Александр Николаевич, то, что вы сделали, это открытие?

Штыков: Не надо таких слов. Может, мы ошибку сделали в самом начале, когда стали оперировать такими словами. Не любит этого никто. Открытий мало, одно-два в десятки лет.

Шестаков: Им обидно стало, что кто-то смог.

Штыков: А открывать есть что. Электричество, свет, гравитацию. Никто не может объяснить эти вещи, просто приняли, как факт.

Шестаков: Яблоко упало, значит — гравитация.

Штыков: Подогнали под ответ то, что происходит. Тем не менее, масса вселенной необъяснима. Темную материю подогнали под законы. В природе закон сохранения энергии не соблюдается.

Филиппов: Хороший академик так и объясняет: не знаем еще.

Штыков: Максвелл написал все правильно, а понять люди не могут. Мы не способны принять пятимерное пространство, у нас нет таких чувств.

— Если все это опубликовать, меня в нано сотрут. Тем не менее, из вышеизложенного следует, что наша фирма в нано имеет все три стадии развития темы? Герман Борисович Солдатов открыл дверь, переступил порог и ступней удерживает ее. Вы же, господа академики, в образовавшуюся щель протиснули свои головы и пытаетесь разглядеть, чего там за дверью, чтобы увиденное осознать и обосновать. Молодежь же, наша третья стадия развития наноконкона, пока в процессе осознания и выжидания, когда с темы спадет пропагандистский флер. Я правильно сформулировал?

Штыков: НПО автоматике нужен прорыв в области применения новых физических принципов для создания новых систем управления, которые позволят нам оторваться. Мы всегда отрывались. Семихатовцы всегда шли впереди всех.

Шестаков: Скачок нужен!

Штыков: Рывок! Уйти от старых принципов, сделать рывок, тогда мы будем недосыгаемы.

Филиппов: Мелкие изменения не годятся.

— Это я удачно зашел.

Штыков: Лучше ты удачно напиши.

Филиппов: Через сто лет и это отстоем покажется. Но молодежи о прорыве сказать надо, а потом пусть сами думают.

Штыков: Один говорит: зачем смотреть вперед, когда весь опыт сзади, назад оглянемся, возьмем и сделаем. Если бы эту шутку сказали Николаю Александровичу Семихатову, он бы ответил: щас сниму штаны и выпорю. Нужно смотреть только вперед. Сзади ничего нет, только отходы.

Шестаков: Шахматисты делают первый ход только вперед.

Штыков: Шахматисты ходят e2-e4, а мы едва-едва.

— Эх, Россия, родина нанотехнологий и общественных работ!

УРАЛЬСКИЙ следопыт

uralstalker.ru

май 2009

Лидер
Уральского
Турбизнеса

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

На страже Родины Ю. ДОНСКОЙ	Неоконченная пьеса для нано.....	2 пол. обл.
Классный журнал Н. ТАРАСОВА	Интеллектуальные игры.....	6
Дети в походе Т. и А. ЛЫХИНЫ	Азов-гора.....	7
Спортивные достижения на Урале А. РЯЖКИН	«Апрельская струя — 2009».....	8
Подготовка к путешествию В. ПРИМЕРОВ	Начинающим скалолазам.....	11
Путешествие А. КУРОЧКИН	Покорение Кваркуша.....	13
Заповедные земли Урала А. КОРЮКОВ Б. ПОПОВ	Таватуйские были.....	17
Маршруты Зауралья А. МУРЗИН	Записки факторщика.....	20
Маршруты Серебряного кольца Т. ЧЕРЕМИСИНА	Соловьино.....	26
	Невьянск.....	29

АЭЛИТА

Законы Вселенной Д. ШОРИН	Все углы треугольника.....	33
Координаты чудес В. МОЛОТОВ	Город детства.....	38

СВЕЧА ГОРЕЛА

Молодые имена В. ОСИПОВ	Волшебники собрались в Екатеринбурге.....	42
-----------------------------------	---	----

РЕКА ВРЕМЕНИ

Тропой поиска Ю. ГОРБУНОВ	Писательницы России.....	59
День Победы В. ФИННОВА Л. РОМАНЕНКО А. НЕМЕРОВА И. ГЛАДКОВА А. КОЗЫРЕВ	...И мы пошли эвакуироваться..... Долгая дорога к деду..... Три картофелины..... Воюющая магистраль..... Прикосновение к кино.....	49 54 57 60 66
Замечательны тем, что жили Н. ПОЗДНЯКОВА	Сонина юность.....	67
Далекое-близкое Р. ТИХОНОВ	Я — гамаюн!.....	70
Занимательная нумизматика В. ПУРОНЕН	Республика римского народа.....	75
Камни Урала В. АВДОНИН	С пиритом наедине.....	77
Человек и природа М. ФОНОТОВ, В. САДЫРИН	Одуванчик: шар из корзинки.....	3 пол. обл.

На обложке:

Спасо-Преображенский собор в г. Невьянске
Фотограф Е. Савенко

«Уральский следопыт», № 5 (623), 2009. Издаётся с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Главный редактор — М. Ю. Фирсов.
Редакторы разделов — Ю.А. Горбунов,
Б.А. Долинго, С. А.Надь, Е. Пахомова
Худ. редактор, верстка — А.А. Жильцова.
Художники — А. Митрофанова,
Я. Ахметшина.
Набор — В.М. Кадочникова.
Корректор — Т.В. Сергеевко.
Фото 1 полосы обложки — М.Ю. Фирсов

Учредитель — ООО «Уральский следопыт».
Редакция, издатель — СООО «Трудовой коллектив
редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет —
Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Борис Стругацкий, Геннадий Пращевич,
Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет —
• Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»;
• Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников
России;
• Семен Спектор, заслуженный врач России.
• Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»
Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Почтовый адрес редакции, издателя:
620014, г. Екатеринбург, а/я 479
тел. (343)295-61-27, (343) 295-61-28
E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.ru

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной
службы по надзору за соблюдением законодательства в
сфере массовых коммуникаций и охране культурного на-
следия по УрФО
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-1375, выдано
07.09.2007 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным пра-
вом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются
отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30
строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть
подписана автором. Обязательно прилагать информацию
об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале,
на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В
первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные
электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответ-
ственность за предоставление материалов и иллюстраций,
обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При от-
правлении электронных сообщений обязательно заполнять
поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия ООО «Ураль-
ский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт»
обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского
следопыта» и отмеченные знаком публикуются на
правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.ru» вы можете через:
– Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП,
подписной индекс 31646

– Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспе-
чать», индекс 73413

– Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
– Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

– Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-
ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего за-
рубежья

– Розничная продажа в магазинах «ЖИВОЕ СЛОВО»

- ул. Гагарина, 1-В, тел. 374-76-37
- ул. Пехотинцев, 6, тел. 324-24-40
- ул. Волгоградская, 190, тел. 234-47-73
- ул. Родонитовая, 9, тел. 381-35-43
- ул. Блюхера, 12, тел. 374-53-81
- ул. Победы, 38, тел. 330-16-82
- пр. Космонавтов, 72, тел. 216-38-21
- ул. Крауля, 44, тел. 278-40-46
- ул. Кр. командиров, 23, тел. 367-71-23

«Уральский следопыт.uralstalker.ru», №4 подписан к печати 15.04.2009
года. Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в типографии «Форт
Диалог-Исеть», 620085, г. Екатеринбург, ул. Монтерская, 3.
Заказ № 910612

Н. ТАРАСОВА,
фото предоставлено автором

Интеллектуальные игры

Каждый раз, проводя чемпионат Уральского Федерального округа по интеллектуальным играм, мы задумываемся: что же привлекает школьников из разных городов и областей на это состязание? Конечно, не только возможность блеснуть знаниями. Наверное, азарт – чтобы удачно выступить, надо не только быть сведущим в разных областях, но и догадываться до правильных ответов, рисковать, обыгрывать соперников на «кнопке». И, разумеется, важная причина для участия в чемпионате – желание достойно представить свой город. В чемпионат входят две игры, так что у игроков есть возможность разыграть два кубка чемпионов УрФО по интеллектуальным играм. «Своя игра» на

чемпионате проводится почти так же, как в телеформате: с выбором вопросов, «котами в мешке» и «аукционами». Вторая игра, «Властелин знаний», придумана школьниками Екатеринбурга, но проводится уже в нескольких городах. За последние годы чемпионами по «Своей игре» становились школьники Челябинской области: Георгий Комаров из Миасса и Елена Казакова из Челябинска. Лена выиграла кубок УрФО, будучи десятиклассницей, и в этом году вновь представляла свой город на чемпионате. И наконец в этом году кубок остался в Екатеринбурге – победителем чемпионата по «Своей игре» стал Евгений Кондратьев. Второе место заняла София Техажева, тоже представлявшая Екатеринбург,

третье – Маргарита Головина из города Миасс. Школьникам Курганской области больше везет с игрой «Властелин знаний»: в 2007 году победительницей стала Снежана Коновалова, а новый «Властелин знаний» – Евгений Исаак.

И как водится, в финальной игре участники, не прошедшие в финал, болеют уже не столько за игрока, сколько за красивую игру: аплодисменты после правильного ответа, общее восхищение участником, который «не знал, но вспомнил» – добрые традиции чемпионата. В этом году среди финальных вопросов было много и по уральской тематике, что тоже, надеемся, станет одной из изюминок чемпионата Уральского Федерального округа.

Татьяна и Александр Лыхины,
фото авторов

Азов-гора

Каникулы — лучшее время школьных лет.

Можно уделить повышенное внимание спорту, экскурсиям, общению с друзьями по Интернету или реально собраться вместе и отправиться в гости к Хозяйке Медной горы — на Азов-гору, что рядом с селом Зюзелька у города Полевского.

Автобус — «клуб на колесах» — доставил нас к подножью горы. Далее на лыжах по заснеженному лесу. Путь не далек, но крутоват и приводит к скалистому гребню. Здесь в причудливом каменном нагромождении есть свои улочки, стены и вершины. Все это

мы исследовали где на четвереньках, где пешком в поисках места, где художник нарисовал на скальной стене красивый образ Хозяйки Медной горы. Вот она, картина: Хозяйка серьезно смотрит на нас, жителей XXI века. Даже трудно представить времена, которые описывает Павел Петрович Бажов в своих сказах. Как все было тут тогда...

Да, наверное, все так же, за исключением вырубленных лесов, загрязненных рек...

Для природы одно-другое столетие — это миг...

Мы по-своему запечатлели этот миг — на цифровой фотоаппарат, и, приехав домой, поместили электронные файлы фотографии в виртуальный фотоальбом на своей Интернет-страничке.

Пусть друзья полюбуются видами Азов-горы, и может, они захотят приехать в гости к Хозяйке Медной горы!

Антон РЯЖКИН,
фото Д. Хлопунова

«Апрельская струя — 2009»

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

4 – 5 апреля 2009 года уральские водники открыли сезон. Несмотря на неблагоприятные метеоусловия, в открытом чемпионате «Апрельская струя – 2009» приняло участие рекордное количество экипажей. Основные впечатления участников – те, что ниже нуля, однако судьи признали, что именно такую погоду они заранее заказали для этих соревнований.

3 апреля в челябинский поселок Новогорный к незамерзающему каналу Аргаяшской ТЭЦ съехались машины с туристами-водниками из Челябинска, Трехгорного, Миасса, Екатеринбурга, Серова и Перми. Кому-то удалось добраться без приключений, кто-то из-за пробитого колеса добирался из уральской столицы аж 5 часов, а некоторые совершили анабасис по тыканьям во всякие местные пампасы, тупики и помойки.

А утром, по словам инспектора трассы Алексея Чарушникова, был ВЕТЕР. «Не просто ветер, а ВЕТЕР. Сильный и холодный. Вылезать из спальника ой как не хотелось, но... дело – есть дело. Надо было идти принимать дистанцию...» – отмечал впоследствии он.

Из спальников вылезли все, собрались на линейку, и чемпионат «Апрельская струя – 2009», организованный Федерацией спортив-

ного туризма Челябинской области, Управлением по физической культуре и спорту и секцией водного туризма города Озерска, объявили открытым.

Для деления соревнующихся на группы все участники проходили этап «Квалификация», в ходе которого водники должны были пройти на время сужение русла канала против течения. Затем прохождение короткой дистанции. Ее нужно преодолеть быстрее других участников, по особой траектории, определяемой воротами, которые нужно проходить то по течению, то против него. Ворота задевать нельзя. Если траектория рассчита-

на неправильно, экипаж получает штрафные секунды. На прохождение трассы предоставляется две попытки. Самым захватывающим зрелищем для болельщиков было прохождение двух предпоследних ворот, размещенных в искусственном пороге. Некоторые каты устраивали танцы на воде прямо у струи, пытаясь уйти от прижима.

«Гонки прошли нормально. Немножко подзатынули, но справились», – отметил потом А. Чарушников.

Утро следующего дня было великолепным. Ветер сменил направление и почти стих. Светило солнце. Небо голубое. По озеру плавали ле-

беди. Именно на фоне этой идиллической картины 64 экипажа водников (на «Апрельской струе — 2008» их было 42, и из-за наплыва участников в этот раз судьи были в шоке) преодолевали длинную дистанцию. Сначала гребли против течения 800-900 метров, далее скоростной сплав до финиша. Труднее всего на трассе было тем, кто проходил ее несколько раз в составе разных экипажей.

Призовые места в общем зачете заняли команды из Екатеринбурга и Челябинска, больше всего дипломов у турклуба УрГУ. Кроме традиционных этапов в этом году впервые был проведен «Кубок по спасработам имени Михаила Болгара», победителем в котором стала команда «Альпиндустрия Екатеринбург», и детско-юношеские соревнования.

«Данные соревнования организованы с целью проверки готовности экипажей и снаряжения к прохождению маршрута в неблагоприятных метеоусловиях. Именно такие метеоусловия и были заказаны оргкомитетом чемпионата, — объявил с улыбкой главный судья соревнований Юрий Шумков. — Температура опустилась ниже 10 градусов, дул шквалистый ветер, но

это не остановило настоящих туристов: все вышли на воду».

Метеоусловия стали основной темой обсуждения и для участия водных гонок. «Основные впечатления — те, что ниже нуля. В смысле — погода. Утром под -7, замерзшие гидры и все такое, — рассказал Алексей Шинкоренко, представлявший на соревнованиях турклуб УрГУ. — Народу было много очень: 6 каяков, 13 — 14 — «четверок», остальное — двойки! Организация разительно отличалась от наших местных традиций в лучшую сторону. Все старты — по расписанию.

Утром в 8-30 (!) в воскресенье были вывешены результаты прошлого дня! Вообще, организаторы внимательные, на все вопросы и просьбы реагируют здраво и адекватно».

По оценкам участников соревнований, благодаря «Апрельской струе» и матчу городов Урала, который пройдет на Ревуне 18 апреля, им удастся подготовить себя к прохождению маршрутов по сложным категорийным рекам. Эти сплавы состоятся в разгар паводка, в основном в конце апреля — начале мая команды водников отправятся на Алтай.

Виталий ПРИМЕРОВ,
фото автора

Начинающим скалолазам

Скалолазание — достаточно молодой вид спорта: официально считается, что спортивное скалолазание зародилось в Советском Союзе в послевоенный период. В 1947 году известный московский альпинист Иван Антонович устроил соревнования на скалах недалеко от альпинистского лагеря на Кавказе. С тех пор были разработаны определенные правила, способы страховки, требования к спортсменам. Но на самом деле как вид физической активности скалолазание имеет очень давнюю историю. Например, недавно 100 лет исполнилось такому явлению, как столбизм (массовое увлечение лазанием по Красноярским Столбам). В Красноярске есть заповедник, который так и называется — «Красноярские Столбы» — это огромные выходы скальных пород по среди тайги.

Еще есть виды скалолазания, которые развивались не в нашей стране, а в Европе и США. Например, боулдэринг — лазание по большим камням, на которых проложены короткие маршруты, требующие серьезной физической подготовки.

Смысл скалолазания — этохождение на скалах, специально оборудованных трассами. Каждая трасса имеет свою категорию сложности. В спортивном скалолазании основная задача спортсмена — победа в соревнованиях (на скорость, на трудность, боулдэринг).

Скалолазу необходимо обеспечивать страховку, потому что здесь

Крым. Боулдэринговый парк «Сосняк»

существует объективная опасность — падение со скалы. На оборудованной крючьями скальной трассе, как правило, обозначены ее название и категория трудности. Существуют каталоги таких скальных трасс. Сейчас проводятся соревнования по скалолазанию разного уровня сложности, начиная городскими состязаниями и заканчивая чемпионатами мира. Они проводятся в разных странах, ведь около 60 стран мира имеют свои федерации по спортивному скалолазанию. Скалолазание претендует на включение в олимпийскую программу.

Скалолазание подразделяется на лазание по искусственному рельефу и на лазание по естествен-

ному рельефу. Искусственный рельеф — это специально оборудованные скалодромы, где на щитах располагаются зацепы. Зацепы — это камни, имеющие разную форму, самое интересное, что каждый камень можно использовать по-разному для достижения цели. Рельеф, на котором крепятся зацепы, тоже может быть разным — гладким или шершавым, расположенным вертикально или под углом, это может быть даже потолок.

В скалолазании используется специальное снаряжение, для того чтобы человек, который спускается или поднимается на скалу, мог делать это безопасно. Скалолазами используется страховочное снаряжение (страховочная система,

Виталий Павлович Примеров — мастер спорта по скалолазанию, инструктор по альпинизму. Тренер-преподаватель СДЮСШОР горных видов спорта. Руководитель молодежного горного клуба «Восхождение».

Снаряжение для занятия скалолазанием

специальная веревка, оттяжки и страховочное устройство) и специальное снаряжение для определенных маршрутов, т.е. для самого процесса лазания (скальные туфли, которые должны плотно облепать ногу, чтобы чувствовать рельеф; магнезия применяется для того, чтобы не скользили руки, сейчас уже применяется жидкая магнезия, каска для лазания по камнеопасным скалам). В отличие от ледолазания и альпинизма в скалолазании никаких искусственных вспомогательных элементов не используется, рассчитывать нужно только на свои руки, ноги и голову. Сам процесс лазания предъявляет определенные требования к скалолазам, во-первых, наличие силовых качеств, хорошо развитый верхний пояс, цепкость пальцев, гибкость и

подвижность суставов, во-вторых, важны сосредоточенность и внимательность, потому что в любой момент скалолаз может сорваться и тот, кто его страхует, должен немедленно среагировать и удержать на веревке партнера. Скалолаз должен не бояться высоты, но для начинающего скалолаза важно иметь желание справиться со своим страхом, и тогда в ходе тренировок он привыкнет к высоте и перестанет ее бояться. Очень важно в скалолазании наличие интеллектуального компонента, потому что на соревнованиях трасса не дает однозначного пути прохождения. Участник сам решает, как использовать зацепы, на каких нужно отдохнуть, на каких щелкнуть веревку для страховки. Например, когда лазают на скорость, решения должны прини-

Западные Саяны. Ергаки

маться мгновенно, классные скалолазы трассу 15 метров преодолевают за 5 – 7 секунд. Для того чтобы передвигаться с такой скоростью по зацепам, нужно обладать скоростью реакции мышечной, психологической и интеллектуальной.

Очень часто путают скалолазание и альпинизм. Альпинизм — это горовосхождение с использованием определенных приемов, страховочного снаряжения. Цель альпинизма — достигнуть вершины горы. А цель скалолазания пройти по определенному маршруту. А ледолазание — это лазание по льду или по скалам с элементами льда. Ледолазание также может быть на искусственном и на естественном рельефе.

Скалолазание совмещает физическую активность и общение с природой, поэтому очень важно начинающему скалолазу научиться любить и беречь скалы. Скалолазание вообще очень гармонично развивает человека. В скалолазании можно отдавать детей уже с 6 лет. А лазать можно бесконечно, пока позволяет здоровье: мне 60 лет, и я лазаю по скалам, я знаю и 70-летних скалолазов.

Алексей КУРОЧКИН,
фото автора

Покорение Кваркуша

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Так получилось, что команда турклуба УрГУ (28 января ребята планировали отправиться на перевал Дятлова) по ряду причин не смогла пойти в поход. Поэтому в последний момент к нам присоединилась небольшая ее часть, а именно Таня Светлакова, Рома Сандаков, Женя Качурин и Алексей Павлович Малыгин. Наш долгожданный поход в южную часть Северного Урала стартовал 2 февраля. Сначала мы приехали в Краснотурьинск, откуда нас отвезли через Североуральск в район реки Улс, где дорога заканчивалась. Там нас выгрузили, и дальше мы на туристических лыжах (они уже, чем охотничьи, но шире, чем беговые) начали приближаться к Кваркушу.

С собой мы взяли 12-местный шатер, печку, тенты под шатер, костровую сетку, котлы, костровые тросики. Из еды: 18 банок тушенки, крупы, сухое молоко и много-много сала. Для освещения — газовые баллоны и лампу. Вообще в таких походах главное — правильно подобранное личное снаряжение:

ботинки должны быть как минимум на размер больше, бахилы — с калошами, варежки должны быть синтепоновыми, и обязательно у каждого должна быть маска на лицо. Кроме меня, никто не взял с собой чуни, хотя они очень удобны. У каждого участника похода должна быть своя узкоспециализированная функция. В нашем походе

я был руководителем, Женя пилил дрова, Таня была завхозом, а Рома занимался ремонтом. Еще в мои обязанности входило собирать и разбирать печку. Дежурили мы по очереди, дежурный готовил ужин и завтрак. Обедали мы из термосов, потому что жаль было тратить время на его приготовление. Утреннее дежурство, как всегда, было очень

сложным: дежурный должен был встать в 6 часов утра, чтобы к семи подать завтрак.

Первую ночь мы провели на плече Кваркуша. На следующий день погода была плохая, и Палыч предложил пойти на водопады Жигалан без рюкзаков, а заодно проверить снаряжение. Рюкзаки мы оставили в шатре. Палыч был на водопадах уже три раза, поэтому подняться к ним получилось быстро. Водопады Жигалан образованы ручьем Жигалан (на некоторых картах он обозначен как Первый Жигалан), и там, в лесной зоне, находятся три водопадных ступени, на двух из которых побывали мы. Зимой водопады выглядят непримечательно, потому что засыпаны снегом и к ним невозможно подойти, т.к. берега обрывистые и увешаны снежными карнизами. Нам удалось сделать только несколько фотографий-доказательств того, что мы там были. Зато до водопадов очень удобно добраться, потому что к ним идет узенькая тропка снизу. По этой тропе можно выйти к просеке, до которой можно доехать на снегоходах. Весь наш путь от шатра до водопадов и обратно составил примерно 15 км.

Во второй день погода опять была плохая, по плану мы должны были пойти на Вогульский Камень, но в таких погодных условиях выходить на открытое пространство опасно, можно потеряться. Поэтому мы пошли вдоль границы леса на юг. Полдня прошли, перевалили реку Восточный Малмыс, там пообедали. Погода улучшилась, и мы перевалили речку Западный Малмыс. Взошли на гору Емельян-Мык, где и заночевали. По вечерам перед тем, как лечь спать, мы в шутку замаливали бога погоды, подливая технический спирт в печь.

Вообще, хребет Кваркуш — это плоский, пологий затяжной тундровый район, без резких перепадов на протяжении 25 километров, наиболее близко расположенный к Екатеринбургу. Кваркуш — отличная подготовка к походам по Полярному Уралу. На расстоянии 15 километров от Кваркуша расположен главный Уральский хребет,

- Два комфортабельных жилых корпуса в сосновом лесу;
- VIP коттеджи семейного типа;
- Современные конференц-залы;
- Кафе, диско-бар;
- Игровая комната для детей с воспитателем;
- Детская площадка среди сосен;
- Русская баня, сауна с бассейном;
- Беседки с мангалом;
- пляж, лодки, катамараны;
- Бильярд, теннис и другие развлечения.

База отдыха «САЛЮТ», Свердловская обл., В. Сысерть,
Телефоны базы отдыха: (34374) 25-420; 25-634.
Представительство в Екатеринбурге: (343) 359-93-89.
www.salutupz.ru

почувствуй себя комфортно

www.bhf-plus.ru

одна из вершин которого — гора Большая Ходовская сопка — 1338 метров. А на Кваркуше самая высокая вершина — 1066 метров. Но мы не гнались за высотой гор, а хотели полюбоваться именно этим отдаленным районом. Само плато Кваркуш находится большей частью в безлесной зоне. Природа на Кваркуше безжизненная: из

зверей мы встретили только зайца. Чем выше был лес, тем больше он был окутан снегом. Мы спустились на ночь в лесную зону только из-за дров, ночевать на открытой местности без дров нам не позволяла категория сложности похода.

На третий день погода была идеальная, и мы за один день совершили восхождения на все горы

Тарабары, кроме горы Дормык. Потом пошли через весь хребет и к вечеру оказались на Вогульском Камне, а на ночь спустились в Рассоху. На следующий день мы пошли на вершину Гроб (вершина которой имеет платообразную форму, самая низкая вершина, на которую мы поднимались в этом походе – 931 метр) с рюкзаками, чтобы не возвращаться. После восхождения ветер усилился, но мы продолжили движение и вззошли на Круглую сопку. К тому же мы понимали, что препятствия на вторую категорию сложности преодолены (мы прошли 162 км за 10 дней). Мы спустились в долину речки Крестовки, где и заночевали. В районе реки Крестовая нам уже становилось трудно дышать, а стенки шатра покрывались трехсантиметровым слоем инея, возможно, температура приближалась к 50°С мороза.

На следующий день мы спустились вниз к реке Улс, вдоль которой мы прошли в направлении главного Уральского хребта, и заночевали у какого-то безымянного ручейка. Вдоль реки Улс проходят очень красивые, не тронутые вырубками лесные массивы, где каждый может ощутить себя героем произведений Джека Лондона. И еще два дня мы шли до реки Сурья, после чего вышли на дорогу

и за полдня дошли до главного Уральского хребта. У истока Малой Лямпы мы разделились на две части: одна группа осталась в шатре, другая – пошла на радиальное восхождение на одну из вершин главного Уральского хребта – Сосьвинский Камень (1189 метров). На два часа дня последнего дня была заказана машина из Красноуральска, и мы не должны были подвести нашего водителя, поэтому в полвосьмого утра мы начали восхождение. На заключительном отрезке пути мы проходили горнолыжную базу «Сосьва», где за нами увязалась собачонка, которую поначалу мы приняли за волчонка. Собака бежала за нами, и мы ее хотели отогнать, боясь, что она заблудится, но сторож базы успокоил нас, объяснив, что его собака кормится сама в лесу. Сторож, единственный, кто был на базе, очень удивился встрече с нами в будний день.

Самое трудное восхождение для нашей группы было восхождение на Круглую сопку – самую северную вершину Кваркуша, ведь на вершине температура приближалась к 40°С мороза. Сложность таких походов в том, что они проходят в неоптимальное для их проведения время, во время зимних каникул, а должны они проходить

в конце марта – начале апреля, когда световой день увеличивается и днем теплее, чем сейчас. Поэтому уже за полчаса до наступления темноты мы вставали на ночевку, т.к. нужно было еще при свете дня найти сухие деревья. Деревья на границе леса (протяженность которой 3 км) горят плохо, поэтому у нас была проблема с дровами, их надо было пилить, сразу они не загорались, сама по себе древесина в экстремальных природных условиях влажная и сучковатая. Из-за сильных морозов приходилось постоянно шевелить пальцами, серьезно относиться к просушке варежек. Остановки были короткими, чтобы не получить обморожение. Я в таких тяжелых условиях последний раз был в 2005 году, когда ходил в поход 6-й категории сложности по Полярному Уралу на полуостров Ямал. Лапник мы не рвали, живые деревья не рубили, поэтому вред экологии не нанесен.

После каждого похода я чувствую себя словно заново родившимся. А если человек принимал участие в лыжном походе, это показатель того, что он готов переносить тяжелые погодные условия. Поход был официально зарегистрирован в Свердловском областном клубе туристов.

Алексей КОРЮКОВ,
фото из архива «Уральского следопыта»

Таватуйские были

Среди гор восточного склона Уральского хребта находится это замечательное озеро. Огромный глубокий водоем с чистой прозрачной водой, словно волшебное зеркало раскинулось у подножия гор, и в нем отражается красота местной тайги, скалы и камни, поросшие мхом. С восточной стороны самая высокая гора Стожок, действительно похожая издали на стог сена. Склоны ее поросли могучими зелеными соснами и елями, но кое-где попадаются пышные лиственницы, кедры, березовые рощицы, кусты черемухи и рябины.

Таватуй! Какое красивое название! Это слово в переводе с языка манси, живших когда-то на его берегах, обозначает: «Этот водный путь», что вполне соответствует названию. Горы и большое по протяженности водное пространство — это действительно долгий и нелегкий путь среди гор и болот.

Впервые я увидел его лет пятнадцать назад. Много слышал о нем, но как-то все не доводилось побывать на его берегах. Но однажды решился, и поехали с женой и десятилетним сыном посмотреть, что это за расчудесное такое место на Урале.

Как только выехали на поворот к деревне, от Серовского тракта, такая красота открылась перед

нами! Была ранняя осень, погода стояла солнечная, безветренная. Синяя озерная гладь среди гор, покрытых хвойными лесами, завораживала так, что нельзя было оторвать взгляда. Вдоль берега в несколько улиц сельские избы с большими крытыми дворами, резными воротами и наличниками. Тогда новые русские еще не начали строить свои коттеджи незнакомой нерусской архитектуры и высокие кирпичные заборы. Каждый дом и каждая избенка представляла своеобразный музейный экспонат плотницкого мастерства под открытым небом. Каждый из них представлял что-то свое особенное, неповторимое.

По дороге встретили местную свадьбу. Ряженные парни в женских юбках, с подкрашенными щеками и губами, девушка в галифе, сапогах и солдатской фуражке, нарядные жених с невестой, свахи с бутылками и закуской окружили наш «жигуленок», гвалт, смех, шутки. Публика оказалась вполне миролюбивой и сговорчивой. Получив несколько рублевков, подарок для молодых, ограничились стопкой водки для жены, сыну сунули горсть конфет и, пожелав нам хорошего отдыха, отправились дальше. А мы поехали вдоль берега озера, по главной улице, до конца и остановились у старого кладбища.

Большой деревянный крест, заросшие травой могилы, невысокая гора со скалами на вершине, несколько памятников, вот и все, что хранит память о первых жителях этого края — высланных Петром Алексеевичем стрельцах, беглых людях и старообрядцах, которых на Урале называют раскольниками или кержаками.

С той поездки мы и заболели Таватuem. Вскоре подсмотрели недорогую избушку, купили, подладили и живем в свое удовольствие в простой деревянной избе на берегу чудесного озера. Однако с первых же дней возникло много проблем, и в первую очередь груды мусора, который оставляли приезжающие на отдых и рыбалку люди, называемые в народе дикарями. Вычистил берег, заровнял рытвины и колеи от машин, одним словом, навел порядок. Но наезды дикарей продолжались. Одни прямо в озере моют машины, другие гоняют на гидроциклах вблизи берега, того и гляди, заденут купающихся, третьи шумят целый день и глушат музыкой близлежащие улицы.

Когда-то в Таватue было много рыбы. Щуки, окуни и ерши зимой и летом клевали круто — успевай таскать! Вспоминаю своего старшего брата, Авдея, страстного любителя подледного лова. Он жил в Невьянске, но рыбачить ездил только сюда. Частенько привозил он, в удачные дни, килограмм по сорок — пятьдесят хорошей рыбы, которую ели круглый год. Мальков, меньше ста грамм, он бросал обратно в воду. Окунь ловились по 300 — 500 грамм, ерши по 100 — 200 грамм, лещи и щуки по несколько килограммов.

Некоторые подумают, наверное: «Ну и загибает мужик! Что поделаешь, рыбак!»

Вся беда в том, что это правда. Еще лет двадцать-тридцать назад водилась здесь такая рыба, и не только здесь, но и в других уральских водоемах. Водились в Таватue и лини, и сиг, и раки, которые живут только в самой чистой воде. Мой сосед — рыбак Витя, который живет здесь давно, рассказывал, как за полчаса ловил ведро раков. Не верить ему у меня нет никаких оснований, так как если и прибавит по старой рыбацкой традиции, то совсем немного, ну раза в два, не более! Так что если и за час ведро, тоже неплохо!

И еще одна темная сторона жизни нашего дачного поселка, так сейчас называется бывшая деревня. Гоняют по поселку лихачи на машинах, мотоциклах и даже на тетрациклах, есть такие четырехколесные монстры, предназначенные для бездорожья. Носятся так, словно узкие тихие улочки стали автодромом для этих ухарей.

Но хватит о грустном, пора, как писал поэт А. Некрасов, показать и светлую сторону нашей повседневной жизни.

В последние годы появляются во всем мире сторонники и любители деревенского отдыха. Они любят отдыхать на природе, в тишине, путешествовать на лодках, плотках, верхом на лошадях, на ослах,

слонах, верблюдах, в тиши лесов, гор и пустынь. Четверть века назад я тоже впервые совершил путешествие конным верховым маршрутом по Башкирскому заповеднику с базы Арский камень. Две недели среди лесов и трав, чистых рек и ручьев, вдали от цивилизации, верхом на своей лошадке оставили на долгие годы глубокий след в моей душе. До сих пор помню свою кобылку Лыску, товарищей по походу. На Кипре путешествовал на осликах по горной тропе, во Вьетнаме путешествовали с женой и сыном по джунглям на слонах. Вот где настоящая музыка природы! Тогда и родились в душе такие строки.

*Люблю я музыку природы,
Как лес таинственно шумит,
Бушует море в непогоду,
Ручей под скалами звенит.
Люблю я грохот водопада,
Ворчанье грома вдалеке,
И тихий шелест листопада,
И вьюги вой на чердаке.
Болот надсадное дыханье
И барабанный бой дождя —
Повсюду музыки звучанье
Без струн, без нот и без смычка.
Живая вечная природа
Бурлит, играет и кипит,
Она в любое время года
О жизни с нами говорит.*

Мне подумалось тогда, а почему около Таватуя не сделать туристическую конную базу, откуда можно верхом или на легких бричках ездить в недолгие походы.

И действительно, словно по щучьему веленью появились вскоре конная база, на месте бывшего подсобного хозяйства. Организован выезд, и верховой, и на санях, по окрестностям озера и к тем же Семи Братьям.

Построена новая школа для местной детворы, пусть не средняя, но девять классов можно закончить в своем родном поселке. Стараниями администрации Невьянска и Таватуя достроена асфальтовая дорога по главной улице поселка от памятника павшим воинам-таватуйцам, погибшим в Великую Отечественную войну, до конца улицы Калинина. Раньше в сухую погоду здесь витала пыль, грязь, сейчас проехать одно удовольствие! Удалось в этом же году ликвидировать огромную свалку мусора на выезде из поселка, а на улицах поставлены баки для мусора. Стало заметно чище. Многие отдыхающие перестали оставлять мусор на пляже, а собирают его в пакеты и везут в баки. Небольшая, но победа!

Энергичному человеку в Таватуе интересно в любое время года. Весною улучшается клев и на толстом еще льду собирается много рыбаков. Приятно погреться и позагорать на солнышке после долгой холодной зимы. Из-за большой глубины и при отсутствии течения лед стоит до середины мая. Но в мае выходить и тем более выезжать на лед не советую. Рыбачить лучше всего в марте и апреле, и тепло, и главное, безопасно!

Летом замечательно в окрестных лесах. Поспевают ягоды: жимолость, черника и земляника. Появляются грибы. С 20 июня, после окончания нереста, можно порыбачить с берега или с лодки, на удочку. В удачные дни за вечер натаסקаешь на вкусную ушлицу. Не вся еще рыба погублена и выловлена, клюют окуньки, чебачки и ерши. Пусть не такие большие, как раньше, но в уху годятся.

Осень приносит свои радости. На болоте поспевают брусника, клюква, морозика. В лесу, на вырубках, тебя встретят дружные семейки опят. Очень вкусные грибы, если их правильно приготовить, особенно если умеешь стряпать из них пироги, да еще испечь их в русской жаркой печи. Поздней осенью, в середине ноября, снова рыбалка по первому льду. Чистый здоровый воздух, еще не очень морозный, бодрит и укрепляет душу и тело.

Зимой поселок замораживает. Дачники разъезжаются, дома пустые, улицы пустынные. Но все же живут местные жители и некоторые упорные горожане, кто любит тишину и здоровый морозный воздух. А как романтично посидеть в вечерних сумерках у горящего камина и любоваться языками пламени, смотреть на которое всегда интересно, а особенно за интересным разговором под бокал вина с хорошим человеком. Всю зиму не замечает метелью тропы, ведущие к центральным улицам, к колодцу и про-

руби на озере. Работает школа, магазины, говорят, действует медпункт. Круглый год работает библиотека, которая находится в красивом месте на берегу озера, около памятника воинам-таватуйцам, павшим в годы Великой Отечественной войны. Летом я постоянно беру там книги на разные темы, вплоть до справочников — как ловить рыбу. Заведует в ней опытный библиотекарь — Валентина Владимировна, которая понимает толк в настоящей литературе. Вечером, после трудового дня, хорошо перед закатом солнца сесть под яблонькой на скамейке и почитать интересное чтиво прямо на природе, под плеск волны и крики чаек. Как же без книг? Они делают нашу жизнь интереснее и понятнее, укрепляют память и сохраняют душевное равновесие. Много, конечно, зависит от правильного выбора книги!

На Стожке, о котором я уже упоминал, в трех километрах от поселка, всю зиму действует горнолыжная база, где можно покататься и на своих лыжах или взять их напрокат. Что сидеть в избе целыми днями, когда кругом такая красота! Только бы не загубить ее, не испортить, что-то оставить после себя своим детям и внукам. Надо больше думать о своем месте в этом прекрасном, загадочном и хрупком мире!

Так что больше вглядывайтесь в лица добрых людей и в нашу природу, размышляйте и оберегайте ее, так как без нее нам не выжить.

*Я вновь не сплю и в таинстве страстей
Пишу на даче с музою моею
И, как затворник в сумрачной глуши,
Не берегу измученной души.
Горит ночник — мой добрый вечный свет,
А за окном, как призрак, вьется снег.
Метель, как ведьма, просится в тепло,
И у избы сугробы намело.
Под тяжким льдом, устав от белых струй,
Уснул буян — могучий Таватуй.
На теплой печке кот во сне храпит,
А белый свет клокочет и кипит.
Я все люблю: природу и людей,
Изнемогая в нежности своей.
Торопится усталая рука,
Из грез и мук рождается строка.
Зачем пишу, терзаюсь и не сплю?
Я этот мир загадочный люблю.*

И снова лето, и снова старые проблемы, как бы не хотелось о них говорить.

Сижу с удочкой на берегу, люблюсь ясным закатом солнца и вдруг замечаю свежую автомобильную колею, ведущую к самой воде. Снова кто-то приезжал помыть машину, пока я ездил в город. Кто же спасет нас? И вдруг, как во сне, слышу ответ: «Сами себя спасайте!»

Видимо, так мне мой разум, мой внутренний голос подсказывает. А ему надо верить!

Борис ПОПОВ,
фото автора

Записки факторщика

Как я стал факторщиком

Вся моя жизнь, начиная с раннего детства, связана с природой. Мой отец, будучи промысловым охотником и рыбаком, а впоследствии охотоведом и начальником военного охотничьего хозяйства Уральского округа, начал меня брать с собой по лесам и озерам Урала с шестилетнего возраста. И хотя я родился, жил и учился в городе, все свободное время, все каникулы я проводил вместе с отцом на промыслах. Каждую весну отец заключал договора на лов рыбы на каком-либо уральском водоеме, и с началом летних каникул мы с матерью присоединялись к нему и целое лето проводили вместе на рыбном промысле. Почти каждый год отец менял водоем, и так мы с ним объехали Волчихинское и Белоярское водохранилища, озера Таватуй, Маян, Коклан, Чебакуль и др.

Жизнь на промыслах была чрезвычайно интересна. Жили мы в большой военной палатке на берегах озер, зачастую на островах, пищу готовили на костре. Звездные ночи у костра, тихие туманные утра, свирепые шторма — все это оставляло неизгладимый след в детской душе. Трудиться приходилось много, и все работы выполнялись по давно заведенному распорядку. Раньше всех, еще до восхода солнца, вставала матушка. Она разжигала костер, грела чай и собирала завтрак, потом будила нас с отцом. Мы с отцом пили чай и с восходом солнца выезжали на озеро проверять сети. Основной улов составляли лещи и язи, несколько меньше было щук и окуней. Попадались также караси, лини, налимы. Средний улов был около пятидесяти килограммов рыбы в день, хотя весной и осенью уловы резко возрастали. Рыбу из сетей мы выбирали на воде, часть сильно запутавшихся сетей снимали для разборки и часа через три работы на воде возвращались на берег. К этому времени на моторке приезжал бригадир. Он привозил продукты, забирал от нас рыбу и увозил ее в ближайший магазин для продажи. Потом мы все втроем разбирали сети. Ближе к полудню матушка уходила готовить обед, и мы заканчивали работы вдвоем. Обедали часов в двенадцать. Меню не отличалось большим разнообразием и по преимуществу включало уху, жареную рыбу и изредка — тушенку с картошкой, но до

чего же все это было вкусно после работы на свежем воздухе. После обеда все укладывались в палатку на послеобеденный сон. Я же зачастую жертвовал послеобеденным отдыхом и убегал исследовать близлежащий лес.

В лесу мне все было интересным. Я ходил по напоенным острым смолистым запахом торжественным сосновым борам, хмурым и таинственным ельникам, веселым и солнечным березнякам и наблюдал лесную жизнь. Часто я находил различные птичьи гнезда и, ежедневно навещая их, наблюдал за развитием птенцов. Когда птенцы выросли и покрывались перьями, я забирал одного из них и выкармливал сам. Поэтому всегда на выкорме у меня находились птенцы ястребов, сов, сорок. Кормил я их рыбой, головастиками и червями. Когда у них отрастали маховые перья, я учил их летать, подбрасывая все выше и выше, а потом отпускал на волю. Находил я и белычьи гнезда — «гайна» с маленькими бельчатами, которые с любопытством рассаживались вокруг меня на ветвях ели, когда я забирался к ним. Каждое лесное существо мне было интересно и воспринималось как чудо, как изысканное творение могущественных природных сил.

Другим моим увлечением была ловля щук на спиннинг и жерлицы. Щук в свежезатопленных водохранилищах было много, но взять их сетями в закоряженных заливах было довольно трудно. Сети быстро рвались и выходили из строя. Тут-то мне и было раздолье для промысла. Мощное самодельное удище, большая «Невская» катушка с толстой леской и сделанной из металлической ложки блесной — это была моя снасть. На лодке я объезжал заросшие водорослями и захлапленные затопленными деревьями заливы и стегал их блесной или расставлял на кольях жерлицы с живцами. И довольно часто на ровной глади воды возникал мощный всплеск от атакующей рыбины, и леска начинала звенеть от напряжения. Борьба с большой рыбой была азартна и требовала искусности. Главное было не дать щуке залезть под коряги, что неминуемо вело к обрыву блесны. Не особо церемонясь с рыбиной, измотав ее борьбой, я подводил щуку к борту лодки, брал

Попов Борис Николаевич, 1950 г.р., родился и живет в г. Екатеринбурге. С 1966 г. начал работать егерем Шугунякского охотхозяйства в Челябинской обл. После работал модельщиком на заводе им. Калинина. В настоящее время работает заместителем генерального директора в изыскательской организации. Основные увлечения: охота, рыбалка, садоводство, пчеловодство, строительство.

Отец на охоте в Сысерти

рукой позади головы и перекидывал в лодку. Рыба была крупная, в среднем 2 – 3, а иногда до 5 – 6 килограммов, и без улова я не возвращался. Мои уловы не пропадали даром. Отец продавал щук заезжим рыбакам-любителям или сдавал бригадирю отдельно от основного улова. Полученные деньги мы с матушкой копили и осенью покупали для меня одежду и школьные принадлежности. Помню, какой гордостью наполнило меня в десятилетнем возрасте впервые купленное на свои деньги настоящее пальто. Тогда же я обзавелся настоящими и хорошими, по тем временам, спиннингом и блеснами. Но всеравно это считалось забавой. Главной была работа с сетями, поэтому, ближе к вечеру, я торопился к стану, чтобы с отцом ставить разобранные сети. Приехав в сумерки с озера, мы ужинали и долго вечеровали у костра под звездным небом. В редкие дни ненастья хорошо спалось в теплой постели под стук капель дождя по брезенту, и я спал напропалую целыми днями или читал свои любимые книжки про путешествия и животных. В ненастные дни отец, жалея меня, проверял сети один. Матушке же в эти дни было одно горе готовить еду под брезентовым навесом на костре, хотя я четко выполнял свои обязанности по заготовке сухих дров, необходимый запас которых всегда хранился в углу палатки. Так проходил день за днем. За лето приходилось много раз менять место стоянки, следуя за рыбой в ее сезонных миграциях по водоему.

Осенью мы с матерью уезжали в город, и отец заканчивал сезон один. На зиму он заключал договора на отстрел лосей или проводил охоты с коллективами военных охотников в различных районах Урала,

и я присоединялся к нему в осенне-зимние каникулы. Естественно, с ранних пор я участвовал в разных охотах и осваивал различные приемы добычи рыбы и диких животных и способы выживания на природе. С двенадцати лет я уже имел одноствольное ружье и самостоятельно охотился. В шестнадцать лет начал работать егерем в охотхозяйстве Уральского военного округа. Одинокая жизнь на природе, всегда связанная с тяжелым трудом и иногда – с риском для жизни, учила дорожить малым, разумно рисковать и надеяться только на свои силы. Это формировало характер одиночки, вынужденного быть самодостаточным. Вместе с тем ежедневное наблюдение природных явлений и созданий и познание их скрытой жизни с неизбежностью приводили к восхищению неограниченными творческими способностями природы и к ощущению ее одухотворенности.

Читать я научился в пять лет, и одними из первыми прочитанных мною книг были «Лесная газета» В. Бианки, сборники «Охотничьих просторов», а впоследствии книги Пришвина, Паустовского, повести Федосеева, Джека Лондона, «Дерсу Узала» В. Арсеньева, которые на многие годы стали моими настольными книгами. Любимыми журналами были «Уральский следопыт», «Вокруг света», «Наука и жизнь» и им подобные.

Наиболее значимой для моей жизни книгой, которую я прочел уже в зрелые годы, стала «Царь-рыба» В. Астафьева, после которой я неизлечимо «заболел» Севером. До этого у меня уже было знакомство с Севером, когда я проработал летний сезон докером в порту Приобья, но бесповоротное решение надолго

Первый день на работе

уехать работать на Север я принял только под впечатлением этой книги и «Северных рассказов» А. Неркаги.

Итак, однажды ранней весной я сел на самолет и прилетел в Салехард, где, как узнал, можно устроиться на работу на какую-либо факторию на Ямале.

Экзотическим названием «фактория» называется, по существу, комплексный торговый пункт, посредством которого истари осуществлялся товарообмен между коренными народностями Севера и купцами. Жители тундры сдавали на факторию мясо, рыбу, пушнину, ягоды, грибы и взамен получали все необходимые для жизни товары. Фактории, как правило, располагались в национальных поселках на путях сезонных миграций оленегонного населения и на побережьях рек и морей. В советские времена все фактории назвались торговыми пунктами и объединялись системой потребсоюза, но суть взаимоотношений от этого не изменилась, и местное население по старинке называло их факториями, а продавцов — купцами. В условиях своего монопольного положения и тотального товарного дефицита о заработках на факториях ходили легенды. Однако это мало меня интересовало. Прельщала возможность полностью погрузиться в природу Севера, познать жизнь его исконных обитателей и, может быть, заняться профессиональной охотой и рыбалкой. Отбор для работы на факториях был строгий, исключительно по рекомендациям кадровых работников системы. Таковых у меня не было, как и опыта торговой работы, так что шансов устроиться на работу было мало. Тем не менее в один из мартовских дней я предстал перед суровыми очами незабвенной Галины Казанцевой — ди-

ректора Ямало-Ненецкого розничного-торгового предприятия — и изложил свое сокровенное желание работать на Севере. Придирчиво изучив мои документы, она дотошно расспросила меня о моих способностях к суровой природной жизни. Посетовав на отсутствие у меня торгового опыта, она сообщила, что на фактории берут на работу по 3-годовалому контракту, предпочтительно семейные пары. Имелось в виду, что жена, работающая продавцом в магазине, и муж — заготовитель сельхозпродукции, хотя и имеют различный товарный подотчет, но на доверительной основе должны обеспечить взаимозаменяемость и взаимопомощь в работе. По весне у части работников факторий кончаются контракты и открываются вакансии, и директриса пообещала, что в течение 3 месяцев, при положительном решении о моем приеме на работу, мне будет направлен вызов. С тем я и отбыл из Салехарда.

Фактория Лаборова

И действительно, в начале июня мне пришел вызов на работу. Оставив дочерей на попечение родителей, я отбыл в Салехард. Жена должна была приехать ко мне через месяц, после увольнения с работы. В те времена Салехард являл собой скопление по преимуществу двухэтажных деревянных домов, разделенных улицами с деревянными тротуарами и наземными сетями теплоцентралей, раскинутых на всхолмленном правом берегу реки Полуй у слияния с могучей Обью. Открытые горизонты и нагромождение заснеженных гор Полярного Урала на западе воплощали мою мечту об астафьевских белых горах.

Придя за назначением, я узнал, что меня планировалось использовать на фактории «Глухариное» на реке Полуй, расположенной на юго-восток от Салехарда в зоне притундровой тайги. Но в последний момент факторщики решили продлить контракт, и поэтому мне предлагалась другая фактория — Лаборова, расположенная в тундре на реке Щучья, в 150 км на север от Салехарда. Название поселка Лаборова в переводе с ненецкого, как я узнал позднее, означало «отдаленная», «покинутая», что мне было и нужно. «Кстати, — сказала мне директриса, — на этой фактории живет ненецкая писательница Анна Неркаги». Воистину мои мечты сбывались.

После погрузки мы взлетели. Вертолет набрал высоту, внизу промелькнули аэродромные строения, дома Салехарда, темно-коричневые воды Оби, и мы взяли курс на факторию. Над тундрой мне летать еще не приходилось, все было интересно, и я приник к

иллюминатору. Всхолмленная земля всех оттенков зеленого и бурого была усеяна бесчисленными голубыми озерами, редкими низкорослыми лиственницами и исполосована черными колеями от вездеходов. Многочисленные реки и протоки прихотливо петляли меж холмов. Прозрачный воздух не скрывал далеких горизонтов. Слева громоздился Полярный Урал, вдоль отрогов которого мы летели на север. Картина была настолько величественной, что мною овладел восторг.

Приблизительно через полчаса полета мы пересекли строящуюся трассу железной дороги Лабитнанги — Бованенково, и скоро под нами показались строения фактории.

Поселок Лаборова состоял в то время всего из 5 домов и 4 складов-сарая, расположенных на высоком и обрывистом мысу, вдавшемся в долину реки Щучья и окруженном многочисленными озерами, соединенными протоками. Вертолет сделал круг над поселком и сел. Нас встретили поселковые ненцы и факторщик с женой, поджидавшие замену. Так началась моя жизнь на фактории.

Отчетливо запомнились ощущения первого утра. Встал я очень рано, когда еще все спали, и вышел из дома. Рассеянный свет белой ночи призрачно освещал окрестности — снеговые горы на западе, казавшиеся рядом, раскинувшиеся внизу бескрайнюю тундру, блестящие озера, петли реки в зарослях прибрежного кустарника. Вся территория поселка была покрыта бело-желтыми ромашками, слабо ко-

Заготовители поселка Лаборова

По дороге в факторию

лыжавшимися под свежим ветерком. Воздух оглашал многоголосый хор гагар, чаек, уток и других неведомых мне птиц. Окружающая обстановка вполне соответствовала ощущению приволья и настолько отличалась от городской среды, что все происходящее воспринималось как-то нереально, как сон.

Поселок был также по-своему живописен. Домик, в одной половине которого предстояло мне жить, был сложен из лиственничных бревен. Он стоял на берегу обрыва, и из его окон были видны река и горы на горизонте. В другой половине дома жила с двумя детьми молодая ненка Ульяна, работавшая пекарем. Напротив стоял такой же дом, в одной половине которого была почта, а в другой — чайная. Рядом находилось довольно объемное помещение магазина, обшитое досками и покрашенное голубой краской, с выцветшим флагом на крыше. В некотором отдалении стоял деревянный дом, в котором жила семья ненки Вали Сядай, работавшей начальником почты. Метрах в трехстах стоял большой совхозный дом, в котором жили совхозные заготовители — Сергей и Андрей Ведякины, а также фельдшер Ирина Салиндер. За последним домом, недалеко, на западном окончании мыса располагался «хальмер» — ненецкое кладбище, с перевернутыми старыми нартами и редкими покосившимися крестами.

Всего в поселке жило в то время 13 человек, и около 600 человек коренного населения жило в тундре, в радиусе около 80 километров, находящейся в зоне ответственности торгового пункта.

Надо было налаживать быт и выполнять работу. Во-первых, пришлось на практике учиться торговать: считать на счетах, осваивать отчетность, изучать то-

вар. Благо, что в это время года покупателей бывает мало. Сезонные миграции оленеводов со стадами, так называемые «каслания», происходят два раза в год: весной стада угоняют на север, на холодные побережья морей и в горы, где не так свирепствует кровососный гнус, а осенью оленей гонят на юг, в притундровую тайгу, где есть укрытие от зимних буранов. Таким образом, кочевники со стадами проходят через факторию в мае и октябре. В эти месяцы на торговых пунктах работать приходится сутками. Фактория довольно бойкое место в любое время года, и редкий день проходил, чтобы не залетели на вертолете изыскатели или строители с железной дороги, не пришла туристическая или научная экспедиция, часто иностранная. Прилетали пограничники, приезжали вездеходы с рыбаками и охотниками, как штатными, совхозными, так и браконьерскими, как правило, из Воркуты, которые маскировались под туристов. Частенько из Салехарда прилетало окружное начальство с какими-либо высокопоставленными гостями, которым хотели показать национальный северный колорит. Как говорится, «гостей со всех волостей» хватало.

Кроме магазина и складов в моем ведении находилась пекарня, в которой ежемесячно мы выпекали до двух тонн хлеба. Сначала пекарем работала худенькая ненка Ульяна, и хотя я постоянно помогал ей, работа была слишком тяжела для нее. Позже мне прислали Саню Челядинова, мужика с мутным прошлым, но прекрасного пекаря. Хлеб выпекали в огромной кирпичной печи, типа русской, куда одновременно закладывалось до пяти охапок лиственничных дров. Я помогал пекарю в заготовке дров, воды

и муки, а уж с заквасками и замесами он колдовал один, и довольно успешно, потому что хлеб получался отменный, имевший славу не только у местного населения. Частенько и вертолетчики делали крюк и залетали к нам специально за нашим хлебом.

Все ямальские фактории имели рации, и каждое утро, в 9-00, проходил сеанс общей связи, во время которого салехардскому руководству докладывалось о проблемах на факториях, решались неотложные вопросы, делались срочные заявки на товары, которые выполнялись попутными вертолетами. Кроме этого, по заявкам поселкового фельдшера, по рации я вызывал санитарные рейсы для местного населения, а также общался со своими коллегами на других факториях. Каждый месяц я вылетал в Салехард, где сдавал выручку и отчеты, отбирал товар на центральной базе, который с попутными вертолетами доставлял в поселок. В общем, работы хватало. Хорошо, что скоро приехала жена и взяла добрую половину хлопот на себя.

Конечно, мне скорей хотелось заняться каким-нибудь промыслом. Так как было лето и охота была закрыта, я нацелился на рыбный промысел, тем более что по заготовке рыбы мне был установлен план. Однако у меня не было лодки и сетей. Все время просить их у своих поселковых соседей было неудобно, и я решил обзаводиться своим рыболовным хозяйством. Лодку я решил сделать сам, так как такой опыт у меня был. Дно лодки я изготовил из кровельного железа, найденного на складе. Нужных досок на борту лодки на фактории не было, и мне пришлось их оторвать с обшивки магазина. Через неделю просмоленная и покрашенная лодка была готова. Испытания ее на реке Щучьей прошли успешно, и впоследствии я каждый вечер на веслах объезжал окрестности, изучая рыболовные места.

Это было чрезвычайно интересно. Обрывистые глинистые берега реки чередовались с пологими мысами и отмелями, перекаты — с заводьями и омутами. Скользя по прозрачной воде реки, часто можно было наблюдать крупных рыб, уходивших с мелководья в темные глубины. Отлогие берега были покрыты мельчайшим белым песком. Выше песчаных пляжей берега заросли мхом, мелкими цветами ягод морошки, княженики, голубики и множества других растений, известных лишь ботанику. Все это разнообразие, вместе с корявыми лиственницами, с изредка сидящими на них белыми полярными совами, было чрезвычайно живописно в своей естественности и вызывало осязаемое эстетическое наслаждение. Изредка в берегах открывались протоки, ведущие на заливные луга, так называемые «сора», являющиеся прекрасными местами для выгула рыбы. В целом окрестные водоемы являли собой рыбацкое «Эльдорадо». Наибольшую ценность и массовость имела белая рыба: щокур, пыжьян, сырок (пелядь). Нельма и муксун так высоко по реке Щучьей не поднимались. Хариус, щука и окунь, несмотря на свою многочисленность в реке, из-за низкой ценности не заготавливались. В

Байдарацкой губе ловили омуля, в горном озере Щучье — гольца, но не в заготовительных объемах.

Дело было за снастями. Так как сетей у меня не было, то первую рыболовную снасть я изготовил тоже сам из обрывка найденного на складе еще довольно крепкого невода. Снасть представляла собой так называемый «вентерь», состоявший из большой бочки на проволочных обручах, изготовленной из неводной мелкоячеистой дели, и двух десятиметровых «крыльев», которые направляли рыбу во вход бочки, действовали по принципу ниппеля, не позволяя рыбе выйти обратно. Кроить и шивать вентерь из разно-великих обрывков было довольно кропотливое занятие, но дня через три работа была закончена. Я поставил вентерь во вход в ближайшую протоку и уже в первую проверку имел пару ведер крупных окуней и щук. Приготовив рыбу методом горячего копчения, я угостил ею поселковых жителей, не практиковавших такую готовку, и вызвал их восторг вкусом рыбы. Это был триумф добытчика. С тех пор я был обеспечен свежей рыбой для еды. Однако ценная белая рыба в вентерь не попадалась, видимо являясь более интеллектуальной, и ее я начал ловить только после того, как привез из Салехарда сети, которые мне пришлось значительно переделать. После этого промысел приобрел уже заготовительные масштабы. Я стал солить белую рыбу в бочках, сделал из небольшого сарайчика коптильню для холодного копчения, и с тех пор у меня всегда имелся запас малосольного и копченого щокура, пыжьяна и сырка. Это была уже деликатесная рыба, с изысканным вкусом, и ее охотно покупали все посетители фактории, что обеспечивало мне выполнение плана по заготовкам рыбы и вполне законный дополнительный заработок. Конечно, это было приятно, но не меньшее удовольствие приносил сам промысел. Каждое утро я выплывал на реку, скользил по ее быстротекущим прозрачным водам, наслаждаясь свежестью и ясностью воздуха, красотой безлюдных ландшафтов, и душу охватывало умиротворение и благодать. Не меньшее удовольствие приносило азартное возбуждение добытчика, когда я вынимал из воды крупных рыб, мощно ворочающихся в сетях и отливающих тусклым серебром.

(Продолжение следует)

Достойный улов

фото: А. С. Дежнёва

Алексей МУРЗИН

СОЛОВЬИНО

— Ну, чо, рыбачок, айда поботам! — предложил как-то утром отец.

— Опять на Убьённо?

— Нет, на Исеть.

На тележку погрузили лодки и свезли на реку. Спрятали повозку в кустах, отчалили. Отец так и засиял. Оглядывая реку и берега, отдыхал на стрежи. Поток затягивал лодки во вновь размытое

русло — Узенькое, что соединило два рукава Исети, Бараниху и Исток. Плотина сооружается тут почти каждое лето, сдерживает накатывающую на нее Бараниху. Но река потихоньку подгрызает берега, возвращаясь на облюбованное место, то выше, то ниже плотины.

Минуя буруны от комьев плотного матерого берега, как

из трубы вылетаем на простор Истока. Течение прижимает лодки к длинному грязно-желтому острову.

— Гребни проворней, — командует отец, энергично налегая на весло.

Исток несет нас все дальше, у трепещущих полузатопленных тальников, у заросших камышом голых отмелей.

Алексей Никитич Мурзин родился 17 апреля 1973 года в селе Коврига Шадринского района Курганской области. Закончил естественно-географический факультет Курганского государственного педагогического института. Работает в Центре русской народной культуры «Лад». Публикуется с 1999 года. С 2003 года является членом зауральского отдела Русского географического общества. В 2005 году стал дипломантом конкурса «Золотое перо Руси» в номинации «Проза». В 2006 году был принят в Союз писателей России.

— Вон Соловьино-то! — кричит отец.

— Где? — озираюсь я в ожидании увидеть знаменитый остров.

— Да вон видишь берег крутой, черный-то!

Впереди действительно черная стена обвалившегося подточенного берега.

— А почему остров? Вроде не похоже...

— Так протоку-то затянуло, да еще гать сквозь нее клали. Илом засадило, давно туда на тракторах ездят. Все тальником заросло.

Берег Соловьиного тянется неожиданно долго. Безобразные кучи сухого тальника — чуть не до середины русла: хватают из-под воды за лопасть весла.

— А чо кусты в самой реке?

— Лет, поди, тридцать, как их сюда бульдозерами спихнули. Луга под сенокосы расчищали. Черно было в лугах-то, все выдрали. Да ноне кустами же все опять и заросло. Над рекой да над лугами только нагалились. А старики-то говорили: «Ково жо вы, робята, делаете, ить тут и птичка и зайчик спрятаются». А мужикам чо, дали разрядку — выполняй. Летом-то на Соловьинем сколь хорошо бывало! Соловьи поют — в Ковриге слышать.

Отец замолчал, предаваясь, видно, светлым воспоминаниям. Внезапный удар весла об очередную подводную ветку вмиг согнал с лица счастливое забытье.

— Вот кусты и лежат уж сколь годов. Раньше, бывало, с сетями тут плавил-неводили, чистые берега-то были. А нынче не сунешься, одни задевы.

Скоро открылась неторопливая Исеть, два рукава опять сливались и дальше уже несли воду вместе.

— Померь-ко, сколь глубина-то! — предложил отец.

Взял за лопасть, сую длинное, под три метра, весло в воду. Не достать!

Поставили сети в протоке. Потихоньку, чтобы излишне не будоражить воду, крадемся в заросшую роголистником даль. По берегам дикое сплетение таль-

фото: П.А. Устинова

ника и сочных камышей, череды да крапивы. Воды уже не видно, плывем, разгоняя веслом ряску.

— Ну, хватит! — говорит отец. Разворачиваем лодки, вставляем, упираясь ногами в борта.

фото: А.С. Дежнёва

Поднимая столбы воды, ботаем и насколько возможно быстро плывем к сетям. А в них выбирать почти нечего. Два окунька да чебачок-сквознячок, которого тут же и отпустили.

— Не густо! — огорчается отец. — Должно быть, дождь будет, вон чо у Замараевой накатывает.

Северо-западный край и правда темнел наваливающимся дождевым заслоном.

— Давай на берег, лодки подпрем, пересидим, — предложил отец.

Причалили к крутому мысу Соловьиного, втащили лодки и, повернув их днищем к наступающей грозе, подперли доской-сиденьем. В тот же миг замершие кусты смял-заломал взбесившийся ветер. Высоко на серо-синем небе забелели изодранными бумажками улетевшие от земли и воды чайки. Где-то бухнул гром. И понеслось...

Под лодкой сухо и тепло. Лежим, переговариваясь, стремясь перекричать слившиеся в монотонный гул удары капель.

— Вон чо раздурелось! А вот рыба-то, поди, с утра знала, что гроза будет...

Голос отца заглушил треск нового разряда, алюминиевый борт моей лодки так и задрожал.

— Ух, чо верескат! В воде сидит рыба-то, а как-то чувствует, что дождь будет.

Гроза стремительно удалялась в сторону Шадринска. Дождь еще колотил в умытое дно лодки, но небо светлело, отдавая землю матовым без теней светом. Трава и кусты нежно заблестели освещенной зеленью.

— Посмотрю, что оно за Соловьино, — выползая из-под лодки, объявил я.

Остров зарастал. С краев и от гати ползли завоеватели-тальники. Тонкие длинные вицы молодых кустов надежно спасали остров от вторжений. Сенюкской площади осталось не больше четверти острова, все края отобрали себе щавель, осот да крапива.

Вон с берега катушки бобров, вон трава притоптана — косу-

ли, наверно. Приволье им тут в кострах да тальниках. Вдруг вся округа празднично засияла, из последних клочков улетающей грозы вынырнуло солнышко.

— Ну, где ты? Сейчас ловот начнется! — позвал от лодок отец.

Возвращаюсь.

— Чо-то ничего особенного я на этом Соловьином не углядел.

— Да чего уж тут глядеть-то! Вот раньше бы, — хмурится отец. — Скоро и имя-то забудут. Ты вон первый раз увидел, а иные и не знают вовсе...

Через несколько лет случилось мне побывать на Соловьином. Остров почти весь зарос тальником и черемухой. Трава выдурела метра под полтора — никто уж давно не косит в лугах. И захотелось оказаться на Соловьином в ранний час майского дня, узнать, вернулись ли соловьи...

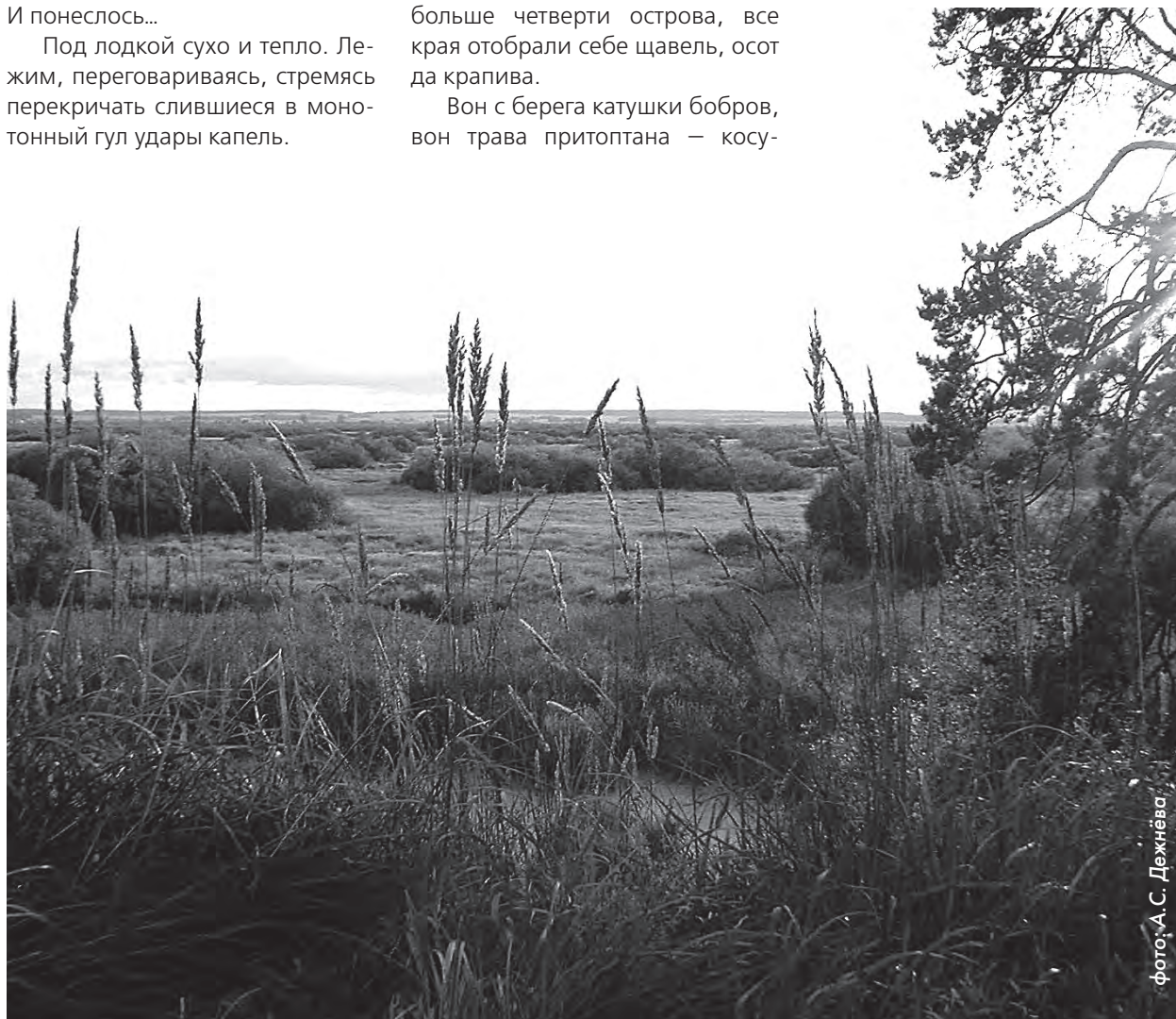

фото: А. С. Дежнёва

Татьяна ЧЕРЕМИСИНА,
фото Евгения Савенко

Спасо-Преображенский собор

Невьянск

«Дедушка уральских заводов» — город Невьянск расположен в семидесяти км от города Екатеринбурга. Невьянском город зовется по имени реки Нейвы, чьи богатые «доброй железной рудой» берега сделали город известным и за пределами России. Потребность в добыче медных и железных руд вызвана Северной войной, прекратившей импорт шведского железа и меди. И тогда правительство начинает строить новые предприятия в стране: «на реках Тагил и Нейва, где сыскана железная руда, завезь вновь железные заводы, и на тех заводах лить пушки, гранаты и всякое ружье». Где руда нашлась — там и завод пошел, а вместе с ним уж и город растет. Началось строительство завода, и 15 декабря 1701 года «мехи дуть почали, а из домны чюгун пошел», да так пошел, что уже через год невянцы

выдавали чугуна в несколько раз больше подмосковных заводов. Заводское железо выслали на пробу и столичным и уральским мастерам, все в один голос твердили, что это железо своей мягкостью лучше «свейского» будет. Волею случая невянское железо оказалось в руках у известного оружейного мастера Никиты Демидовича Антуфьева. Здесь-то прозорливый тульский мастер смекнул, что на такой богатой почве при умелом руководстве и плоды будут не малыми, и подал царю прошение на передачу ему Невьянского завода и окрестных земель. Дальновидный царь не понаслышке был знаком с мастерством и «железной» хваткой Никиты Демидовича, и поэтому в марте 1702 года вышел указ Петра I о передаче завода — это был первый случай перехода казенного металлургического за-

вода в частные руки. Царь оказался прав, ведь под руководством Демидова (отчество Демидович сразу же превратилось в «стальную», звучную фамилию Демидов) Невьянский завод достаточно быстро превратился в крупнейшее металлургическое предприятие. Генерал Вилим де Геннин писал, что «таких заводов не только в Швеции, но и во всей Европе не обретается». После смерти Никиты Демидова в 1725 году его сын Акинфий остался единственным правителем в этом огромном горнозаводском хозяйстве. Будучи сыном своего отца, Акинфий Демидов строил новые заводы, увеличивал пределы своих владений — границы его опоясали территорию, по величине сходную с некоторыми европейскими государствами. Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк говорил о Демидовых и их покровителе

Петре I, что «было много общего в этих натурах: ...работали до кровавого пота и, кажется, не знали границ своим замыслам». А биограф В.В. Огарков писал, что Акинфий Демидов «обладал недюжинным умом... был один из редких характеров по своей цельности и жестокости. В груди Акинфия билось «железное сердце»: жизнь и страдания подвластных Демидому и окружавших людей была для него пустым звуком. Он был горд, властолюбив, не выносил подчинения и притом... обладал необычайной энергией». После его смерти дети не последовали воле отца, который не хотел дробить могущественное «царство», и в результате судебной тяжбы часть земель, включая Невьянск, отошла сыну Прокофию. Прославивший в молве чудачком, Прокофий Демидов не был склонен к управлению таким хозяйством, поэтому в 1765 году продал свою долю Савве Яковлеву-Собакину. Еще долгое время завод процветал, но к концу 19 века старая уральская металлургия испытывала кризис, и завод начал специализироваться на механическом производстве.

Когда-то завод был обнесен крепостью, и кроме заводских корпусов в ее стенах находился господский двор, людская, конюшенная, амбары, баня, и в 20-х годах XVIII века рядом с прудом была построена Невьянская башня.

Невьянская башня как символ могущества рода Демидовых возвышается над исторической частью города уже без малого триста лет. Она пережила и дом-дворец дворянского рода, снесенный в 60-е годы XX века, и Спасо-Преображенский собор, который был восстановлен только в 2003 году, и «Царь-домну», разобранную по кирпичам. Легендарную наклонную башню высотой почти в пятьдесят восемь метров венчает шатрообразный купол с флюгером, на котором изображен демидовский дворянский герб. Вопрос о предназначении этой башни до сих пор остается открытым, ведь в ней размещались заводская лаборатория, помещение, где тайно

Колокольня Спасо-Преображенского собора

плавляли благородные металлы, архив, тюрьма. Также башня была хорошим наблюдательным пунктом, где постоянно дежурили караульщики.

У нее есть свои секреты – в верхней части башни находится слуховая комната, своды которой сложены так, что если один человек встанет у стенки и будет говорить шепотом, то сказанное будет слышать другой человек, встав у стены напротив, но люди, находящиеся в центре комнаты, не услышат ничего. И в утерянном доме Демидовых тоже имелись комна-

ты с акустическими секретами, недаром люди говорили: «Демид, он все слышит». Наверняка и музыку Демидову нравилось слушать. Он приказал установить на башне английский часовой механизм с колоколами, десять колоколов были привезены из Лондона, а в центре – бронзовый колокол с надписью «Сибирь, 1732 года июня 1 дня лит сей колокол в Невьянских дворянина Акинфия Демидова заводах...». На музыкальном барабане закодировано 20 английских мелодий, марш Мендельсона и «Славься» из оперы М.И. Глинки.

В 1824 году рядом с наклонной башней по распоряжению Саввы Яковлева был построен Спасо-Преображенский собор. Но его днем рождения считается 1710 год, когда на берегу пруда была возведена деревянная церковь Преображения Господня, сгоревшая в начале XIX века. От собора к концу XX века осталось немного — фундамент да трапезная. В 2001 году начались реставрационные работы, и уже летом 2003 года Спасо-Преображенский собор вновь составил прекрасный звонкий ансамбль с Невьянской наклонной башней.

Рядом с собором расположился краеведческий музей города. Музей по праву гордится своими коллекциями, сформированными по промыслам края: сундучному, сапожному, кузнечному, ткацкому, гончарному, золотодобывающему. Невьянские сундуки пользовались большим спросом на всех ярмарках, а сам промысел возник практически одновременно с «железным делом». Возник он благодаря пришествию в Невьянск гонимых

церковью старообрядцев, которых Демидов с радостью принимал в свои земли, ибо они были идеальными работниками — добросовестные, непьющие, честные. С собой люди старой веры привозили свои скромные пожитки в деревянных ящиках, обитых жестью — сундуках. У таких сундуков было много достоинств: в случае опасности они могли на скорую руку покидать все необходимые вещи и скрыться в лесах, в такие сундуки не проникали нежелательные запахи. Со временем невяньские мастера делали сундуки малахитовые, под бронзу, вырезали различные орнаменты и покрывали цветным лаком, но более всего прославились сундуки, которые обивались «мороженой» жестью, напоминающей морозный узор на окне. Невьянские сундуки были популярны не только в пределах страны, их скупали также торговцы с Востока. Кроме кустарных промыслов в музее широко представлены разнообразные коллекции металла: образцы чугунного, художественного литья Каслинского,

Кусинского и Невьянского заводов. В музее можно проследить, как был устроен быт жителей городов XIX — XX вв., познакомиться с историей края, его животным и растительным миром.

Здесь можно почувствовать себя настоящим ремесленником. В пятнадцати км от Невьянска расположились два села — Верхние и Нижние Таволги. В Нижних Таволгах с XIX века процветает гончарный промысел, здесь делают горшки и кринки, чашки и чайники — в общем, весь набор домашней посуды. На экскурсии путешественников знакомят с гончарным промыслом, в гончарной мастерской проводится мастер-класс по изготовлению какого-нибудь глиняного изделия.

Не только ремеслами прославились невяньские земли. Там, где река Нейва встречается с речкой Быньгой, расположен поселок Быньги, где в XIX веке во времена золотой лихорадки местные жители и в огородах, и на берегах сокровища искали. Правда, бывало, что вместо желаемого из глиняной

Здание женской гимназии. Начало XX в.

Жилой дом для инженерно-технических работников. 1930-е

массы доставали то зуб мамонта, то череп шерстистого носорога... Бесспорным сокровищем здесь называют храм во имя Святого Николая Чудотворца, построенный в 1796 году. «Если можно, отлей в Быньгах церковь чугунную во имя Святытеля Христова Николая: если этого нельзя сделать, то построй там храм на славу, ничего не жалей, которому стали бы дивиться и которому не было бы веку», такой ордер дал Петр Саввич Яковлев своему управляющему. Хранимый судьбою, храм не разорялся, не превращался в клуб, его купола не взрывали, иконы не сжигали, и служба в храме прекращалась всего на пять лет. Внутри можно увидеть иконы известной невянской школы, поэтому храм еще называют открытым музеем невянской иконы.

Пришла пора рассказать о невянском золоте, которое долгое время скрывали Демидовы от глаз и рук казны, а узнай она про золотые находки, тотчас же ото-

брала бы земли себе. И того, кто находил золото в демидовском царстве, ждали вовсе не прибыль и слава. Легенда о старателе Алексее Федорове, который был историческим персонажем, гласит: «около Невьянского завода рабочим Алексеем Федоровым на Голлом Пне был найден кусок золота весом в фунт. Награда за находку была самая неожиданная. Федорова заковали в кандалы и бросили в подземелья невянской башни, откуда он был выпущен только через 32 года слепым стариком. Владелец завода боялся, что, узнав о находке, казна отберет у него прииск...» Наверное, поэтому рабочий люд не сильно-то и искал здесь золото.

В Шурале раньше много было золота. «Да и сейчас лежит наверняка под избами. Был, сказывают, случай — через эти места мимо Шуралы шло целое стадо змей. После чего там золото стало появляться...» У поселка существует несколько версий его названия.

Первая гласит, что слово «Шурала» происходит от тюркского «шурале» — леший, озорник. А по другой легенде Никита Демидов, приехав в эти края, встретил на реке местного жителя и поинтересовался у него, откуда течет река. На что шепелявый старик ответил — «Ш Урала». Это богатое село, что в пяти километрах от Невьянска стоит, раньше называли Златницей.

Возвращаясь к Невьянску, нужно сказать, что город полон памятников истории и культуры, среди которых усадьбы золотопромышленников и купцов, земская школа и старообрядческая часовня. «Тепленькое местечко этот Невьянск, — говорит Василий Васильич, любясь в окно. — Пятнадцать тысяч жителей, торговля... На всех хватит золота, и еще от нас останется. Одним словом, место самое удобное. На башню слазим в Невьянске... Вон как она покосилась, голубушка, точно старушка. Любопытная штучка...»

Дэн ШОРИН, Тула

Все углы треугольника

Шампанское было с той благородной горчинкой, которая так нравилась Виктору. Он отщипнул от грозди большую виноградину и закусил.

— А мне? — капризно попросила Верочка.

Он оторвал еще одну виноградину и поднес ко рту девушки. Верочка с удовольствием втянула ее в себя и облизала пальцы Виктора.

— Вкусно? — Виктор чуть придвинулся и положил левую руку Верочке на талию.

— Ахха, — согласилась девушка. — Еще хоч.

Виктор заботливо скормил девушке еще две виноградины. Ее глаза сияли, как два маленьких блюдца. На какой-то миг Виктор утонул в них, а потом плавно привлек девушку к себе. Верочка не сопротивлялась, ее губы были мягки и податливы. Целоваться она умела. Ее язычок дразнил Виктора, так что юноша уже не мог сдерживаться. Его рука скользнула по спине Верочки, отыскивая застезку платья. Девушка привстала, и шелковое платье соскользнуло на пол. Виктор провел указательным пальцем по плечу Верочки, вдоль ключицы, по подбородку. Потом рука плавно опустилось на упругую девичью грудь, прикрывшую розовым кружевным бюстгалтером.

— Верочка, — прошептал он.

— Аюшки.

— Ты веришь в любовь?

— Не-а. Не трюнди, целуйся.

Виктор с упоением отдался порыву страсти, одновременно нащупывая оказавшуюся спереди застезку лифчика. Спустя мгновение бюстгалтер с легким хлопком сдался, обнажая Верочкину изящную грудь. Она была среднего размера, правильной каплевидной формы с маленьким светло-коричневым ободочком вокруг сосков. Ладонь Виктора тут же накрыла заветный бугорок, ощутив, как затвердели соски девушки. Губы Виктора опустились на шею Верочки, потом на ключицу, добрались до груди и стали упоенно тереть сосок.

— В каждом мужчине дремлет младенец, — фыркнула Верочка, замирая каждый раз, когда Виктор чуть сжимал зубы.

— Я люблю тебя, — прошептал Виктор, поднимая глаза вверх. Правая рука его осторожно проскользнула под тонкую полоску трусиков.

— Смелее, — девушка ободряюще кивнула.

Виктор подхватил Верочку на руки и отнес ее на кровать. Джинсы он потерял где-то по дороге. В тусклом дрожании светильников она казалась русалкой, загадочной нимфой, пришедшей из глубины веков. Загорелая кожа, голубые глаза, белые волосы с запахом каштана и ванили. Верочка была натуральной блондинкой — просвечивающийся сквозь прозрачную ткань светлый треугольник слегка вьющихся волос притягивал взгляд Виктора. Он одним движением сорвал трусики и раздвинул девушке колени. Та тихонько пискнула. Виктор вошел в Верочку резким толчком, взвинтив темп с самого начала. Она сначала подмахивала ему, потом, сраженная диким мужским напором, просто расслабилась в опытных руках, получая удовольствие. Виктор был слегка пьян, скорая развязка ему не грозила.

Когда все кончилось, они долго лежали, обнявшись. Виктор смотрел в потолок, а Верочка тихо сопела, пристроив голову ему на грудь. Он слушал ее дыхание, и, казалось, во вселенной нет ничего более приятного и волнующего.

— Вить, — Верочка открыла один глаз и внимательно посмотрела на юношу. — Ответишь мне на один вопрос? Только честно.

— Все что угодно!

— Кто такая Ника?

Виктор слегка вздрогнул, и Верочка это почувствовала.

— Понятия не имею, любимая.

— Обманываешь.

— На Земле несколько миллионов женщин носят это имя. Скажи, кого ты имеешь в виду, а я скажу, знаю я ее или нет.

— Она здесь, на корабле, — Верочка надула губки. — Ты обещал честно.

— Это называется паранойя, милая, — Виктор натянуто рассмеялся. — Мы три месяца дрейфуем

Дэн Шорин (Шорин Денис Анатольевич) Родился в Тульской области, там же и прожил большую часть своей жизни.

Писать начал еще в школе. Относится к «сетевому поколению» фантастов, вышедших из сетевых конкурсов. Публиковался в журналах «Если», «Шалтай-Болтай», «Порог» и многих других; в сборнике рассказов «Фэнтези 2005/2», в пяти сборниках «Аэлита».

В настоящее время работает в логистической компании.

в двух парсеках от Солнца с убитым двигателем. Двигатель был экспериментальным, неэйнштейновским, следовательно, починке в походных условиях не подлежит. Сигнал бедствия до Земли он дойдет не раньше чем через шесть лет. В парсеке три с небольшим световых года, любимая. Нас на корабле трое, ты я и Коля. Никакой загадочной Ники здесь нет и быть не может. Ну хочешь, завтра мы обойдем все каюты? Тогда ты убедишься? Я понимаю, тяжело проторчать лучшие годы жизни в этом корыте, так и не долетев до звезд, но сходить-то с ума зачем? Мне, например, ничуть не легче.

— Обманываешь.

— С чего ты вообще взяла, что на корабле есть какая-то Ника?

— Знаю.

— Давай поговорим об этом? Ты расскажешь про свою мифическую Нику, а я тебя внимательно выслушаю.

Верочка перелезла через Виктора, прыгнула с кровати, раздавив босой ступней виноградину, отправилась к шкафу и вынула из кармана халата лист бумаги.

— Вот, — она протянула бумажку Виктору.

На клочке бумаги было написано: «Коля, приходи ко мне вечером, я хочу тебя до дрожи в коленках. Твоя Ника». Почерк был незнакомым. Внизу стояла вчерашняя дата.

— Хм, — Виктор внимательно изучил бумажку. — Это не ты писала.

— Не я, — согласилась Верочка. — И не ты. И не Николай. На корабле еще кто-то есть.

— Конечно, в лаборатории есть оборудование, способное подделать любой почерк, — задумчиво произнес Виктор. — Но проверить, кто использовал его — минутное дело. И если это не ты, то готов признать, в твоих рассуждениях присутствует логика.

— Думаешь, фальшивка? — Верочка захлопала ресницами.

— Где ты ее нашла?

— На палубе, возле Колиной каюты.

Виктор свернул записку, поднял с пола джинсы, аккуратно расправил их и убрал записку в карман.

— Похоже, он тебя разыграл, — Виктор вздохнул. — В любом треугольнике ровно три угла. Нас на корабле трое. Ты, я, Николай. Поскольку ни ты, ни я этой записки не писали, остается Коля, — Виктор задумчиво почесал затылок. — Хотя, может статься, это и не розыгрыш. Николай мог просто выдумать себе подружку.

— На кой ему это? — Верочка изогнула бровь.

— У меня есть ты. У тебя есть я. А у него никого нет. Совсем никого. Случается, у астронавтов едет крыша, медицина называет это синдромом отшельника.

— Я слышала, синдром отшельника бывает у одинок, — Верочка изящно потербила мочку уха. — Нас на корабле трое...

— Возможно, ему не хватает общения. Или он просто мне завидует, не знаю. Я поговорю с ним, не переживай.

Через десять минут Виктор уже храпел. Верочка размышляла, уставившись в скрытый в полумраке потолок. О том, что она на корабле не единственная представительница слабого пола, девушка догадалась давно. Чужая помада на уголке зеркала, следы пудры на раковине, другие мелочи, заметные только женщине. Записка стала последней каплей, подтолкнувшей Верочку к действию. Ночной разговор только укрепил уверенность девушки — Виктор врал. Красиво, уверенно, но допуская в голосе знакомую Верочке фальшь. Девушка не могла уличить его во лжи — логика у Виктора была железобетонная. Действительно, они застряли на задворках космоса, действительно, на корабле их было только трое. Тот вариант, что Ника — это один из парней, Верочка отменяла сразу. И Виктор, и Николай были абсолютно гетеросексуальны, «играть в женщину» они не стали бы ни при каком раскладе. От ситуации отчетливо пахивало мистикой. Верочка тихонько, чтобы не потревожить Виктора, поднялась, натянула джинсы, блузку и, прихватив косметичку, выскользнула в коридор.

Санузел на корабле был один — просторный, с хорошей вытяжкой. Две кабинки с пневмоклапетами приютились в тыльной стороне санузла. Около выхода стояли три раковины, сушилка для рук и большое, во всю стену зеркало. Верочка достала из косметички клочок бумаги и мелким почерком написала записку, которую тут же засунула под зеркало. Потом достала губную помаду и в том месте, где была спрятана записка, провела тонкую линию. Тайник, тщательно скрытый от глаз любого мужчины, но очевидный для женщины, был готов. С осознанием выполненного долга Верочка вернулась в каюту, где тут же скользнула под теплый бок Виктора. Тот заворочался, что-то пробормотал, но не проснулся.

Когда Виктор пришел на камбуз, весь экипаж уже собрался там. Николай одухотворенно наворачивал ветчину, Ника, бросая на возлюбленного ядовитые взгляды, ковыряла вилок какой-то ужасно полезный салатик.

— Доброе утро, — вежливо поздоровался Виктор. — Можно к вам присоединиться?

— Садись, — Николай кивнул в сторону стула. — Как настроение?

— Голоден, как дюжина хомячков! — бодро заявил Виктор.

— А почему хомячков? — спросила Ника, оторвавшись от салатика. — Почему не львы-тигры?

— Э, мадмуазель, это вы просто хомячка не видели. Львы и тигры по сравнению с хомячками — сущие лапочки. Хороший хомяк ест все время, разумеется, когда не спит.

— А как это в него умещается? — Ника посмотрела на Виктора с интересом.

— А он, пардон, гадит тоже все время. Непрерывный производственный процесс, так сказать. А еще у него есть специальные мешки, куда он набивает еду, которую не может сразу съесть.

— Ты мою девушку не порть, — грозно сказал Николай, хотя глаза его смеялись. — Она же меня теперь хомяком называть будет, не дает покоя ей мой аппетит.

— Твой аппетит искушает мою диету, — Ника пихнула Николая в бок. — Этот хомяк меня постоянно соблазняет на разные вкусности. А я не железная!

— Ну что я говорил? — Николай сокрушенно вздохнул. — Теперь я — хомяк.

— Ты хомяк по жизни, — улыбнулся Виктор, набирая заказ на синтезаторе.

Николай возмущенно фыркнул и вернулся к трапезе. Ника скосила глаза на Николая и прыснула в кулак. Виктор извлек из синтезатора мелкие пельмени из мяса морской коровы, щедро сдобренные сметаной, салат из креветок под острым женьшеневым соусом, пучок зеленого лука, репу с медом, стакан томатного соуса, два куска душистого ржаного хлеба и холодный эклер с ванильно-ликерным кремом.

— Да ну вас, — Ника выскользнула из-за стола, бросив взгляд на стоящие перед Виктором вкусности. — Пойду поваляюсь в каюте. — Потом подошла к Николаю, обняла его за шею и прошептала: — Если есть желание, навести меня через часок.

Николай согласно кивнул и чмокнул девушку в щеку. Девушка танцующей походкой вышла с камбуза и направилась в санузел. Первым делом она остановилась перед зеркалом, чтобы привести свою внешность в гармонию с внутренним миром. Мазок помады, тянущийся вдоль края зеркала, привлек ее внимание. Через секунду Ника уже читала записку.

Серьезные разговоры не полагается вести на камбузе. Виктор дождался, пока Николай уйдет к себе в каюту, потом неспешно последовал за ним. На секунду задержался у двери, не прислушиваясь — собираясь с духом. Постучал.

Николай развалился за столом и пил коньяк. Увидев Виктора, он молча достал второй стакан и указал кивком на свободный стул. Виктор на одном дыхании проглотил предложенный коньяк и бросил на стол записку.

— Мне ее Верочка отдала.

Николай посмотрел на записку и лениво порвал ее на мелкие клочки.

— Она уже спрашивала, кто из нас Ника?

— Она думает, Ника прячется где-то на корабле.

— Ну и дура, — Николай хмыкнул. — Не понимаю, как ты ее выбирал.

— Как Адам Еву. Из всего многообразия оказавшихся на корабле андроидов.

— Я про личность, а не про тело.

— Личность меня вполне устраивает, — Виктор подвинул стакан к центру стола.

Николай разлил коньяк.

— На вкус и цвет...

— Как скоро она обо всем догадается?

— О чем догадается? — Николай невозмутимо потягивал коньяк.

— Обо всем, — Виктор одним махом осушил стакан и крякнул. — Помнишь, что ты говорил? Мол, лучший выход. Один андроид — две личности, загружаем через день, никакой ревности. Мол, в жизни не догадаются. И что теперь?

— Что ты ей сказал про Нику?

— Это твоя выдуманная подружка. У тебя синдром отшельника.

— Молодец, она это должна съесть. А по почерку что?

— Ты сгенерировал его в лаборатории. Не поленись, сходи, обозначь активность. Она может проверить.

— Сделаю, — Николай улыбнулся.

— Верочка может догадаться, что она андроид? Психопорт нащупать или еще что...

Николай уверенно посмотрел на Виктора.

— Не дрейфь. У нее программный блок стоит, чтобы психопорта не видеть. Если только по косвенным признакам.

— Это как? — Виктор насторожился.

— Например, поймет, что, кроме нее, эту записку написать было некому. Или раскопает устав космической службы, где черным по белому написано, что женщины в космос не летают, их удел сидеть дома и нянчить детей. Или месячные, которые у нее бывают вдвое чаще, чем следовало бы. Но твоей ипостаси это не грозит — умом не вышла. Вот Ника вполне могла бы...

— Мне кажется, мы выбрали неверный подход. Девушка должна быть одна.

— Ревнуешь?

— Нет. То есть да. То есть не в этом дело. Я о Верочке забочусь. Что с ней будет, когда она узнает?

— Перепишем память.

— Нет!!!

— Виктор влюбился в андроида, — Николай усмехнулся.

— А что еще делать, если мы хрен знает сколько лет торчать здесь будем? Я не такой циник, как ты, не могу замыкаться в себе.

— И что? — Николай изогнул бровь.

— Мы используем андроида, чтобы не свихнуться за годы, которые нам предстоит провести в одиночестве. Только любовь может нам помочь продержаться все это время. Твои обвинения не в тему, я просто пытаюсь выжить...

— Ты идеалист, Виктор.

— Это не отменяет приведенных мной аргументов.

— Я пока не услышал разумных аргументов, — Николай поднялся со стула и прошел по комнате. — Ты пытаешься защитить свою женщину. Это понятно. Инстинкт, пришедший из тех далеких времен, когда люди жили в пещерах и охотились на мамонтов.

— И что? — Виктор машинально скопировал тон Николая.

— Вот только от чего ты защищаешь свою женщину, мне непонятно, — невозмутимо продолжил тот.

— От потери личности. Я завоевал ее, а если ты сотрешь ее воспоминания, мне придется начинать все заново. И еще неизвестно, как сложатся наши отношения.

— Разумные слова разумного человека, — Николай довольно хмыкнул. — А я уж, наслушавшись той чуши, которую ты порол последние десять минут, подумал, что тебя глючит. Итак, ты не хочешь в очередной раз проходить стадию ухаживания, носить Верочку на руках, исполнять ее прихоти. Так?

Виктор молча кивнул.

— Поэтому ты горой будешь стоять за то, чтобы сохранить память Верочки в неприкосновенности?

Виктор кивнул еще раз.

— А теперь попробуй подумать, — вкрадчиво произнес Николай, усаживаясь обратно на стул. — Через день мы сохраняем память Верочки на стационарный носитель. А вместо него записываем память Ники. Если Верочка о чем-нибудь догадается, мы просто запишем в тело ее память недельной давности. Сделаем откат на неделю. Понимаешь? Ты точно так же будешь трахать свою Верочку, минуя стадию ухаживания, просто из ее головы улетучатся все подозрения. А я прослежу, чтобы она не нашла эту записку.

— Это нечестно, — попытался возразить Виктор.

— Предложи другой вариант, который бы всех устроил, — коротко сказал Николай. — Ты будешь жить со своей Верочкой, а я сходить с ума от одиночества? Ты этого хочешь? Подумай хорошо, нужен ли тебе сумасшедший? Это будет проблема серьезнее чувств андроида.

— Николай, ты циник.

— Знаю. Еще вопросы есть?

— А ее интересы ты принципиально не рассматриваешь?

— Ее — это чьи? Верочки? Или Ники?

— Верочки. Она более чувственная натура.

— Это следует из недостатка интеллекта?

— Не хаами.

— Если уж говорить об интересах виртуальных личностей, то не забывай и про Нику. Если Верочка станет постоянной владелицей тела, Ника умрет. Ты хочешь убить мою девушку?

— Я хочу найти решение.

— А нет никакого решения, — Николай улыбнулся. — Перед нами классический любовный треугольник, известный еще с глубокой древности. Двое мужчин и женщина в замкнутом пространстве. Мы сумели справедливо поделить единственную женщину, поочередно загружая в нее два разных сознания. Это не панацея, это всего лишь временное решение. Кризис все равно возник бы рано или поздно. Единственный выход — попытаться подавить в себе ревность и воспитать женщину

так, чтобы она со временем все узнала и смирилась со своей участью. Она низшее существо. Женщина. Андроид.

— Я знаю еще один выход, — сказал Виктор и достал миниатюрный револьвер.

— Это не выход, — голос Николая дрогнул.

— Любовный треугольник издревле решался устранением одного из углов.

— Я человек, а она женщина! Как ты можешь?

— Женщина — тоже человек. Даже когда она андроид, — холодно сказал Виктор. — Если веришь в Бога — молись. У тебя есть пять минут.

Ника вошла в каюту бесшумно. Виктор слишком поздно почувствовал движение за спиной, чтобы как-то среагировать на удар. Он упал на пол, револьвер отлетел под стол. Извернувшись волчком, Виктор вскочил на ноги, с силой пихнул Нику на встающего из-за стола Николая и бросился к двери. Через секунду он исчез в коридоре.

— Ты не ушиблась? — Николай на лету поймал Нику и нежно ее обнял.

— Что со мной случится, я же андроид, — печально улыбнулась девушка.

— Слышала разговор?

— Сама вычислила.

— Как? — Николай изогнул бровь.

Ника протянула Николаю извлеченную из-под зеркала записку. Николай пробежал ее глазами, нахмурился:

— Существование Верочки еще не доказывает, что ты андроид. Она, например, уверена, что мы тебя где-то прячем.

— На дату и время посмотри, — сказала Ника. — Там сегодняшнее число. Поздний вечер. В отсутствие машины времени это приводит к единственному выводу — две личности используют это тело по очереди, а чтобы мы ничего не заметили, дни повторяются.

— Ты у меня умная, — Николай нежно обнял Нику.

— Что хотел от тебя Виктор? — спросила девушка. — Надеюсь, ты не клеился к этой самой Верочке.

— Все гораздо хуже, — Николай вздохнул. — Он настолько беспокоится о судьбе своей Верочки, что решил перевести твоё тело полностью в её распоряжение. А поскольку я с этим оказался категорически не согласен, он заодно решил избавиться и от меня. Он сказал, что любовный треугольник издревле решался устранением одного из углов.

Ника выскользнула из объятий, нагнулась, подняла с пола револьвер.

— Возможно, он был прав, — промурлыкала Ника, протягивая револьвер Николаю.

— Думаешь? — астронавт нахмурился

— Иначе он убьет тебя. Ты этого хочешь? Я — нет.

Николай хмыкнул, потом взял револьвер. Они вышли в коридор, при этом Ника пряталась за спиной Николая.

— В его каюту? — спросил Николай у спутницы.

— Думаю, да, — согласилась девушка. — Хотя, у него могло хватить ума, чтобы спрятаться где-нибудь на корабле.

— Найдем, — уверенно заявил Николай и неторопливым шагом направился в сторону каюты Виктора.

Виктор сидел на камбузе и торопливо вставлял маленькие холодные пули в барабан револьвера. Как же невовремя вмешалась Ника. Нажми он курок секундой раньше, и сейчас на борту остался бы только один человек. И андроид, который бы ночью стал бы Верочкой, да так и остался бы ей навсегда. Виктору не нравилась Ника, она была чересчур умна, что для женщины, а тем более для андроида являлось непозволительной роскошью. Теперь ситуация кардинально изменилась. Николай был вооружен, его сопровождала Ника, стрелять в которую было никак нельзя — Виктор не мог испортить тело Верочки. Оставался единственный выход — попытаться подстрелить Николая, а потом аккуратно скрутить Нику. Если получится. Виктор вставил последнюю пулю и тихонько выскользнул в коридор.

Узел связи на корабле выглядел просто — стол, стул, небольшой компьютер, уходящий к антенне магнитный кабель. Кодировка сигнала и градуировка антенны осуществлялись программно, пользователю достаточно было набрать сообщение и адресата. Николай сидел за компьютером, пытаясь сформулировать сообщение. Ника стояла у него за спиной, вглядываясь в матовую поверхность монитора.

— Думаешь, это нужно? — спросила девушка.

— Разумеется. Если удача улыбнется ему, на Земле будут знать, что Виктор — преступник. Если повезет мне — это защитит меня от судебного преследования, после того как мы вернемся на Землю.

— Если мы вернемся на Землю, — поправила Ника.

— Выше нос! — Николай попытался улыбнуться. — Мы обязательно вернемся.

— И что будет на Земле со мной?

— Я выкуплю тебя у космофлота, и мы будем жить вдвоем в крошечном домике на берегу моря, — Николай пробежался пальцами по клавиатуре и тут же ощутил мелкую вибрацию, маневровый двигатель доворачивал корпус до оптимального положения относительно Земли. — Я запустил предварительный широкополосный информационный сигнал. В течение пяти минут для всех, кто нас услышит, будет идти сообщение, на какой частоте мы пошлем основной пакет данных.

Виктор сначала не понял источника вибрации, несколько минут оглядывался по сторонам, сжимая в руках холодную сталь револьвера. Потом он хищно оскалился и неспешно направился в сторону узла связи. Развязка приближалась.

Когда Виктор ворвался на узел связи, он не смог сразу выстрелить — между дверью и сидящим за компьютером Николаем стояла Ника. А уже в сле-

дующий миг Николай развернулся, отпихнул Нику в сторону, вскочил на ноги, направил в лоб Виктору револьвер.

Два человека с револьверами в руках стояли друг напротив друга, чуть в стороне прижалась к стенке испуганная девушка-андроид.

— Поговорим? — Николай усмехнулся, глядя прямо в глаза Виктору.

— О чем? — Виктор не отвел взгляд.

— Попробуем найти решение проблемы.

— А оно есть?

— Думаешь, нет? — Николай прищурился.

— Любовный треугольник — задача, не имеющая внутреннего решения. Только смерть одного из нас способна изменить ситуацию.

— Если бы каждый любовный треугольник приводил к чьей-то смерти, люди вымерли бы еще до изобретения колеса.

— Я сказал «внутреннего решения», — Виктор нахмурился. — «Бог из машины» не в счет.

— Ты считаешь, что...

— Да, — палец Виктора чуть дрогнул на спусковом крючке. — На Земле никогда не существовало идеального любовного треугольника. Земные влюбленные всегда были открыты для внешнего воздействия. Идеальный любовный треугольник возможен только в космосе, на затерянном космическом корабле.

— Тогда, ты прав, решения нет, — жестко сказал Николай.

В этот миг из колонок компьютера раздался приглушенный женский голос:

— Неизвестный космический корабль, мы слышим вас. Вам нужна какая-нибудь помощь?

— Deus ex machina. Возможно, это решение, — задумчиво произнесла Ника и тут же добавила: — Капитанский доступ, всем опустить оружие.

Начальник исследовательского сектора дальнего космоса Александра Сverbжинска, откинув голову, рассматривала матовый потолок кабинета.

— Мы нашли ее случайно, — докладывала Ирина Клестовская, звездный пилот третьего класса. — Во время промежуточного прыжка мы обнаружили в трех световых минутах от себя широкополосный источник радиосигнала. Спросили, не нужна ли какая-нибудь помощь. Когда Вероника ответила, мы были в шоке. Она пропала пять лет назад. Пять лет наедине с космосом, это сложно представить! За половину этого времени многие сходят с ума. Синдром отшельника.

— А она? — Александра Сverbжинска опустила взгляд на подчиненную.

— А она хоть бы что. Забавлялась с двумя андроидами. Представляете, они приревновали друг друга к Веронике. Даже хотели стреляться.

— Мужской психотип, — поморщилась Сverbжинска. — Именно поэтому мужчины и не летают в космос. За пределами стратосферы не должно быть кровопролития.

Город детства

Неделя выдалась тяжелая. Июльская жара топила мозги, как воск. Продажи, словно назло, снижались. Директор бычился и капризничал — каждое утро учинял планерки с разборами полетов, вылавливал опоздавших. В пятницу стрелки часов, распаленные солнцем, завязли. С огромным трудом мы дождались конца рабочего дня и завалились в бар — я, Глеб, Аркашка и Жорик.

Первый стакан райски холодного пива ушел в мгновения. Взяли по второму, затем по третьему. Языки развязались, забурилась кровь. Стало легко и весело. Жорик открыл серию анекдотов. Он всегда смешил, этот Жорик, я завидую таким. Потом перебрали по косточкам придурка-шефа и кое-каких коллег.

Глеб исчез первый.

— Ну все, ребята, я линяю, мне ребенка из садика забирать.

Правильный парень, самый молодой и удачливый. И все у него спорится, и все у него есть: коммерческая хватка, любимая жена, классная тачка. И жизнь его, как фруктовый кефир. Иногда он наводит на меня скуку.

Потом позвонили Жорику, его домогались какие-то бабы, и он тоже решил отчалить. Аркашка бросил несколько острот ему на прощание.

Я с Аркашкой сидел еще долго. Не знаю, что на нас нашло, но в конце мы взяли двести водки. А после пива это чревато. Хотя оба остались в норме — болтали за жизнь, беседа казалась чертовски интересной.

Когда вышли из бара, жара уже спала. Солнце почти село, мазнув над крышами оттенком хурмы. Веяло свежим, чуть влажным запахом асфальта.

— Гребаный город, — сказал я. — Здесь отравленная атмосфера, вечные пробки и злые люди.

— Ага, точно, — икнув, согласился Аркашка.

— Слушай, давай завтра на природу махнем, а? — лучшие идеи, как известно, рождаются под градусом. — Я место знаю классное. Озеро Лесное. Удочки возьмем, палатку, шашлык.

— А-балдеть! — поддержал Аркашка. — Базаров нет, я двумя руками.

Мы стояли около бара и курили.

Обговорив детали предстоящего путешествия, мы пошли в сторону дома, благо, было близко и по пути.

— Знаешь, Влад, что меня беспокоит, — вдруг произнес Аркашка.

— Ну?

— Молодость, Влад. Ты чувствуешь, как она ушла?

— В смысле?..

— Нам с тобой уже за тридцать, — он покосился на меня, приподняв густые брови. — И молодость прошла, понимаешь?

— Хм, — усмехнулся я. — Я лично себя молодым считаю.

— Ты уверен? — Аркашка растянул в улыбке длинный рот. — А зря... Вот мне даже телок снимать уже не хочется. Раньше, бывало, выпьешь сто грамм... А тебе разве хочется?

— Мне? — почему-то удивился я. — Не знаю. Я жену люблю.

— Э, брат, это ты врешь, — погрозил пальцем Аркашка. — Просто запала нет уже, согласен?

— Вряд ли. Мне жены хватает. Это любовь, Аркан, лю-бовь.

— Ну-ну, слышали мы такие сказки. Хочешь сказать, даже на других баб не засматриваешься?

— Да не, заглядываюсь. Но это как на выставке, понимаешь? Красивые картинки.

— Любовь все равно не вечная. Год, два, а потом... Я повел плечом — спорить тут не хотелось, и сказал:

— Надо отлить где-то.

На счастье, подвернулся старый заброшенный дом — двухэтажное кирпичное строение, обнесенное полуразрушенным забором, строение с оттенками высушенной рябины, кое-где выщербленное, без признаков жизни.

В прошлом здесь водилась какая-то контора. Почти на всех окнах первого этажа крепились паутины из ржавых прутков, и только два крайних зияли непри-

Молотилев Владимир Борисович (псевдоним Владимир Молотов) родился в 1973 г. в г. Тюмени. Учился в Красноярском институте космической техники, закончил Тюменский нефтегазовый университет. Служил в армии в Североморском гарнизоне. Работал инженером на заводе, менеджером по рекламе, киномехаником, журналистом. Серьезно увлекся литературой с 2006 г. Публиковался в журналах «Порог», «Техника — молодежи», «Очевидное и невероятное». Живет в Тюмени и работает специалистом по торговому оборудованию.

крытой чернеющей пустотой. Дом и раньше попадался мне на глаза, но внутрь я никогда не проникал.

— Блин, я тоже в туалет хочу, — заметил Аркан.

Мы пролезли через дыру в заборе и направились к угловому окну.

Внутри было темно, пахло мочой и плесенью. Я включил функцию «Фонарик» на мобильнике и осветил и мы пристроились у стенки с черными угольными матерками на облупившейся штукатурке.

Облегчившись, я поводит рукой с мобильником — голубой «зайчик» пробежался по всем стенам.

— Смотри, дверь какая! — изумился Аркашка.

В торцовой стене, ближе к углу, была деревянная дверь, выкрашенная в свежий кремовый цвет, что выделяло ее на общем фоне. Я подошел и повернул золотистый бочонок замка-ручки — дверь поддавалась. Нам в глаза ударил слишком яркий полуденный свет.

— Ясно, другой выход, — заключил Аркадий.

Мы вышли.

Но пейзаж перед нами предстал иной, не тот, который ожидался. Слева тянулось необъятное гороховое поле, из него там и тут выглядывали золотистые короны подсолнухов. Прямо, истекая от наших ног, шла ухабистая грунтовая дорога, а справа, в отдалении, виднелись небольшие каменные дома. Позади остался тот же заброшенный дом и свежее выкрашенная дверь в стене. Справа на обочине, в двух шагах от нас, росло дерево — большой раскидистый тополь, к мощному стволу которого прислонились два велосипеда. По их желтым рамам бегали змейки — тени трепещущей листвы. Было солнечно и нежарко.

— Это же «Салют», — констатировал я. — Сейчас таких не выпускают. А ведь блестят, как новенькие.

Я взял один, оседлал и покатил.

— Ух ты, как классно! — услышал я свой голос сквозь свистящий в ушах ветер.

Полевой аромат гороха ударил в ноздри. Созди зазвенело, я оглянулся. Аркашка догонял меня на другом велике.

— Давай наперегонки!

— Да ты уже проиграл, — засмеялся я и активной налег на педали.

Мне удалось оторваться, но вскоре Аркан сократил разрыв, а затем и вовсе вырвался вперед.

И если б не первый дом, он бы не остановился.

— Ладно, ты победил, — смирился я.

Запахавшись, мы спешили и прочитали вывеску «ПРОДМАГ».

Я ухмыльнулся и мы вошли. Магазин пустовал. На открытых прилавках — бери, что хочешь. Кукурузные палочки в большой коробке, какие были в советское время. Пол-литровый «Дюшес» в болотном темно-зеленом стекле, с маленькой этикеткой на конусе бутылки. Пиво «Жигулевское» — того и гляди, перепутаешь с «Дюшесом». Водка «Пшеничная», прозрачная вытянутая бутылка с большой золотистой наклейкой. Крупные конфеты «Гулливёр» в желтой обертке. И еще много всякой старинной всячины.

— Черт, куда мы попали? — нахмурившись, протянул Аркашка.

Я попытался протрезветь:

— Ты разве еще не понял? Это наша общая галлюцинация... цию... нация. Город детства.

— Тогда ущипни меня за зад.

Но я взял с витрины коробку кукурузных палочек, варварски вскрыл ее и начал хрустеть.

— Н-да, палочки из детства гораздо вкуснее.

Аркашка последовал моему примеру.

— Раньше сахарной пудры не жалели, — заметил он.

— Разве в галюниках можно жрать и ощущать вкус? — спросил я то ли у него, то ли у себя.

— Нет, конечно.

Мы вышли из магазина, прихватив еще по бутылке «Жигулевского». Я сел на траву и задумался.

— Если это не групповая галлюцинация, то что же с нами происходит? Мы попали в параллельный мир? Или нам открылось окно в прошлое?

— Не окно, а дверь... Слушай, да не заморачивайся ты. Погуляем и вернемся, а потом будем разбираться. Вон смотри, Луна-парк!

Я повернул голову в сторону, куда Аркан тыкал пальцем. Посреди горохового поля красовался, словно мираж, огороженный белоснежным забором городок развлечений. Над воротами высилась дугообразная вывеска: «Луна-парк». Издали это походило на цветной картонный домик или возведенное в поле строение эльфов из компьютерной игры.

— Черт, как же мы его раньше не заметили? — я почувствовал, как к груди подкатывает теплая волна. — Наверно, такой же приезжал, когда я перешел в старшие классы.

Мы взяли велосипеды и пошли туда, хрустя на ходу палочками.

Перед нами предстал безлюдный парк аттракционов, раскинутые шатры зазывали радугой вывесок. Гигантскими виноградными гроздьями болтались на ветру желто-зеленые и светло-красные шары.

— Вау! Пещера страха!

Когда-то я мечтал побывать в ней и второй, и третий, и десятый раз, но мелочи хватало только на один. Не раздумывая, я сел в тележку, хлопнул пробкой «Жигулевского» о бортик, тележка тронулась и окунулась в пещеру. Аркашка, дуралей, поперся стрелять в тир.

В пещере было темно, а на крутых поворотах с легкой вспышкой света навстречу мне выскакивали скелеты и страшилища. Дух захватывало, как в детстве. Сердце выскакивало из груди. Потом я пустился по второму и по третьему разу.

Аркашка ждал меня у выхода из Луна-парка.

— Почему ты не пошел в Пещеру страха?

Он махнул рукой.

— С детства не люблю острых ощущений.

Я хмыкнул. Мы бросили в урну опустошенные коробки и бутылки и с велосипедами пошли по полю, на ходу принявшись поедать горох.

— Пора и честь знать, — сказал он.

— Думаешь?

Он кивнул.

Несмотря на вновь выпитое пиво, хмель куда-то улетучился. Я чувствовал себя почти трезвым. И вместе с тем испытывал особый душевный подъем, невыносимую легкость бытия. Над нами пролетела чайка, я остановился и положил велосипед. Обмякши, я лег прямо на горох, раскинул руки и уставился на небо. Ни единого облачка. Бездонная синь кружила голову. Небо здесь было другое — оно то высасывало меня, то падало на меня, то зеленело, то белело. Я тихонько засмеялся.

— Ты чего ржешь? — удивился Аркадий, стоя надо мной.

— Мне кажется, я схожу с ума, — отметил я.

Одной рукой он придерживал велосипед, а другой расколупывал стручок гороха.

— А вот и первый человек.

Он всегда был чертовски наблюдательным, этот Аркашка.

Сторож горохового поля в черном плаще несся прямо на нас с двустволкой наперевес.

— Эй, засранцы! Горох не трогай, солью стреляю!

И он пальнул один раз в воздух.

Я соскочил. Мы забрались на велики и помчались обратно к двери. Еле успели и поспешно ввалились в спасительную дверь.

* * *

В понедельник, встретив Аркашку в офисе, я первым делом спросил:

— Ты ходил туда?

— Куда?

— Не придуривайся. Второй раз ходил?

— Не, — он принял серьезный вид. — Боязно. А ты что, ходил? Когда мы выбрались оттуда, ты даже не решился снова открыть дверь.

— Ну так я хотел вернуться на трезвую голову. И вчера днем я это сделал.

— И как? — он приподнял густые брови.

Лицо его превратилось в знак вопроса.

— На этот раз там был самолет.

Мимо прошел шеф, с подозрением поглядел на нас, и мы инстинктивно перешли на полусшепот.

— Какой самолет?

— Ну этот, Ил-2, что ли. В моем детстве такой стоял в парке, и мне все хотелось залезть в кабину и включить его, но она была наглухо запаяна. Вчера же я не только забрался туда, мне удалось его завести и проехать полкилометра. Слава богу, взлетать я не умею.

Аркан присвистнул.

— Я не решился, — сказал он. — Мне до сих пор кажется, что все было сном... У тебя есть мысли, откуда оно взялось?

— Я думал всю субботу и не мог найти никаких логических объяснений. Это не галлюцинация, не машина времени. По-моему, это какая-то параллельная реальность, возвращающая нас в детство.

То есть некий пустынный город с атрибутами нашего детства. И вот что еще мне пришло в голову. Город детства исполняет те заветные желания, которые горячо зудели у нас в детские годы.

— А как же велосипеды?

— У меня не было «Салюта». А я мечтал. У тебя разве был?

— Нет, только подержанный «Уралец».

— Вот видишь... Надеюсь, ты никому не расскажешь про эту дверь?

— А кто поверит?

Но Аркашка разболтал — правда, только своим. Он сообщил Глебу и Жорику, что приключилось с нами после того, как они ушли из бара. Впрочем, и этого хватило.

В тот же вечер (был вторник) Глеб с Жориком, посмеиваясь над нами, поперлись в заброшенный дом. Уж не знаю, что там с ними происходило, но утром они пришли на подъеме. Собственно, в то утро я и узнал, что они уже в курсе. В пятницу, вместо традиционного пивбара, пошли все, вчетвером. Потом каждый стал ходить, когда ему вздумается.

В один замечательный вечер я повел в Город детства свою жену.

— Владик, ну хватит разыгрывать! — Надя до сих пор не верила.

— Я не разыгрываю, — серьезно сказал я. — Сей-час сама все увидишь.

— Ты просто какой-то сюрприз придумал, да?

Ее наивные оливковые глаза по-детски смотрели на меня.

— Ладно, можно и так сказать — это сюрприз. Пойдем!

Солнце еще не зашло, в исписанной комнате не было темно. У заветной двери, подбрасывая камешки, сидел какой-то хмырь, парень-акселерат, с короткой стрижкой и тупым взглядом. Я почувствовал неладное. Когда мы приблизились, он поднялся и преградил нам дорогу. Роста у него оказалось метра два. На лице красовались прыщи.

— Вы туда?

— Ну да, — хмуро подтвердил я. — А ты кто такой?

— Вход пятьсот рублей.

— Что-о?! — меня бросило в жар.

— Пятьсот рублей. Все вопросы к Глебу. Теперь это его фирма.

— Какая на хрен фирма! — во мне все закипело. — Это же я нашел эту дверь!

— Ну и что. Все вопросы к Глебу. Получите скидку для коллег.

Я посмотрел на него снизу вверх. Прыщавый дедина был явно сильнее.

Как назло, выходя на прогулку, мы не взяли с собой денег. Пришлось развернуться и уйти ни с чем. У меня в горле застрял комок. Жена сначала ничего не понимала, а потом стала хихикать.

— И к чему весь этот цирк? Глупость какая-то.

Я ничего не говорил.

Наутро, придя в офис, я первым делом нашел Глеба и ухватил его за дорогой сиреневый галстук. Попытался слегка придушить.

— Слушай, ты, нувориш проклятый! Какую ты там фирму придумал? И как у тебя совести хватило?

Он захлопал большими глазами.

— Да подожди ты, Влад, не кипятись. Я тебе карточку дам. Своим всего сто рублей на три посещения.

— Эх, щас бы как врезал тебе!

— Ну давай, рискни! — спокойно сказал он и вырвал галстук.

Отряхнулся, как будто сбросил с себя мою пыль, и добавил:

— А что ты хотел? Иной за возможность попасть в детство миллионы заплатит. Пятьсот — это не бабки. Это почти задаром.

— Думаешь, все продается и покупается? — сплунул я. — Не случайно ты в школу при Ельцине пошел.

— При чем тут школа?

— Короче, скажи этому своему прыщавому дебилу, чтоб он убирался оттуда. Я надеюсь, ты еще не подал рекламу в газету?

— Нет, только с работы кой-кому сказал, — он вдруг сник, как спущенный шарик. — Ладно, посмотрим.

И пошел восвояси.

— Ты все понял? — крикнул я вдогонку, но он промолчал.

Вечером я отправился на проверку один, без жены, без Аркашки. На всякий случай прихватил самодельный электрошокер.

К моему облегчению, у двери никого не было. Сердце радостно запрыгало, я огляделся по сторонам и медленно подошел к входу в Город детства.

Когда я открыл дверь, меня словно током дернуло. Ноги и руки онемели. Нечто подобное, кажется, я уже видел в любимом фильме моего детства, «Гостя из будущего»: там главный герой вместо машины времени обнаружил вот такое. За дверью в Город детства дыбились кирпичная кладка. Кирпичи во многих местах были выщерблены, изъедены временем. Словно в насмешку, на краю кладки слегка колыхалась паутина. Я постучал по стене, она оказалась на удивление прочной.

— Ну вот, доигрались... — вслух произнес я.

Все из-за Глеба. Город детства не потерпел такого к себе отношения — так мы с Аркашкой решили поутру. Но бить ублюдка теперь бесполезно. Морали читать тоже. Надо решать, что делать? Какой поступок совершить, чтобы проход снова открылся? Ведь, кажется, так построены все фантастические сюжеты с всякими волшебными каналами?

Мы сидели в курилке.

— А может, как раз нужно его наказать, и тогда дверь откроется? — почесал голову Аркан.

— Нет, слишком примитивно, — возразил я.

— А если самим нужно что-то поправить в своей жизни? — Аркадий сделал философски-печальный взгляд, как у больного щенка.

— Не знаю... Послушай, нужна ли нам вообще эта чертова дверь? Ну, сходили мы туда, сделали паруройку экскурсий. Воплотили не сбывшиеся в детстве мечты. Разве этого недостаточно?

— Тебе, может, и достаточно. А я так и не дождался, когда в Городе появится море.

— Зачем тебе море? Съезди в отпуск на юг.

— Во-первых, там бесплатно. А во-вторых... В детстве меня возили на Черное всего один раз. И где-то по дороге, на берегу, был заброшенный почерневший фрегат. Не знаю, откуда он взялся в то время. Мы просто проехали мимо, а я так хотел по нему полазить. Но мне не дали. Кажись, я даже плакал. А сейчас я надеялся, что Город даст мне возможность полазить по старинному фрегату...

Я удивленно поглядел на Аркадия. Такого откровения от него я не ожидал. Он же посмотрел чистыми глазами, мол, чего тут такого, что ты уставился?

Мы так и не решили, что нужно сделать.

Вечером я сидел дома, на диване, и смотрел телевизор. Надя копошилась на кухне. Я тупо глядел на экран и думал о своем. После рекламы начали показывать сюжет местных новостей. Я увлекся...

Меня поразило, что эта семья живет в соседнем доме! Возможно, я даже видел мамашу, определенно видел, встречал во дворе, но девочку... Лет десяти, прелестная, с умным бледным личиком, она уже не вставала с постели. Редкая болезнь. Медленная и мучительная смерть, паралич всего тела, адские боли. Максимум через месяц надо сделать операцию за границей. Сумма почти собрана, но не хватает еще три штуки евро.

Меня как озарило. Я решил, что это знак, и, будто зомбированный, пошел одеваться. Надя удивленно выглянула из кухни:

— Ты куда?

— Да так, пойду пройдуся.

С халтурками я накопил три штуки, остальное хотел взять в кредит. Жаль, конечно, с новеньким авто придется отложить, ну да черт с ним, куплю велосипед. Что ж, пусть лучше к девочке вернется детство, ведь оно должно быть счастливее моего.

* * *

Думаете, после того, что я сделал, дверь открылась? Ничего подобного. Видно, что-то все равно пошло не так, и я подозреваю, в чем суть. Где-то в глубине души я жалею потраченные деньги, но постоянно борюсь с этим осадком. Возможно, когда я выиграю эту внутреннюю борьбу, дверь откроется. Ведь девочка теперь жива-здоровая, уже бегаёт-прыгает по двору. Значит, не зря. Ее детство будет во сто крат прекраснее — время же другое, и у нее сбудутся все забавные мечты ребенка.

А мы с Аркашкой ходим каждую пятницу и проверяем, не исчезла ли кирпичная кладка. Я очень хочу увидеть Аркашкин фрегат. Ведь надежда умирает последней.

Вадим ОСИПОВ,
фото Веры Лесенко

Волшебники собрались в Екатеринбурге

26 – 27 марта 2009 года в Екатеринбурге состоялись заключительные мероприятия Второго Всероссийского фестиваля литературного творчества детей и юношества «Волшебная строка – 2009», учредителем которого является Министерство культуры Свердловской области, а организаторами – Свердловская областная библиотека для детей и юношества и Екатеринбургское отделение Союза писателей России. В этом году российский фестиваль «Волшебная строка» приобрел особый статус – он проходит под эгидой Российской библиотечной ассоциации.

Неоценимую поддержку «Волшебной строке» оказали благотворительный фонд «Синара», ЗАО «Золото Северного Урала» (дочернее предприятие компании «Полиметалл»), филиал компании МТС на Урале, Первая пчеловодческая компания «Тенториум», типография «Астра» и фотошкола «ОК».

В рамках фестиваля проходит конкурс юных литераторов (12 – 17 лет) в пяти номинациях: «Поэзия», «Проза», «Сказка и фантастика», «Гениальный читатель» и номинация Молодежного православного отдела Екатеринбургской епархии «За раскрытие тем веры, совести, милосердия, художественное осмысление современной жизни в свете христианских ценностей».

Журнал «Уральский следопыт» традиционно осуществляет информационную поддержку фестиваля, предоставляя свои страницы работам победителей и лауреатов конкурса «Волшебная строка».

В 2009 году более 700 юных авторов из 48 регионов России, Белоруссии, Украины и Казахстана представили на суд жюри около 5 000 работ в стихах и прозе.

250 соискателей – жители из Екатеринбурга и 28 муниципальных образований Свердловской области.

Этот культурный проект является одним из крупнейших российских фестивалей детского творчества. Победители и дипломанты «Волшебной строки – 2009», а их 64 человека из 25 областей, 5 республик и автономных областей Российской Федерации (Удмуртия, Марий Эл, Хакасия, Карелия, ХМАО-Югра), приехали на границу Европы и Азии, чтобы показать свое искусство сверстникам, найти новых друзей и получить стимул для дальнейшего творчества.

Лекция Вадима Осипова под флагом «Следопыта»

Председатель жюри конкурса – член редакционного совета «Уральского следопыта» поэт и фотограф Вадим Осипов подготовил к открытию новую фотовыставку «Глазами поэтов», где подписями к его работам служат стихи победителей «Волшебной строки».

В составе жюри также редактор раздела «Аэлиты» писатель-фантаст Борис Долинго, литератор Евгений Пермьяков, писатель Александр Папченко, поэт Андрей Расторгуев.

После торжественного открытия фестиваля заместитель министра культуры Свердловской области Петр Стражников вручил благодарственные письма за большой вклад в поддержку и развитие проекта Всероссийского фестиваля «Волшебная строка». Благодарственное письмо получил и главный редактор «Уральского следопыта» Максим Фирсов.

Ну а дальше ребят ждала напряженная литературная учеба, в том числе творческие семинары по номинациям, лекции, литературные мастерские.

Юные авторы по традиции возложили цветы к памятнику Пушкина в Литературном квартале. Это сделали от всех участников Полина Кулагина из города Сатки Челябинской области, получившая главный приз от МТС «За многогранность таланта», и Андрей Мицык из Иванова, награжденный ноутбуком от ЗАО «Золото Северного Урала» как «Открытие года».

И взлетели в небо воздушные шары, уносящие «волшебные письма» от участников литературного праздника.

ПОЭЗИЯ

Василий АЛЕКСЕЕНКО, 15 лет,
г. Омск

1-е место

Март

Никто не любит эту слякоть,
А я люблю
Сугроба сахарную мяготь,
Ручья струю,
Люблю, как почки пахнут горько,
Как клен дрожит,
Как лед хрустит непрочной коркой,
Как кот кричит.

Не лай, не лай, мой пес, на гром!
Когда б ты знал, как высоко
Клубится сил зловещий ком,
И лед кипит, как молоко.
Осталось молнии упасть,
Качнув и дерево, и дом,
Чтоб гнева розовая пасть
Вдруг зарычала. Это гром!
Когда б ты знал, какие швы
Трещат в текучих небесах!
Туч черно-бурые холсты
Разносит буря в пух и прах.
Песчинка ты, песчинка я,
И вот стоим под крышей мы —
Глядим, как в облачных горах
Огонь является из тьмы.

Иней

Было черным по белому —
Стало белым по синему.
Как крошащимся мелом,
Нарисованы инеем
И дома, и деревья,
И скамейки, и крыши.
Бородатые двери
Паром весело дышат.
Мимолетная суть
Драгоценного дерева!
Стоит только качнуть —
И осыплется белое,
А останутся жидкие,
Оголенные ветки.
Чудеса неожиданны,
Ненадежны и редки.

Анна ЖМУРОВА, 17 лет,
г. Рязань

Диплом «За философское осмысление женского бытия»

Причастие

Небесное, раздутое от дождей брюхо
Подпирают жилистые руки дерев,
И солнце единым лучом-пуповиной
Тянется к колосьям, чтобы те, созрев,
Замесили новое солнце.

Опухшие руки сами, как теплое тесто,
С болью трудных мозолей.
Неграмотная женщина лепит хлеб,
И мне кажется, зовут ее Олей.
Круглое, словно солнцеворот, имя.

Город, очистившись от ига,
Благословляется крестами перекрестков.
Но еще дремлет Золотая Орда
В поступи гордо-монгольской
Рязанских березовых дев.

И звенит деревянная твердость
В именах деревень и детей,
И стальною прохладой веет
От музейных былинных мечей
Евпатия Коловрата.

И моя Ольга в своей глубокой Рязани,
Словно в студенном колодце,
Всегда со свежеею синью во взгляде
Золотит хлеба.
Они похожи на купола церквей,
Что никогда не черствеют.

И, насытившись благодатью,
В небе покоится Ольгин хлеб.
Новый Завет урожая.

Полина КУЛАГИНА, 15 лет,
Челябинская обл., г. Сатка

Главный приз фестиваля «За многогранность таланта»

Любовь вещей

Туфли звонко бежали к тебе,
На ветру задыхался пакет,
И фонарь, загрузив о судьбе,
Душу грел сто и тысячу лет.

Опротивели мытым ушам
 Эти сказки —
 Любовь вещей.
 Уж скорее любовь к вещам.
 Мне твоя нелюбовь —
 Важней.
 И рукав драматично рубил
 Тишину на кусочки стекла,
 Серый плащ обесмысленно плыл,
 Темнота его нежно несла.
 Пригласила с улыбкою дверь,
 Тень вошла, ни мертва, ни жива.
 Вот заткнулся и ящик теперь.
 Да зачем моей тени слова?
 Исхудала она, и кольцо
 Укатилось в ручей из ночей.
 Мы молчали друг другу в лицо,
 Мы не люди.
 Предметы живей.

Руки изгиб и дым ее любимых сигарет,
 Я помню, как свербяще-резок в горле
 Твой судорожный смех... я вся сошла на нет,
 Я вся сошла на выдох желтой боли.
 И черной краской из резиновых зрачков
 Текла вода водопроводною отравой.
 Я помню свой последний хриплый вздох
 Среди холодных пальцев белой правой...
 Я требовать чего могла от светлых глаз,
 В мои пустые прямо и бездушно зрящих?
 Неужто слов, стихов, и снов, и ласк
 Резиновой фальшивке — настоящих?
 Пусть не жива, но вот смогу ль забыть тот взор,
 Немного более, чем мой — стеклянный?...
 Она меня отбросила на кафельный узор,
 Ведь я — всего лишь уточка для ванной.

Андрей ПОЛУКЕЕВ, 14 лет,
Тюменская обл., г. Лянтор

Диплом «За поэтический портрет деда»

Разговор с дедом

Снова сотовый гудит —
 Это дедушка звонит.
 — Как дела?
 — Внучок, привет!
 Мы не виделись сто лет!

Отвечаю деду сразу
 Интернетовскую фразу:
 — Хай, дедуля! Все ОК!
 Заходи в ОНЛАЙН скорей.

Будем в контру мы «рубиться»,
 Только уговор — не злиться,
 Если снова я тебя
 Уложу в бою шутя.

Дед мой клевый, современный.
 Прямо скажем — суперМЕНный
 Его не надо долго звать —
 Тут же сел за комп играть.

Газетам он не доверяет,
 А в ИНЕТЕ он читает
 Новости, прогноз погоды
 И валюты повороты.

Знает рэперский музон,
 Шмотки, диски, телефон,
 Сможет без труда скачать
 И в ЕМЭЙЛЕ «поторчать»...

Не завидуйте, друзья:
 Это выдумка моя.
 Дед мой, как у всех, — обычный
 И на вид совсем приличный.
 Любит баню, лес, рыбалку
 И мою сестренку Галку.

Марина СОБОЛЕВА, 17 лет,
г. Екатеринбург

2 место

Россия пахнет белым хлебом
 И теплой пенкой молока.
 К ее ногам стекает небо
 Капелью звонкой. Облака,
 Весной растаявшие в лужи,
 Играют с солнечным лучом.
 И нет уже скрипенья стужи,
 И влажный воздух бьет ключом.
 Весна — синоним для России —
 Горячим сердцем жжет снега,
 Они едины небом синим
 И ароматом молока.

Белый шифоновый шарфик —
 Длинной полоской по небу.
 Кто улетает — не жалко,
 Кто остается — не верит,
 Что расстояние — пропасть,
 Что небеса — неизвестность.
 И самолетная лопасть
 Глухо врзается в вечность.

ПРОЗА

**Валерия ИВОЛГИНА, 13 лет,
Курская обл., г. Курчатов**

Диплом «За память о войне»

Ложка

Гости разошлись. Мы с мамой уже убрали со стола. На разносе сверкали мокрыми стеклянными боками хрустальные бокалы. Мама вытирала праздничные столовые приборы, в мои обязанности входило — сложить их в бархатную шкатулку, и затем я могла, наконец-то, заняться своими делами. К моему удивлению, в шкатулке одно место уже было занято. Я увидела старую ложку. Она никак не смотрелась рядом с узорными мельхиоровыми красавицами. Простая форма, выщербленные края, зеленые и черные пятна, напоминающие об остатках бывшего серебра.

— Мама, зачем эта старая ложка лежит среди новых? — спросила удивленно я. — Может, ее пора выкинуть?

— Нет, выкидывать мы ее не будем, — ответила мама, — это дедушкина ложка.

Дедушку мамы я не помнила, мне был один год, когда он умер. Мне говорили, что он был очень рад моему рождению, потому что я первая его правнучка.

— Из этой ложки всегда ел дедушка, — продолжала мама, — он пришел с войны с ней. А после войны, когда накрывали на стол, другого прибора не признавал.

— Это все, что осталось от дедушки? — спросила я. Мама задумалась. Потом пошла в комнату и достала папку, где лежало много непонятных для меня, но очень важных, со слов мамы, бумаг. Мама вынула файл с желтым документом. Я держала в руках документ, который мог развалиться на части по сгибам, если бы не современный «чудо-пакетик».

На документе был изображен И.В. Сталин с надписью: «Наше дело правое. Мы победили». По краям листа была нарисована рамка из листьев, обтянутая полосатой лентой. В центре печатными буквами было написано: «Дорогой товарищ ефрейтор Соклаков Иван Антонович. Верховный Главнокомандующий всеми Вооруженными силами СССР Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда Генералиссимус Советского Союза товарищ СТАЛИН Приказами Побед в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. в боях за нашу Советскую Родину объявил 11 благодарностей всему личному составу нашей прославленной 322 стрелковой Житомирской Краснознаменной Суворовской дивизии за освобождение советских городов: Житомир, Ямполь, Тарнополь, Злочев, Львов; за освобождение польских городов: Дембица, Краков; за освобождение чехословацких городов: Опава, Моравская-Острава, Оломоуц и за взятие немецкого города Ратибор. В том числе лично Вам, как ветерану нашей части, принимавшему участие в боях, объявлено одиннадцать благодарностей». А

дальше была подпись командира и бледно-розовая печать. Некоторые слова были стерты от времени, печать выгорела.

Я мысленно представила географическую карту. Это сколько же тысяч километров мой прадед прошел пешком за годы войны?

А мама продолжала рассказ: «Во время боевых сражений мой дедушка попал в лагерь для военнопленных, который находился в Белгородской области в п. Щетинка. Русских солдат сильно били, кормили, как животных, пищевыми отходами. Дед Иван был гордым человеком, поэтому не смирился с участью пленного. Смерть или унижение? Мой прадед выбрал первое. Однако просто погибнуть не хотел, поэтому решил предпринять попытку побега. Под покровом ночи бросил шинель на колючую проволоку и бежал. Бежал долго, не оглядываясь, не веря удаче и боясь услышать «Halt, stehen!» (что в переводе с немецкого означает «Стой! Не двигаться»). Но, к счастью, все прошло благополучно.

Мама говорила, что у деда были награды за боевые заслуги. Только они не сохранились. Дед Иван как-то пришел расстроенный и очень взволнованный из сельского совета и раздал все свои награды, которые хранил в комодке в платке, мальчишкам на улице. Говорил, что хоть им они нужны. А орден Красной Звезды отдал своему сыну, который приехал к нему в гости из Москвы. Мама достала из семейного альбома фотографию, с которой на меня смотрел высокий худощавый мужчина в клетчатой рубашке. Узкие губы были плотно сжаты в скупой улыбке, все лицо пробороzdили глубокие морщины. На меня смотрел мой прадед Соклаков Иван Антонович. Почему я раньше ничего о нем не знала? А если бы не эта старая ложка...

Фотография вернулась в альбом, грамота — в папку, а дедушкина ложка в бархатную шкатулку. Среди рядных мельхиоровых красавиц она для нас самая дорогая.

**Аверьян АНЧУГИН, 12 лет,
Свердловская обл., г. Ирбит**

1 место

Мой друг Ванька

Мой друг Ванька живет в деревне. Я скучаю по нему в городе, хотя у него взбалмошный и драчливый характер. У Ваньки фамилия Шишкин. Однажды я спросил у него: «Это не ты написал картину «Утро в сосновом лесу»? И в ответ получил в глаз. Ванька не знал, кто такой художник Иван Шишкин.

Ванька очень хозяйственный. Он сам колет дрова и даже умеет управлять лошастью.

Ванька большой выдумщик. Он придумал ринг для петушиных боев и стал их организатором. Когда баба

Моря узнала, что ее голландский петух участвует в боях, она отлупила Ваньку мухобойкой.

А еще Ванька очень храбрый. Он только до обеда боялся ходить мимо дома бабы Мори.

Кот-звездочет

У меня живет кот. Его зовут Рыжик. У него рыжая спинка и белый животик. Он живет в квартире и очень любит ходить гулять на балкон. Каждый вечер через форточку он выпрыгивает туда и садится на перила. Он смотрит на спящие во дворе машины, на светящиеся в темноте окна домов, загорающиеся в небе звезды.

Однажды мы привезли Рыжика на дачу. Он сразу же пошел гулять. Я видел его в бабушкиных садовых цветах, на заборе, в теплице, на сеновале. Вечером после ужина я пошел искать Рыжика. Я осмотрел все кругом, но кота нигде не было. Я стал звать его. Никто мне не ответил. Я пошел домой и тут неожиданно увидел своего кота. Он сидел на крыше дома и смотрел на звезды.

С крыши звезды кажутся ближе...

Чужая кошка

Мой кот Рыжик городской житель, поэтому дача для него как курорт. Рыжику нравится прятаться в высокой траве, мечтать на крыше, охотиться на мышей и бабочек, играть с собакой Алинкой.

Однажды с котом произошел такой случай. Соседская кошка, возмущившись появлением чужака, решила отвоевать территорию возле нашего домика. Пробравшись в огород, она начала шипеть и бить Рыжика лапой. Рыжик позорно отступил в куст крыжовника и боялся оттуда нос показывать. Кошка праздновала победу, вальяжно расхаживая по грядкам. И, наверное, Рыжику пришлось бы плохо, если бы не собака Алинка. Собака начала яростно лаять, кошка, не зная куда деться, бросилась в теплицу. Собака за ней. Очутившись в ловушке, кошка сделала рывок и, разбив головой стекло, кинулась вон из теплицы.

Собака побежала смотреть, куда делась кошка, а Рыжик еще долго боялся в крыжовнике.

Космическая пицца

На даче мы с друзьями с большим нетерпением ждали 1 августа. Еще бы, солнечное затмение не каждый раз бывает!

Время приближалось к половине четвертого дня. Мы побежали коптить стекла, чтобы смотреть через них на солнце. Все старались успеть, делали все быстро, но стекла не хотели коптиться и лопались. Затмение по времени уже началось. Мы все время в ожидании смотрели на небо. Солнце сияло, как ни в чем не бывало, и, казалось, совсем не собиралось затмеваться.

И вот из города приехал мой папа и привез специальные темно-коричневые стекла. Теперь, наконец, стало видно: вот оно, солнечное яблоко, которое дарит миру бог Гелиос, огромный бутерброд из круглых ломтиков Солнца и Луны, космическая пицца, от которой голодный одинокий астронавт постепенно откусывает свой кусочек! Мы ликовали!

А в это время в другой деревне смотрели на небо через такие же стекла мои бабушка с дедушкой. Навстречу им шли соседи в сварочных касках и пастух с кнутом и стадом коров. И я представил картину: стоят во Вселенной на маленьком участке своего огорода люди в сварочных касках, с маленькими темными стеклышками в окружении коров и смотрят на небо, постигая тайны мироздания. А через несколько минут они разойдутся, займутся своими делами, и взгляд, как всегда, будет устремлен вниз, в землю, в свои повседневные заботы и проблемы.

**Екатерина ОСИПЕНКО, 12 лет,
г. Челябинск**

3 место

Маленькое, тихое, осторожное счастье рано утром крадется в твой дом, но никак не может войти, потому что все окна закрыты и оно шелестит по подоконнику. А ты, полуспящий, думаешь, что это дождь...

И, уже разбуженный хлопаньем, встаешь и раздвигаешь шторы, и сразу же на лице появляется какая-то странная детская радость, ведь за окном он, да, это он — первый снег!

И ты, еще в пижаме, забываешь, что на улице мороз, и открываешь окно!

А это маленькое, тихое, осторожное счастье легко и робко ложится на твою руку...

Барабанной дробью по подоконнику разбиваются блестящие капли. Это плачут серые тучи. Они боятся, что скоро зеркально-теплые капельки превратятся в белоснежно-холодные снежинки, которые будут всю зиму хрустеть под ногами, колесами и лапами, но к концу весны превратятся снова в дождевики. Но от мысли, что ждать придется так долго, становится еще грустнее, и дождь, нет, уже ливень бьет все сильнее.

СКАЗКА. ФАНТАСТИКА

**Ольга АЛЕКСЕЕВА, 16 лет,
Тюменская обл., ХМАО-Югра,
п. Пионерский**

3 место

Дедушка Банник
(отрывок)

...Я еще раз заглянула в бак для холодной воды, прежде чем закрыть его деревянной крышкой, напоминающей мне игрушечный мальчишеский щит. Из бака повеяло прохладой, как из бездонного колодца, и я почувствовала, что если бы мне сказали сейчас, что бак в самом деле бездонный, то я поверила бы без колебаний.

С трудом оторвав взгляд от манящей бездны глубиной не больше сажени, я еще раз посмотрела на каменную кладку печи, стены, потемневшие от времени, и сухой мох оберегающий баню от осеннего холода, и подумалось мне, что не может такой теплый и светлый дом жить сам по себе, без хозяина. У самой двери я остановилась и, поклонившись в пояс, сказала: «Спасибо тебе, Банник, за пар легкий, за печь теплую да за прием радушный».

Затем, попятившись, вышла и закрыла за собой тяжелую дверь. Перевела дух. Что ж, сказала, как умела. Я ведь не знала, что говорить Баннику, как благодарить — в школе этому теперь не учат, — но ведь, и не поблагодарив, нехорошо уходить. А есть он или нет — это уже другой вопрос. Коли есть Банник, так слышал он мои слова, хоть и говорю неправильно, наверное. А коли нет... Что ж, на нет и суда нет.

Не так уж и холодно осенью одеваться в предбаннике. А если кому все ж таки холодно, так на то он так и называется — холодный предбанник. Я еще не замерзла и не торопилась уходить из тихого спокойного уголка к людям, на растерзание шуму, неразберихе и прочим проблемам. Одевшись, я принялась поправлять шторы на крохотном окне, какому и положено иметься в предбаннике. Шторы были тонкие, белые, расшитые жар-птицами. О них веяло стариной — сейчас таких не найти. Покрутилась, повертелась, попробовала вспомнить, ничего ли не забыла, и, начав замерзать, собралась уж покинуть спокойное свое убежище и отправиться к дому, как вспомнила, что так и не закрыла бак с водой. Вернулась. Закрыла. Уходя, поклонилась уже молча и только отвернувшись, услышала голос у себя за спиной:

— Вижу, не хочется уходить тебе, красна-девица. Так что ж, останься, выпей чайку со мной.

Я тут же оглянулась. Передо мной стоял старичок небольшого роста. Не помню, может, я и испугалась, только сейчас кажется, будто бы нет — слишком уж удивительно было это все.

— С удовольствием бы, — говорю, — только ведь хватятся меня! — я кинула взгляд в сторону дома, будто могла увидеть его сквозь бревенчатую стену.

Но мой собеседник махнул на это рукой.

Я посмотрела на него вопросительно, надеясь на уточнение. Он объяснил:

— Да не хватятся там тебя. Впрочем, ты ведь не этого боишься.

— Да? — растерялась я. — Чего?..

— Сдается мне, что меня и боишься! — дед хитро и победоносно посмотрел на меня.

Он угадал. Впрочем, возможно, это было написано у меня на лице. Я не ответила, но улыбнулась, признавая поражение.

— Вот и хорошо, — сказал дед, ведя меня за собой в свои банные апартаменты. — Хочу я кое о чем тебя расспросить.

Мы снова вошли в жаркую баню. Я остановилась на пороге, не узнавая комнату. Посреди нее стоял круглый невысокий стол на толстой резной ножке со старинным самоваром, чашками и чем-то там еще, покрытый ска-

тертью — белой, с красными жар-птицами. И птицы эти словно танцевали — такими живыми и яркими казались они в желтых бликах печного огня, отраженных от бревенчатых стен.

— Кто же ты все-таки, бабушка? — спросила я, приходя в себя понемногу.

— Сама ведь знаешь. Ты же разговаривала со мной, — ответил он и добавил, помолчав: — Я даже сам удивился. Я-то думал, люди века два назад уж онемели. Кто ни придет — все молчат как один, никто слова не скажет. Пугай, не пугай — все едино. — Банник, вздохнув, опустился на скамью. — Вот так и живу, какой век — ничего не знаю!

— Отчего же не спросишь? — удивилась я. — Тебе и ответят!

— Где ж это видано, чтоб нечисть первая с человеком заговаривала? — возмутился Банник моему невежеству и тут же вздохнул: — Да впрочем, какая нечисть — в бане-то!

— Ясно, — протянула я и, чтобы отвлечь разговор, спросила: — А стол-то откуда взялся?

— Тут кто кого расспрашивать собрался, а? — вдруг спросил дед.

Но глаза его сразу заблестели, повеселели, и видно было, что ему самому хочется рассказать. Тогда я попросила:

— Бабушка, ну расскажи, пожалуйста, так интересно!

Тут уж Банник и вовсе засветился:

— Ну ладно, — говорит, — слушай. Недавно, лет десять назад, баню сносить собрались — говорили, будто мыльная вода из нее в колодцы, значит, течет. Глупости, конечно, — разве б я допустил? Это по соседству баня сгорела, и тамошнему баннику деваться некуда было. Вот он и сидел в колодце, пока погорельцы баню новую не построили. Но люди-то не понимают этого! Еле я свою баню отбил-отвоевал. А пока угроза ей была, я и пожалел стол. Припрятал у себя, до поры до времени.

— Неужто никто пропажу не заметил? — удивилась я.

— Куда там, — Банник весело захихикал. — Приходят, представь-ка, хозяева, а стола как не бывало. Ну, удивились, друг у друга поспрашивали, а толку-то! У меня не спросили...

Ольга САЗОНОВА, 14 лет,

г. Курск

1 место

Платье для Снежной Королевы

(отрывок)

...Зина вздохнула и пошла по классу. Это был кабинет биологии. Она прошла между рядами и остановилась возле аквариума. Постучала, как обычно, пальцем по стеклу и увидела, как вода превращается в лед. Ей стало действительно страшно. Она замотала головой, убрала руки, и лед стал таять.

В коридоре зашумели. Это все направились куда-то. Куда? Ах, да, встречать рассвет. Но Зине страшно не хотелось идти вместе со всеми. Она решила переждать в классе. Чтобы не было скучно, стала вспоминать все, что

произошло с ней за эти несколько месяцев. Когда она очнулась от мыслей и выглянула в коридор — там никого не было. Облегченно вздохнув, Зина пошла к выходу.

— До свидания, школа! До свидания, учителя! До свидания, одноклассники! До свидания, вся эта жизнь!

Ей хотелось прокричать эти слова так, чтобы гулкое эхо пустой школы разнесло ее слова по всем этажам, но она только тихо произнесла это, спускаясь с такой привычной лестницы.

На своем пути она никого не встретила, у входа — тоже. Даже возле школы уже никого не было. Это не огорчило, а скорее порадовало ее. Очень медленно она пошла домой.

Родители вместе с Лешкой сразу после вручения ушли к бабушке. Но Зину это не тревожило. Ключ лежал в их обычном потайном месте. Она вошла в квартиру и подумала о том, что не хочет расставаться с платьем. Она и не сняла его, а прошла в зал, включила светильник и стала кружиться по комнате. Ей было легко и свободно. Не хотелось думать о том, что настанет утро и... Она подошла к зеркалу в своей комнате, и оно привычно отозвалось. Она увидела в нем линии, узоры, ледяные разводы и себя. А потом — не себя. В зеркале стояла и смотрела на нее женщина в таком же платье. У нее были высоко поднятые совершенно белые, снежные волосы, а в них бриллиантовыми огнями горела корона-диадема. На шее у нее сверкало целое кольцо из кристаллов, таких же, как у Зины. А по плечам струился плащ или мантия из белого пушистого меха.

— Здравствуй, милая! Долго же ты шла! С прибытием! — сказала она ласково приятным голосом.

— Здравствуйте! — отозвалась Зина. — А кто вы?

— Неужели ты еще не догадалась? Я — Снежная Королева! А ты — Снежная Принцесса.

— Я?! — искренне удивилась Зина.

Королева досадливо поморщилась:

— Мои помощники плохо справились со своей работой. Ты еще не готова, а время уже пришло. Я расскажу тебе самое главное, а все остальное ты узнаешь потом.

И она начала так, как рассказывают сказки:

— Далеко на севере лежит царство Снежной Королевы. Там всегда холод, снег и лед. Никто не может попасть туда. Любой путник замерзнет по пути... Это правда, — продолжила она совсем с другой интонацией. — Это мое царство. И Снежная Королева — бессмертна, но раз в тысячу лет она ищет себе преемницу. Тогда в мире появляются платья. Они похожи на то, что ношу я. Только та, что способна стать преемницей, обратит внимание на такое платье. А еще она должна верить в сказку, не попасть в сумасшедший дом и ничего не рассказывать окружающим. Ты полностью соответствуешь всем условиям. Как только твое платье нашло тебя, мы отозвали остальные платья. Теперь ты полноправная Снежная Принцесса. Когда ты узнаешь все, что тебе необходимо, и научишься самому необходимому, тебя коронуют, и я передам тебе власть. Ты станешь новой Снежной Королевой. Ты готова?

У Зины не нашлось слов. Все, что происходило до этого, можно было как-то осмыслить и принять. Но это...

Хотя, краем сознания, она уже поняла, что это и есть тот выход, который она неосознанно искала. С того самого момента, когда она нашла свое платье, она не могла представить себе свою жизнь в серой, повседневной обыденности. Ей хотелось яркого света, красоты, любви и благородства. Сейчас ей предлагали это. И отказаться она не могла.

Снежная Королева ждала ответа. Зина уже собиралась сказать «да», но ее остановила мысль о родителях. Об этом она и спросила:

— А как же мама, и папа, и Лешка?

Снежная Королева сделала шаг к ней из зеркала. Она совсем не была холодной, так, немного прохладной, и только. Рядом с ней было спокойно, а не страшно. Она сказала:

— В жизни у каждого свой путь. Если бы ты вышла замуж, то тоже ушла бы от родителей. Дай-ка я тебя поцелую, чтобы ты не боялась.

Она поцеловала Зину в лоб, и ей стало так легко и спокойно. Страхи ушли, и она готова была принять свое решение.

— Ты готова? — снова спросила Снежная Королева. В ее голосе не слышалось раздражения, она не спешила, она понимала, какое важное решение принимает сейчас Зина.

— Да, — твердо сказала Зина. — Я готова.

— Смотри вперед, — сказала Снежная Королева, взяла Зину за руку, и они вошли в зеркало.

На следующий день, когда родители вернулись от бабушки, их ждала записка на столе: «Не ищите меня. Я начинаю новую жизнь. Зина».

Они искали. Долго, бесполезно. После того, как выяснилось, что среди мертвых Зины нет, отец успокоился. А маму утешил Лешка — она всегда любила его больше. Через неделю после выпускного фотограф принес фотографию Зины в полный рост, в платье. Она была такая красивая. Отец вставил фотографию в рамочку и повесил на стену, но мама не любила смотреть на нее.

А где-то через полгода, пристально посмотрев на фотографию, отец спросил:

— А что, разве у Зины была диадема?

Мама удивленно пожал плечами. Она уже и не помнила, что там у Зины было на голове.

— Ну, ведь не было же! — продолжал настаивать отец.

— Может, в фотографии дорисовали, — предположила мама. — Очень уж она здесь на королеву похожа.

Отца объяснение не удовлетворило, но дальше спорить он не стал.

А на севере полным ходом шли торжества. Юная и прекрасная новая Снежная Королева вступала на престол. Она упорно трудилась все эти месяцы и теперь много знала о своих обязанностях. Она будет править своей страной и отвечать за все, что связано с зимой, снегом, холодом, льдом, метелью... Это целая наука, но у нее хорошие учителя и помощники. А еще можно позвать на помощь предыдущих Снежных Королев. И они, конечно, придут. Потому что они бессмертны.

Валерия ФИННОВА,
фото из архива автора

...И мы пошли эвакуироваться

На дороге остановился небольшой обоз: повозки с домашним скarbом, измученные люди. Выскочили с ведрами воды жители ближних домов — узнать новости, напоить исхудавших, усталых лошадей.

— Откуда идете?

— С Западной Украины...

— Они уже так близко?!

Мама вынесла тарелку еды, протянула какой-то женщине с узлами, перекинутыми через плечо. Та взяла нерешительно:

— А як же тарілку?

Мама отмахнулась: не до тарелок... Сорвала пару яблок:

— Берите-берите!

Рано в то лето поспели яблоки.

На Урал

Несколько дней спустя мои молодые мама и папа прощаются у эшелона, груженого металлом. Днепропетровский завод металлургического оборудования (ДЗМО) эвакуируется на Урал.

Я вырасту и спрошу у папы: «Как ты ехал?» — «Спал на мотке проволоки». Один из 10 миллионов эвакуированных с одним из 2593 промышленных предприятий ехал в тыл ковать Победу.

Начальник эшелона — папин одноклассник по индустриальному техникуму двадцатидевятилетний коммунист Леонид Семенович Стрижевский, с ним жена Варвара Ивановна и двухлетний Вова. Через всю жизнь пронесут дружбу наши родители. Когда меня устроят в детский сад, Вова станет верным рыцарем, и какая-то девочка заметит это в первый же день: «Вовочка да со своей Лерочкой!» Не знаю, что было бы дальше, но на третий день у меня окажется скарлатина, и больше я в сад не приду.

Вова окончит в Алапаевске станкостроительный техникум, отслужит в армии, вернется домой, вырастит сына и дочь...

Вчера — поздний телефонный звонок: Вовы не стало.

Больно-то как, Господи!

...Мне пять месяцев. Долго судили-рядили, с кем эвакуироваться нам с мамой. Решили: с дедушкой, бабушкой и маминым братом Виталиком — моим тринадцатилетним дядей. Просто дедушкин стрелочный завод создал для своих работников условия «более человеческие», чем папин ДЗМО: те же товарные вагоны, но с окошками под крышей, двухэтажными нарами и спасительной ступенькой на выходе. Не так уж и мало.

Мама закрыла на ключ дверь нашего дома, ключ забросила в сад, и мы пошли эвакуироваться.

Мост рухнул

У меня собственное «купе». На него ушли все десять метров белого дореволюционного полотна с чьей-то загадочной монограммой, вышитой гладью: подарок папиных родителей накануне их эвакуации в Казахстан.

Четверо суток стоим перед мостом через Днепр. Дедушка успевает смотаться домой, и к нашему багажу добавляется швейная машинка «Зингер». Лет через двадцать я в полной мере оценю этот роскошный подарок, да некого уже будет благодарить...

Мост беспрерывно бомбят, поезд исполняет сумасшедшее танго: вперед-назад, вперед-назад. Какая-то женщина в вагоне хватается без разбору свои и чужие подушки, затыкает окна. Едва достигли противоположного берега, мост рухнул. Наш вагон — последний, шестой.

На остановках дедушка берет узкое цилиндрическое ведро, Виталик — большую банку, и они бегут за водой. На каждой станции выведены на платформу два крана: горячий (кипяток) и холодный. Несмотря на войну, врачебный наказ ежедневно купать меня в кипяченой воде неукоснительно выполняется.

Проехали Орел. Страшный, разбомбленный вокзал...

За окном бесконечный лес. Ночью светятся огоньки. Не сразу догадались, что это волки. У нас ЧП: загорелась бумка. А неподалеку озеро с белыми лилиями... Сказка.

— Ну-ка, мужики, — во вторую очередь! — И женский пассажирсостав радостно бултыхнулся в воду.

Свердловск с начала войны — закрытый город, поезда следуют через станцию Богданович, здесь нас встречает папа.

Вокзал переполнен. Оценив обстановку, мама решительно открывает дверь к начальнику станции.

— Мне надо перепеленать ребенка, а кроме вашего кабинета, это сделать негде! — Сдвигает на его рабочем столе бумаги, кладет свою ношу на свободное место и снимает похудевший рюкзачок с отутюженными пеленками — остатками моего «боезапаса» на весь долгий путь.

Начальник молча выходит.

Тем временем папа сражается за билеты. Протискивается к кассе, торопливо объясняет в окошко, что трое студентов едут на практику в Алапаевск

(«Ребята, сюда!» — энергично машет кому-то в зале), а опоздание грозит неминуемым отчислением... И — получает из окошка три билета.

Театр одного актера...

Увидев город, в котором нам предстоит жить, бабушка заплакала.

Второй фронт

Живем на подселении в частном доме по улице Смольникова. Хозяйка Вера Степановна работает на заводе, старший сын на фронте, меня опекает средний, Коля. У него в руках длинная палка, я держусь за свободный конец, мы гуляем. Однажды я отпускаю палку и впервые в жизни самостоятельно делаю первый шаг. Это видит мама, возвращаясь с молочной кухни, где ей выдают для меня порцию загадочного продукта «моро», напоминающего кашу из подслащенной муки.

К зиме папа шьет мне валенки из маминой фетровой шляпки.

...В июне-ноябре 1941-го Урал принял 667 крупных предприятий. Некоторые из них возобновляют работу через полтора-два месяца, а то и через две-три недели после выгрузки оборудования из вагонов.

Приезжим помогают комиссии по эвакуации: расселяют, устраивают. По инициативе Алапаевского горкома ВКП(б) организована продажа эвакуированным излишков картофеля, и к концу декабря раскуплено свыше трех тонн.

Не хватает одежды, посуды, ложек, табуреток, столов, шкафов... Снабжение топливом — проблема.

На заводе начинают выпускать оборонную продукцию. Начальник ОТК по спецпроизводству в новотокарном цехе — Илья Борисович Каменецкий. Мой папа.

...31 декабря 41-го в цехе важное политическое мероприятие. На столе — новогоднее письмо товарищу Сталину, к столу — очередь подписантов. Отца в этой очереди решительно не представляю, зато представляю его отношение к «агитпропу». С какой неподражаемой иронией произносила это слово папина мама, моя бабушка Мэра Вениаминовна! Красавица, седая с девятнадцати лет: память о еврейских погромах...

В цехе напряженка. Рабочие дежурят в столовой, надеясь на хлеб, но хлеба нет, есть только суп. А дома праздник: 19 января папин день рождения, ему исполнилось двадцать восемь.

Начальник новотокарного — Василий Сергеевич Трошин, хорошо помню эту фамилию с папиной интонацией. Ему сорок четыре года, он тоже из Днепропетровска, окончил два курса техникума, до революции служил «мальчиком» в мастерских у родственников. Однажды на партсобрании один из старых знакомых попытался было поднять вопрос о семейных связях с эксплуататорами трудового народа, но аудитория его не поддержала. Трошин — опытный руководитель, прекрасный воспитатель молодежи, талантливый рационализатор. Директор

Папины родители Мэра Вениаминовна и Борис Маркович. 1938 г.

завода Комов отметил, что в новотокарном «образцово работают с людьми, и в результате все рабочие выполняют нормы выработки...». А рабочие уточнили: «У нас люди хотят работать, выполняют нормы, но им не идут навстречу, нет для них заготовок...». С дисциплиной, правда, бывают проколы, хотя тенденция явно к улучшению: в январе — 7 нарушений, в феврале — 4, в марте — 2.

...Страшная осень 42-го. Оккупация Украины и Крыма, битва под Москвой, оборона Сталинграда. Тыла нет, есть только фронт, два фронта: боевой и трудовой.

В цехах — листовки: «Рационализатор, изобретатель — боевой помощник Красной Армии. Активным участием в конкурсе поднимем оборонную мощь нашей Родины. Каждое эффективное рационализаторское предложение метко бьет по врагу». Приказом народного комиссара черной металлургии СССР тов. Тевосяна на заводах объявляется конкурс по рационализации. Отчеты высылаются подекадно.

Один из первых «ударов по врагу» нанес Василий Трошин. Предложил вместо машинного масла варить эмульсию, и цех получил за год 50 т экономии, а выпуск военной продукции только за полмесяца увеличился почти на 40 процентов. Это сколько же он «лишних» фашистов уложил!

Производственный план 1942-го новотокарный выполнил на месяц раньше срока, хорошо отрабо-

тал в первом квартале 43-го, в апреле выдал 130 процентов.

Один из тех, кто руководит научным поиском, — аспирант Днепропетровского металлургического института, зам. главного инженера, начальник технического отдела и центральной заводской лаборатории Н. Дубров. Благодаря его исследованиям получение биметалла, незаменимого в производстве военной продукции, возросло на 25 процентов при значительном сокращении расхода топлива. После войны молодой ученый останется в Свердловске, станет профессором, доктором технических наук, заведующим кафедрой технологии отраслей промышленности и строительства института народного хозяйства. У нас дома часто велись разговоры «за производство», и я запомнила эту фамилию...

В августе 42-го Нижнешайтанский завод получает от командования Красной Армии благодарность за хорошее качество саперных лопат.

Кончится война, заводы перейдут на мирную продукцию, но лопатное производство надолго останется, и папа останется его куратором. А я в вышитом «днепропетровском» платье, переделанном из мамино, стану встречать его летом из Шайтанки, и так здорово будет вместе идти берегом пруда домой. Улица наша так и называлась: Береговая.

Алапаевский металлургический завод. И.Б. Каменецкий (в центре) предъявляет военному представителю образец саперной лопаты

Партизаны

На заводе много разговоров о партизанах. Согласно решению ЦК ВКП(б), парторганизации предприятий должны «подобрать ряд коммунистов, комсомольцев и беспартийных товарищей для отправки в партизанские отряды». В партком вызвали нескольких человек, и стали известны первые добровольцы и первые отступники. Отступников обсуждают и осуждают.

— ...Вертогляд имеет троих детей, больную жену, охотно согласился пойти в партизанский отряд на родную Украину, а такой, как Кулемзин, спрятался в тылу.

— Это получилось потому, что он не посоветовался со старшими товарищами. Отец его — старый член партии, все родственники — члены партии, все готовы принести себя в жертву...

В постановлении собрания записали: «За трусость, проявленную в момент набора в партизанские отряды, мастера спеццеха Кулемзина Алексея Георгиевича, члена ВКП(б) с 1939 года, отказавшего пойти в партизанский отряд, исключить из партии, одновременно считать невозможным оставить его на руководящей работе...»

Та же участь постигла еще одного отступника.

В заключение председатель собрания сказал, что у него «десятки фактов», когда на предложение

парткома отправиться в партизаны коммунисты отвечают, что всегда готовы. И перечислил: Авдеенко, Сервинов, Звягинцев, Сипко, Загребин, Танич...

Стоп. Сипко, ну да, Нора Сипко! Я ее помню, девочка из нашего квартала, постарше меня. А моя мама помнит ее папу — высокого, грузного...

Фронтальная бригада Кулемзина в ответ на решение парткома увеличила выпуск продукции на 25 процентов. Пройдет немного времени, история с партизанским отрядом забудется, и Кулемзин благополучно станет начальником смены в новотокарном цехе.

Пытаюсь представить себе папину реакцию на эту историю и не могу, а только слышу его словечко: «буза».

Металлургам предложено отливать снарядную сталь, но техотдел тянет с проектными работами. Заводу передано два крупных совхоза, но никто не позаботился о том, чтобы сохранить овощи на зиму. Осенью 42-го не уродилась картошка, и желающим — в первую очередь семьям красноармейцев — выделяются участки для индивидуальных огородов. Бороны рекомендуется приобретать у частных лиц, а лошадей заменить бычками и коровами.

У нас с огородом не получилось. Посадить-то картошку посадили, а вот приехать и прополоть как-то не собрались, и когда папа осенью решил проведать свой участок, он его не нашел: кругом была целина. Знакомые долго над ним подтрунивали, а в заводской газете даже заметка появилась: «Самый худший участок у Каменецких», но это единственное, в чем папа оказался не на высоте.

В землянках

Вторая военная зима. На заводе работают пошивочная, сапожная и пимокатная мастерские, создаются бригады охотников (первый выход 26-го декабря) и рыболовов. Рыба и дичь сдаются в столовую, столовая — в бывшей конторе листопрокатного цеха. На базах, в кладовых и на кухне — строгий контроль над расходом продуктов.

Люди голодны, раздеты, разуты. Три месяца не привозят дров. Нет матрацев. Формовщицу чугунолитейного цеха Н. Турянскую осудили на полгода принудительных работ за прогул, а ей просто не в чем было идти на работу.

В июле мастерская отремонтировала 550 пар обуви, но требуется еще не менее 1000 пар на деревянной подошве и 150 пар пеньковых чуней. Замначальника отдела рабочего снабжения Кац просит начальников цехов отпустить сапожников, если таковые найдутся, в отдел рабочего снабжения.

Перед Наркоматом ставится вопрос о выделении мануфактуры для пошива белья и постельных принадлежностей.

Хуже всего тем, кто живет в землянках.

В землянке №1 необходимо сделать электропроводку, новую помойную яму, отремонтировать уборную, прокопать сточную канаву.

Землянку № 3 — оштукатурить и побелить, сделать 65 железных кроватей, помойную яму, построить дровяник...

Во 2-й и 4-й землянках «жить совершенно невозможно, надо ликвидировать двухнарную систему топчанов».

В общежитии клуба Рабочего городка — сложить две отопительные печи, новый кухонный очаг, сделать 200 железных кроватей, приобрести 270 тумбочек, 250 табуреток и 600 комплектов постельных принадлежностей.

Нет воды, дров, лампочек, соломы для матрацев.

Только осенью сорок четвертого до всего этого дойдут руки. Цеховые партийные организации возьмут шефство над каждым общежитием и землянкой; в городе запланируют построить 13 жилых объектов.

...Мы живем уже не в частном секторе, а в 12-квартирном доме. Коридорная система, напротив нашей комнаты — коммутатор. Там перед большими щитами с дырочками сидят женщины, втыкают и выдергивают из этих дырочек длинные шнуры с наконечниками, очень похожие на змей. Воткнут такую «змею» — и кто-то с кем-то сможет поговорить. Очень интересно. Меня иногда пускают посмотреть.

...Война уходит все дальше на запад. Металлурги берут шефство над Краснооктябрьским районом Сталинграда: отправляют 3 тыс. кг гвоздей, станки, инструмент, промоборудование, вагон чугунолития. В цехах делают лопаты, столовые ложки и вилки.

Начинается подготовка к посевной 1944-го. Категорически запрещается выдавать со складов и баз картофель без предварительной срезки верхушек. Наука эта нехитрая, но требует соблюдения кое-каких правил. Вес верхушек должен составлять не меньше десяти процентов от веса клубня. Затем от трех до пяти дней верхушки провяливаются и только после этого закладываются на зимнее хранение. Слой не должен превышать 50 см.

К заготовке срезанного картофеля привлекаются все желающие. Стимул — овощной обед. Цель — весной 1944-го обеспечить совхоз посадочным материалом.

Чтобы сохранить скот, организуется добыча сапропеля — органического ила, его подмешивают в корм животным. Первый этап — выкорчевка пней. Тем, кто занят на вскрышных работах, выделяются нефондовые товары.

Надо ехать домой...

Когда становится совсем голодно, папа отправляет нас с мамой к бабушке и дедушке под Новосибирск, на станцию Инская: Сибирь все-таки живет посытнее.

В Новосибирске — повальный тиф. Больные и мертвые лежат прямо на земле, в основном, это

Мой дедушка Павел Иванович Павленко

люди из трудармии. Заболела мама...

Вижу тонкие очки в красноватом свете электрической лампочки, прикрытой бумажным колпаком: это дедушка, мой «дедя», часами носит меня на руках. Когда мама, стриженная наголо, с едва отросшим черным ежиком вернется из больницы, я ее не узнаю, и не сразу меня смогут

оторвать от дедушки. Хотя мама в белом воздушном тюрбане, сооруженном из кружевного шарфа, выглядела, конечно же, потрясно: «карие очи, черные брови»...

Беда одна не приходит. У дедушки инсульт. Больница затеяла какой-то переезд, и мама разыскала его, дрожащего, в одном костюме, на жесткой скамье холодного вокзала. К инсульту добавилось воспаление легких, и через три дня моего дедушки Павла Ивановича Павленко не стало...

Я ношу его лицо.

...Еще одна фамилия выплывает из детства: Крыжановский. Тоже из Днепропетровска. В двадцатые годы — квалифицированный электросварщик, работал на заводе им. Петровского, а значит, его мог знать не только мой дедушка-юриконсульт этого завода, но и бабушка Александра Николаевна, сотрудница секретариата.

Перед войной Крыжановский — уже на ДЗМО, начальник цеха ширпотреба, и здесь его просто не мог не знать папа. Ну, а в послевоенные годы даже я запоминаю эту фамилию из разговоров взрослых. О нем надо писать детектив.

...1923-й год. Партия направляет молодого коммуниста Владимира Крыжановского в Севастополь для борьбы с бандитизмом. Руководит борьбой человек по фамилии Кожан и допускает, на взгляд Крыжановского, «много неправильностей», однако на замечания не реагирует. В знак протеста Крыжановский с двумя товарищами подает заявление о выходе из партии. Кожан предлагает взять заявления обратно. Все трое отказываются и обращаются в партийные органы. После разбирательства Кожана арестовывают и расстреливают как врага народа. Крыжановский к тому времени уже в Днепропетровске...

Когда началась война и завод стали срочно готовить к эвакуации, он «показал себя как пре-

данный патриот, дни и ночи работал на эвакуации оборудования». В Алапаевске — начальник инструментального цеха, и здесь вскоре не осталось рабочих, не выполняющих норму. Сам Крыжановский — активный рационализатор и вообще, по аттестации начальства, «прекрасный работник».

...В дверях поворачивается ключ, это папа приехал из командировки.

— Поздравляю, Днепропетровск освободили. — И протягивает маме небольшой сверток, папа никогда не возвращался из командировок без подарков. В свертке — фарфоровый бульдог с привязанным к нему кулечком конфет. Верный пес и по сей день сторожит наш дом. И память.

Согласно решению Наркомата, металлурги Алапаевска берут шефство над ДЗМО. Цель — быстрое восстановление завода. Новотокарный и инструментальный проявляют инициативу: инструмент и оборудование изготавливаются в сверхурочные часы.

На средства, полученные от субботников, закупается инструмент, лес, товары ширпотреба, выделяется несколько сортов кровли. Шефская комиссия занимается подбором инструмента и материалов из неликвидных внутренних ресурсов. К отправке в Днепропетровск готовится культуринвентарь.

ГКО принимает решение о восстановлении цеха тюбингов, большая часть его оборудования находится в Алапаевске. Начальник цеха В.С. Трошин откомандирован на прежнее место работы.

ДЗМО безвозмездно передаются основные средства на 23 тысячи рублей, а к основным фондам Алапаевского завода присоединяется эвакуационное оборудование на 42 тысячи.

...Утро. Меня будят громкие голоса и смех. Я уже готова рассердиться, но вдруг понимаю, что дома не только мама, но и папа! А это большая редкость — папа же всегда на заводе. На маминной кровати белое покрывало — тоже редкость, так бывает только на праздник...

Мама увидела, что я проснулась:

— Лерочка, победа!

Вот и все, что я помню про этот замечательный день.

Теперь мне предстоит засыпать и просыпаться под мамينو: «Надо ехать домой...» Уезжают знакомые и друзья. Пройдет несколько лет, уедет с родителями в Днепропетровск моя лучшая подруга Бэла Мельц, ее папа Илья Ильич на Алапаевском заводе был начальником отдела оборудования.

И только мы остаемся и остаемся. Идут дни, недели, месяцы, годы... У папы интересная работа, перед ним открываются новые перспективы, и мамино «надо ехать домой» я слышу все реже и реже...

Людмила РОМАНЕНКО,
фото из семейного архива

Долгая дорога к деду

Своим дедом я гордилась с детства. Хотя не видела его. Он погиб, защищая Родину, на полях Великой Отечественной войны. А я появилась на свет через несколько лет после Победы. Из связанных с этой темой детских воспоминаний ярко сохранились два момента.

Во-первых, это красная звездочка на бабушкином доме в деревне Буньково, что означало, что из этого дома ушел на фронт красноармеец и не вернулся обратно. Таких звездочек в деревне было довольно много.

Во-вторых, конкурс сочинений, который проходил в нашей школе №1 г. Алапаевска году в 1967-м. Посвящен он был Дню Победы.

Антонина Андреевна Коржевская — легендарная учительница литературы — зачитывала мое сочинение на школьной линейке. В сочинении был переложен на бумагу рассказ о моем деду, который я услышала от мамы. Тут же была приложена фронтовая фотография. Его образ и сейчас стоит у меня перед глазами: уже немолодой солдат в гимнастерке и пилотке со спокойным открытым взглядом. Значительно позднее я узнала из сохранившегося письма, что фото было сделано в начале 1942 года. Эта фотография так тогда вместе с сочинением и пропала. Мама несколько раз напоминала, чтобы я принесла ее назад, а я никак не могла осмелиться подойти к учителю и спросить фотографию. Так в нашем семейном архиве остались лишь его довоенные фото.

Дед мой, Павел Ианнуарьевич Шуйский, родом из крестьянской семьи, был хлеборобом и всю жизнь до войны прожил в родной деревне Буньково Голубковского сельского совета Алапаевского района Свердловской области (ранее Голубковской волости Ирбитского уезда Пермской губернии). Трудолюбивый, спокойный и рассудительный, он пользовался уважением односельчан и был выбран председателем колхоза. В 1941 году, когда началась Великая Отечественная, ему исполнилось 36 лет, и в семье насчитывалось уже пять детей. В день нападения гитлеровской Германии на Советский Союз младшему еще не исполнилось и года, самой старшей (это была моя мама) — 15.

Семья Шуйских

Вскоре после объявления войны мужчины получили повестки на фронт. Отправлялись из деревни двумя партиями. Понимая, что не всем повезет живыми вернуться назад, накануне первой отправки решили устроить прощальный ужин. Уехали за реку, на озеро, наловили там рыбы, сварили на берегу уху и повечеряли.

...Дед уезжал с первой партией. Подводы с мобилизованными двигались по деревне, облепленные близкими и родными. Кто сидел на телеге, кто шел рядом. За околицей распрощались.

Все дальнейшее общение было только в письмах. Писали друг другу часто. Кроме взрослых, писали и старшие дети, сообщая о своих учебных делах. Отец

Людмила Михайловна Романенко родилась в деревне Буньково Алапаевского района Свердловской области. Детские годы прошли в Алапаевске. Закончила Ленинградский инженерно-экономический институт. Ответственный редактор-составитель историко-статистических сборников «Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность», выпусков «Памятной книжки Кировской области и календаря», изданий серии «Из истории вятской статистики». Живет в Кирове.

отвечал им персонально. Мама вспоминает, что писем было очень много.

В 1942 году в их дом принесли скорбную весть. Следом за похоронкой — письмо от однополчанина, который описал, как дед погиб. Горько оплакивали в доме потерю главы семейства. Через некоторое время вдруг приходит письмо от него самого. Оказывается, он в бою был тяжело ранен и долго лежал на поле боя без сознания, поэтому и решили, что убит. Очнувшись, пополз в сторону санбата... Потом был госпиталь в Горьком. Подлечили, и — снова на фронт. В одном из ожесточенных сражений получил новое ранение. После лечения опять встал в солдатский строй, хотя полученные раны время от времени напоминали о себе. Об этом он как бы мимоходом иногда сообщал в письмах своим близким. А большая семья в Буньково всегда с нетерпением ждала эти треугольники полевой почты, описывая в ответных письмах все деревенские новости. В одном из писем дед сетовал на то, что после лечения в госпитале он попал в подразделение, где нет его земляков не только из района, но даже из области, поэтому весточкам из дома он всегда был несказанно рад.

По адресу можно было определить, что части, в которых сражался мой дед, обороняли Москву: Владимирская, Ивановская, Тульская области. Позднее на конвертах он перестал писать название населенных пунктов, указывая лишь номер полевой почты.

«Здравствуйте, мои родные!»

Шлю я вам всем по горячему привету и желаю здоровья. Во первых строках спешу сообщить вам, что я получил от вас 2 письма и очень был рад вашим письмам, как будто поговорил с вами. Из ваших писем я узнал, как вы живете и кой-что нового, за что чувствительно благодарю.

Теперь напишу несколько слов о себе. Живу хорошо. Находимся мы сейчас в движении. Движемся к фронту, на этих днях должны вступить в бой. Дорогая жена Зоя, сейчас настал тот час окончательной победы над врагом. Скоро будем встречаться с вами.

В настоящее время здоровье мое среднее. 3-й раз еще буду в решительных боях сражаться до окончательного разгрома.

Пока до свидания. Жду ответа, как птичка лета. В дальнейшем буду сообщать о своей жизни.

Дорогая жена, я сейчас нахожусь командиром отделения, звание мое старший сержант, зарплата получаю 125 р. в месяц. Зоя, обо мне не беспокойтесь. Вы сильнее работайте в колхозе, а мы будем громить врага до полной победы, после чего будем с вами встречаться.

До свидания. Жду ответа. Писал ваш муж и отец Шуйский.

20/VII 43 г.».

Это последнее письмо из пяти, сохранившихся в семейном архиве. Девятого августа деда не стало. В похоронке, которую вручили бабушке, указано: «Ваш муж

ст. сержант Шуйских Павел Науарьевич (так написано. — Л.Р.) в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 9.08.1943 г. и похоронен у д. Веселуха Смоленской области». На этот раз чуда не произошло, и писем с фронта больше не приходило.

Закончилась война. Выросли и разлетелись по Советскому Союзу дети солдата. В деревне, в родительском доме, остался только один сын Петр. Я после окончания института в 1975 году по распределению попала вместе с мужем в Киров, где живу и по сей день. Позднее к нам перебрались мои родители и бабушка Зоя.

Деревня Веселуха... Название сильно контрастирует с драматизмом происшедших там событий. Не один раз я пыталась на карте Смоленской области отыскать деревню с таким названием, но безуспешно. И только в 2003 году во время поездки на Урал узнала, что еще в 1986 году в газете «Алапаевская искра» дана разгадка. Там была опубликована заметка за подписью председателя совета ветеранов при Спас-Деменском военкомате Калужской области Леонида Тренина. В ней он называл фамилии уральцев, погибших за освобождение его родной калужской земли и захороненных там, и просил откликнуться родственников. В числе названных была и фамилия Шуйский. На отклик моего дяди в его адрес пришло письмо от Л. Тренина, в котором он сообщал, что старший сержант 255-го стрелкового полка 29-й гвардейской стрелковой дивизии Шуйский Павел Январевич (так написано. — Л.Р.) погиб и погребен в д. Веселуха Спас-Деменского района Калужской области. Оказывается, деревня эта находилась почти на границе Смоленской и Калужской областей, ранее относилась к Смоленской, а сейчас относится к Калужской области.

В 1955 году останки деда были перезахоронены в братской могиле на Гнездиловской высоте (высота 233,3).

Наконец-то мы узнали место, куда можно съездить и поклониться! Но к этому времени уже не было живых бабушки Зои и двоих из пяти детей...

Осуществить свое желание нам удалось только летом 2008 года. Спас-Деменск наш — ли без труда.

Нам сказали, что Гнездиловская высота расположена в 20 километрах от города. Вот уже закончился асфальт, началась довольно широкая щебеночная дорога. По обе стороны — поля (иногда заброшенные, заросшие), лес, перелески. Населенные пункты попадают редко. Указателей — никаких. В довольно крупном поселке Павлиново, который расположен на железной дороге, спросили, правильно ли мы едем. Оказалось, что верно. Широкая дорога становилась все уже, превратившись в грунтовую, потом в лесную, с растительностью между колеями. Людей нет. Лес, лес... Мы уже решили, что заблудились, хотели развернуться и ехать обратно, и тут неожиданно над травой вынырнул указатель

красного цвета на металлической табличке с красной звездой и надписью: «Мемориальный комплекс «Гнездиловская высота».

Вскоре мы оказались на большой лесной поляне. В центре ее — мемориальный комплекс, окруженный решетчатым металлическим забором с побеленными кирпичными столбиками. За деревьями мы не сразу заметили памятник солдату на высоком постаменте. Войдя через калитку на территорию мемориала, увидели полную картину: и памятник слева на высоком пьедестале, изображающий бойца с автоматом в руках в момент атаки, и стелу справа с высеченными именами погибших воинов, и стилизованные захоронения с уложенными на них цветами, венками и проржавевшими солдатскими касками. Между ними выросли высокие раскидистые ели, березы, и мне с трудом удалось отыскать небольшой просвет между их кронами, чтобы сфотографировать памятник.

Но это было потом. Сразу же мы направились к стеле. Среди высеченных на камне имен увидели родное — Шуйский П.Я. Комок в горле. Поклонились. И ему, и каждому из этих полутора тысяч солдат, 65 лет назад заплативших жизнью за нашу независимость, чьи фамилии написаны здесь. И чьи не написаны (по данным Спас-Деменского военкомата, их еще более тысячи). Эти имена возвращают из забвения поисковые отряды и сегодня. Не случайно к обелиску прикреплена табличка с новыми именами погибших воинов, останки которых в последние годы удалось найти и расшифровать их имена.

Я счастлива, что прошла этой дорогой и дошла до цели. Желаю этого всем идущим и ищущим.

Справка: Гнездиловская высота с отметкой на карте 233,3 играла особую роль в обороне немцев. Она господствовала над окружающей местностью. С нее местность просматривалась на 8–10 км, и, опираясь на нее, противник удерживал двадцатикилометровую линию обороны, прикрывавшую подступы к железнодорожной линии. На этой высоте было вырыто много линий траншей в рост человека, а между ними в шахматном порядке располагались ячейки для автоматчиков и пулеметчиков. Траншеи соединялись ходами сообщения и выходом в тыл в сторону железнодорожной станции Павлиново.

На высоте имелось более 400 блиндажей с перекрытиями в 8–10 накатов и более 200 железобетонных дзотов с врытыми в землю бронированными цельнометаллическими колпаками — «крабы». Огневые точки гитлеровцев были расположены так, что флангово-перекрестный огонь простреливал всю прилегающую местность. На высоте под землей под защитой много-

Памятник и стела на Гнездиловской высоте

слойных накатов, в блиндажах из железа и бетона располагался настоящий городок с гарнизоном более 800 солдат и офицеров из отряда «Ваффен — СС».

Высота была опоясана несколькими линиями сплошных траншей и глубоким противотанковым рвом. Подходы к высоте на глубину до 300 метров заминированы и опутаны колючей проволокой. В систему обороны включались управляемые мины, пункты наблюдения, связи и системы различной сигнализации. На железнодорожной линии у станции Павлиново маневрировал фашистский бронепоезд, оснащенный дальнобойными крупнокалиберными пушками. Оборона с воздуха прикрывалась самолетами.

Почти пять суток шли непрерывные бои за эту высоту. Лишь к исходу 11 августа 1943 года высота 233,3 была полностью освобождена. С боем брали каждую пядь земли, выбивая противника из каждого окопа, из каждой складки местности, преодолевая мощные долговременные оборонительные укрепления противника, его минные поля и заграждения.

В штурме Гнездиловских высот принимали участие тысячи комсомольцев. И в честь их подвига люди стали называть ее Комсомольской.

Нет сейчас населенных пунктов Надежда, Веселуха, Холмы, где проходили жестокие бои. На их месте раскинулись поля и луга, растут белокрылые красавицы русского леса — молодые березы. А на самом видном месте, на вершине высоты, в окружении берез возвышается огромная статуя солдата с автоматом в руках.

Ф. Бобков — генерал армии, участник Великой Отечественной войны, в т.ч. боев на Гнездиловской высоте. (Отечество. №3, 2008)

Алевтина НЕМЕРОВА,
фото из семейного архива

Три картофелины

Этот рассказ написан Алевтиной Анатольевной Немеровой по воспоминаниям ее мамы Елены Меркурьевны, которая волею судьбы совсем девочкой оказалась в городе Серове Свердловской области, работала все военные годы в цехах механического завода. После победного мая никуда не уехала — некуда ей было возвращаться. Некоторое время, когда началась конверсия, нянчила детей одного из руководителей предприятия. Училась. Перешла работать в отделение железной дороги. Встретила хорошего парня, стала ему женой, родила сына и дочь. Теперь живет в Егоршино.

Жизнь разбросала пятерых сестер. На долю каждой в далеком детстве и юности выпали свои суровые испытания. Алевтина Анатольевна бережно собирает те крупницы, что сохранила память матери и ее сестер. Чтобы дети, внуки и правнуки знали и хранили в сердце историю своей семьи, родных людей, трудности которых не сломали. Чтобы ценили каждый день под мирным небом.

В воскресный день 22 июня 1941 года погода была прекрасная. Лена, деревенская девочка, пошла гулять в парк с маленькой Светланкой. После смерти матери и отца ей, одной из пяти сестер, пришлось перебраться из родной деревни Овсянки в город Зуевку и устроиться у чужих людей нянкой.

Вокруг было много людей, играла музыка, слышался веселый смех. Девочки собирали на полянке цветы, и Лена учила Свету плести из них веночки. Вдруг стало тихо. Музыка смолкла, и все стали куда-то необычно быстро уходить. Не поняв, в чем дело, но сердцем почувствовав неладное, Лена тоже торопливо повела девочку домой. И только дома она узнала — началась война.

На следующий день дядя Шура, отец Светлани, забежал домой и попросил Лену собрать ему вещи, а сам побежал записываться добровольцем на фронт. Лена с полным мешком притащилась к военкомату, где уже Евдокия, плача, обнимала мужа. «Чего это ты наложила полный мешок? — удивились они и стали вытаскивать ненужные вещи: лишнюю пару белья, мешок сухарей... «А одеколон-то зачем?» — спросили. «А раны смазывать», — ответила Лена.

Проводив мужа на фронт, Евдокия писем от него долго не получала, но надеялась, что он жив, воюет. Жить стало голоднее, ввели продуктовые карточки, и Евдокия предложила Лене: «Давай,

девка, я тебя на работу устрою к нам в типографию. Хоть карточку получишь на продукты, а жить так с нами и будешь».

И стала Лена работать рассыльной в типографии, разносить бумаги по предприятиям. Вскоре пришла разрядка: двоих направить на рытье окопов, и одного человека в школу ФЗО для обучения работе на станках. На окопы Лену не послали — больно мала ростом и худая, и годков всего 14, а вот в школу ФЗО — в самый раз.

Молодежи собралось много. Всем объявили, что работать поедут на завод в г. Серов, где-то на Урале. И погрузили всех в два товарных вагона — в одном парни, в другом девочки. Двери закрыли и, похоже, совсем забыли про них... В вагоне не было ни лавок, ни печки, просто в одном углу было навалено сено, на котором все спали, а в другом ходили по нужде в щель между досками пола.

Целый месяц везли их до Урала, в какой-то неизвестный город Серов. Из вагона ни разу не выпускали. Ели они то, что взяли с собой из дома, а потом просто голодали. У кого-то нашлась кружка, ее высовывали в оконце под потолком и собирали для питья дождевую воду. Не считали, сколько дней прошло, не кричали, не плакали — сил не было. Когда наконец кто-то снаружи открыл засов и раздвинул двери, то удивился: «Девки, вы живые?!» Оказалось, живых было больше половины, а они и не заметили, что их соседки не спят, а давно умерли... В вагоне у парней мертвых было больше, они хуже переносят голод.

Их накормили солдатской кашей с мясом (одна девочка тут же умерла — желудок отвык от пищи) и строем повели в город. На вокзале прочитали вывеску: «Надеждинск». «А где Серов?» — спросил кто-то. «Недалеко, пешком дойдете», — ответили им.

Их поселили в каменном доме в больших комнатах, только вместо стекол окна были затянуты бумагой, и печки не было вообще, впрочем, как и туалета. Просто в комнате стояло одно ведро с водой и двенадцать помойных — для туалета на всех 40 девчонок. Спали в одежде на деревянных нарах, не было ни постельного белья, ни одеял. Мальчишки жили на другом этаже. На ночь комнаты снаружи закрывали на ключ.

На их расселение пришел посмотреть какой-то большой начальник. Когда все стали жаловаться, что в комнатах холодно и не на чем даже воды вскипятить, а на улице — снег и холод, начальник

Елена Меркурьевна Немерова (сидит первая слева). 1951 г.

демонстративно снял с одной ноги сапог, и, встав в носке на голый пол, заявил: «А совсем и не холодно! Пол теплый». Но кто-то утащил у него сапог, и он, прыгая на одной ноге, стал ругаться. В конце концов его пожалели, сапог вернули. На следующий день пришли рабочие и установили посреди комнаты печку-буржуйку. Вот она-то и спасла девчат от уральских холодов.

Дров никто не давал. Они быстро сожгли все заборы вокруг, а потом кто-то нашел сарай с книгами: тома сочинений Ленина и Сталина. Решили взять их на растопку, а оказалось, что книги-то деревянные! Видимо, стояли они раньше где-то только для вида. Они сожгли в своей печке часть найденной «библиотеки». А потом парней, таскавших книги, арестовали, и больше их никто не видел...

Работали ребята на «номерном» заводе на токарных станках, вытачивая корпуса снарядов. Лена из-за своего маленького роста подставляла к станку ящики и, стоя на них, с трудом заталкивала в станок тяжеленные заготовки для обточки. А иногда залезала на станок с ногами и обеими руками пыталась установить непослушную железяку.

Так ее верхом на станке как-то заметил начальник цеха. «Это еще что за детский сад? — закричал он на мастера. — А если ее в станок затынет? Нам травматизм не нужен! Кто хоронить-то будет?» Лену перевели в тарный цех, сколачивать ящики для снарядов.

Это работа ей понравилась: вкусно пахло деревом, доски были не тяжелые, а стучать молотком ее в детстве научил тятенька, когда она помогала ему подбивать обувь.

Кормили в столовой каждый день. Не то чтобы сытно, но с голоду уже никто не умирал, даже в обязательном порядке давали пить отвар хвои, чтобы цинги не было. А однажды в комнату к девочкам пришла врач для профосмотра, велела всем раздеться и подходить к ней по очереди. Но девчонки испугались, залезли под нары. Врач не стала ругаться, а ласково и негромко стала объяснять девочкам, для чего им, будущим матерям, нужны профосмотры. Постепенно все вылезли из-под нар и дали себя осмотреть.

В тарном цехе Лена подружилась с виду суровой девушкой Надей Надыршиной, с которой работала в паре. «Давай сегодня в столовую не пойдем, а заранее хороших сухих досок натаскаем: их недавно с лесозавода привезли», — предложила как-то Надя. Девчонки приготовили все заранее. Гвозди и молотки им приносил молодой парнишка из инструментального цеха Саша Соболев. И так они хорошо подготовились к работе, что вместо 120 ящиков по норме сколотили за день 240! Мастер Александра Ивановна сказала: «Вы по 200 штук делаете каждый день, и достаточно». Одну пару работниц убрали из цеха — Надя с Леной и одни справлялись с планом.

Не проработала Лена здесь и полгода, как заболела приемщица, и ее направили проверить готовую продукцию.

Лена начала привыкать к такой жизни, только по ночам вспоминала про свою деревню, про сестер. Как они-то живут и живы ли вообще? Никаких известий от них не было, и писем она ни от кого не получала.

Продуктовые карточки выдавали на два месяца. Как-то Лена решила свои карточки отдать на хранение секретарю начальника цеха, чтобы та положила их в сейф. Но секретарь вышла куда-то из кабинета, не закрыв дверь, а когда вспомнила про карточки, их уже нигде не было. От отчаяния, что теперь придется голодать, Лена зарыдала во весь голос. Сбежались люди, но не знали, чем утешить девчонку.

На шум вышел из кабинета начальник. Узнав, в чем дело, пообещал Лене как-то решить ее проблему. Вечером после работы он повел ее к себе домой ужинать. Объяснил жене, что девчонка потеряла все карточки, и та молча усадила ее за стол. На ужин у них было 3 картофелины. Одну, целую, отдали Лене, а две другие разрезали пополам и съели по половинке сами и двое их детей, мальчишек. Ее оставили ночевать, а утром начальник цеха позвонил в столовую и договорился, что два месяца Лена будет работать в столовой подсобной рабочей.

Теперь Лена сидела в столовой у самого входа и каждому пришедшему обедать выдавала ложку. А когда рабочие выходили из столовой, она забирала у них ложки обратно, внимательно следя, чтобы ни одна не потерялась. За это ее кормили остатками каши, соскребая со стенок бачка. Так добрые люди не дали ей умереть с голоду. А как только получила новые карточки, Лена вернулась работать в свой тарный цех, где ее с радостью встретили подруги.

Когда пришло известие, что война закончилась, для «фэзэушников» устроили праздник. Каждому выдали по чекушке водки. Ее пили все, Лена тоже попробовала немного. Потом устроили танцы. Музыка никакой не было, просто две девчонки сидели на подоконнике и без конца напевали: «Топор, рукавицы, рукавицы и топор». А остальные в центре комнаты плясали, как могли, изо всех сил топя башмаками на деревянных подметках. Танцевали и мечтали, что теперь-то, после окончания войны, все смогут досыта наесться хлеба, вернуться домой, встретиться со своими родными, и, как в сказке, будут жить долго и счастливо!

Юний ГОРБУНОВ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для биобиблиографического словаря)

Г

ГОЛЕНКИНА Ксения Ильинична, авт. воспоминаний.

Почвовед, сотрудница академика В.Р. Вильямса. «Из воспоминаний о В.Р. Вильямсе». — В кн. Сборник памяти академика В.Р. Вильямса. М.-Л., 1942. С.23-33, илл. «Лизиметры акад. В.Р.Вильямса: Из воспоминаний о совместной работе с акад. В.Р. Вильямсом». — «Почвоведение», 1940. № 4. С.24-31. ИДРДВ. Т.4 .Ч.3. № 5503-5504.

ГОЛЕНКОВСКАЯ О.

Пер. с польск. кн. «Доктор Стас» (СПб., 1889)
Венгеров. Источ.

ГОЛИКОВА Мария Ивановна (урожд. Рыминская; 1865 — ?), сотр. «Нижегород. Листка».

Род. в Черниговской губ.
Венгеров. Источ.

ГОЛИХОВСКАЯ-ШИК

Влад. курс. стенографии (СПб., 1913), сост. учебников.
Венгеров. Источ.

ГОЛИЦЫНА А.А. княгиня

Авт. «Подруги. Повесть для юношества» П., 1916.

ГОЛИЦЫНА Амалия Самуиловна

Слов. рус. писательниц.

ГОЛИЦЫНА Александра Петровна (урожд. Протасова)

Слов. рус. писательниц.

ГОЛИЦЫНА Анна Сергеевна (урожд. Всеволожская; 1778 — 1838), поэтесса.

Авт. кн. «Modele des enfats...» М., 1801. — Девица А.В.
Масанов; Слов. рус. писательниц.

ГОЛИЦЫНА Анна Федоровна (урожд. Боборыкина; 1807 — 1835), мистическая писательница.

Жена Н.Н. Голицына, заведывавшего московской цензурой. Авт. «Описания мистических явлений и откровений» (О ней: Рус. архив. 1865. № 12. Стлб.1527).

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ГОЛИЦЫНА В.А.

Участв. в сб. статей «Русская поэзия XIX века». Л., 1929.
Розанов.

ГОЛИЦЫНА Варвара Васильевна кн. (урожд. Энгельгардт; 1752 — 1815), литератор, переводчица.

Племянница Г.А.Потемкина (фрагм. их переписки — «Рус. Стар.», 1875, № 3); жена ген. С.Ф. Голицына, уч-ка рус.-турец. войны 1787-1791 и взятия Очакова. Была близко знакома с Г.Р. Державиным в бытность его в Тамбов. губ. Воспета им в неск. стихотв. Была знакома также с И.А. Крыловым, К.Ф. Рылевым. Пер. с франц. ром. Бартелими Эмбера «Заблуждения от любви, или Письма от Фанелии и Мильтфорта» (Ч. 1-2. М.. 1788; Тамбов, 1790; посв. С.Ф. Голицыну). Державин, гордившийся успехами тамбов. литераторов, послал экз. перевода М.М.Хераскову со словами: «Прочтите наш новый роман... В столицах не все так переводят...». Под крипт. В.Р. (м.б. В.Г. Рубан?) в СПб. напеч. стихотв. «К портретам трех сестер, Александры, Варвары и Екатерины Васильевн Энгелгардовых, ее имп. велич. фрейлин» (1778).

Слов. рус. писателей XVIII в.; Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.; Сводный каталог (здесь г.р. 1757)

Начало в №1, 2005. Продолжение в следующем номере.

Инна ГЛАДКОВА,
иллюстрации подготовил Эдуард ГИЛЬМАН

Воюющая магистраль

Молебен в лето 1885 года

Он состоялся по случаю пуска совсем небольшого, длиною всего в пять километров, но важного для Екатеринбурга рельсового пути. Обратимся к семейным воспоминаниям известного краеведа Василия Константиновича Некрасова, у которого дед, бабка, тетка, отец и мать работали на железной дороге, да и сам он долгих 44 года служил механиком по обеспечению безопасности движения.

В лето 1885 года, когда по одной из главных улиц города – Покровскому проспекту (ныне улица Малышева) – проложили рельсы, по ним, вызывая панику лошадей и изумленные пересуды обывателей, от станции Екатеринбург-II (Шарташ) к центру города отошел паровоз. В то время на территории нынешнего Исторического сквера, на освободившихся площадях, разместились Главные мастерские строящейся в сторону Тюмени железной дороги, куда маневровый паровоз и прикатил на ремонт первую сцепку пассажирских и товарных вагонов.

В 1912 году по просьбе именитых купцов города, которые смекнули, что пришедшие из разных мест по железной дороге товары выгоднее доставлять в лавки, склады и лабазы Гостиного двора не подводами, а по рельсам, был проложен дополнительно небольшой отрезок колеи, удлинивший общий железнодорожный путь по Покровскому на триста метров. Но с началом строительства трамвайных путей по бывшей Укусской рельсы мини-купеческой дороги разобрали.

Главная же часть этого рельсового пути сыграла важную роль в 1941 – 1945 годах. Тогда небольшой паровоз, ходивший вдоль улицы Малышева, работал напряженно и столько часов в сутки, сколько требовало военное время: обеспечивал подвоз сырья и материалов различным предприятиям, находившимся в этой части города. Обратным рейсом доставлял до станции к эшелонам, уходившим на запад, оружие, боеприпасы, одежду, продовольствие. К паровозу на станции часто прицепляли пришедшие с прифронтовой полосы санитарные вагоны с красным крестом, и он подвозил раненых прямо к госпиталю, который размещен был на всех этажах выходившего на улицу Малышева крыла Дома промышленности. Прожила эта городская железная дорога более 80 лет.

Из дневника воспитательницы д/сада №3 Валентины Васильевны Поповой

22 июня 1941 года – Война! Неожиданно и очень тревожно. Родители и дети возбуждены, много разговоров. Хочется надеяться, что это ненадолго!

5 июля 1941 г. Вести по радио день ото дня тревожнее. Никакой ясности. Мобилизованы и ушли на фронт многие железнодорожники – папы наших ребяташек.

14 июля 1941 г. Встречали первый эшелон с детьми из Москвы, разместили в соседнем детском саду. Накормили, уложили отдыхать. А теперь почти каждую неделю принимаем вагоны с маленькими беженцами. Не спим сутками.

5 августа 1941 г. У вокзала часто слышна музыка военного оркестра, значит, опять провозжат на фронт очередной эшелон.

26 августа 1941 г. Идут и идут эшелоны. Все гудит. Этот грохот железной дороги, как рев раненого зверя, резкие тревожные гудки особенно слышны ночью, не дают спать. Дети плачут, хотя и не понимают, что может случиться на «этой войне».

17 сентября 1941 г. В жизнь вошло новое слово «уплотненцы». Ко всем подсаляют семьи эвакуированного из Москвы номерного завода. Теперь у нас в квартире живет 21 человек – шесть семей. А комнат на всех две. Тесно, но ничего, все под крышей, в тепле. Трудно по утрам – на всех один умывальник, да и тот в туалете. Завели график, и по кухне тоже.

30 ноября 1941 г. Долго размышляли, что еще можно продать на хлеб. Решили продавать все, что можно было еще продать, но патефон сохранять до последней возможности. Сколько с ним связано самых лучших довоенных воспоминаний! Танцы под Утёсова... Сейчас мы его совсем не заводим: тесно в комнате, да и спят в квартире все в разное время – работают-то сменами.

Начали продавать собранные братом Костей газетные подшивки. Идут хорошо, берут и курящие, и женщины – на оклейку стен. У нас правило: «Три рубля пара, на пятерку – три». Намерзнемся, зато к вечеру возвращаемся домой с буханкой. Страшно подумать, какой голод в Ленинграде, если у них суточный паек

Инна Марковна Гладкова — тележурналист, автор публицистических рассказов и эссе об истории Урала. Лауреат премии губернатора Свердловской области 2001 года за телесериал «Екатеринбургские тайны». Автор многих очерков в нашем журнале. Ныне живет в Германии.

125 – 250 граммов, а у нас, работающих – по 400, только у мамы и Галиных ребят по 250.

25 января 1942 г. Давно не садилась за дневник. Хорошего мало, ну... и писать не хочется. Дома холодно. Топят плохо – и нечем, и некому. Обогреваемся все на кухне. Ложимся поздно.

7 февраля 1942 г. А карточки по-прежнему отоваривают очень плохо: лежат передо мной карточки – детские, мамины и наши – на сахар, на кондитерские товары, молоко, жиры, мясо, рыбу, макароны за ноябрь, декабрь и январь. Ничего не выдано.

12 августа 1942 г. Уже несколько дней практически со всем городом ездим на станцию Сортировка с лопатами и кирками на строительство дополнительных путей. Ведь Свердловск – узловая станция. Сколько теперь ждет составов во все концы! Грунт каменистый. Я отбила в кровь все руки. Надо было иметь брезентовые рукавицы. Теперь носим на носилках камни-глыбы. Хорошего тоже мало. На носилках вроде бы и немного, а тяжесть – ужасная!

Натаскалась! Болят не только руки и плечи, но и ноги, и шея, и даже мочки ушей. А ездим почти каждый день. Надо успевать, пока стоит хорошая погода. Не рассыплюсь! На войне много хуже.

5 октября 1942 г. По предложению политрука госпиталя Л.М. Дувановой взяли шефство над ранеными одной из палат. Госпиталь близко от нас, в бывшей школе на ул. Свердлова. Палата большая, на 19 человек. Лежат с тяжелым ранением, увечьем конечностей. Есть совсем без рук и ног, а один безрукий еще и слепой, а он ведь из сельской местности, отец семейства.

Я робела, боялась показаться бестактной. Написала двоим, по их просьбе, письма родным. Была со всеми внимательна. Просили приходить еще. Обещала. А дома не могла уснуть. Жутко. А они, искалеченные, между прочим, еще шутят, подтрунивают друг над другом...

4 ноября 1942 г. Чем дети могут помочь раненым? Только как-то отвлечь от суровой действительности. Решили готовить концерты не только в главные праздники, но в каждое посещение читать раненым стихи, петь песни, каждый раз украшать палату новыми детскими рисунками. Этих посещений в больничных палатах ждут. Врачи говорят, что концерты юных артистов лучше лекарств. Детям аплодируют, кто может – руками, а кто – и костылями. Подготовка к таким встречам мне добавила ответственности, да и хлопот: не просто научить малышей мелодиям и ритму. Зато это была наша маленькая, но реальная помощь фронту».

Из рассказа Марии Сусловой-Рожневой

«Нам по двадцать. На призывной пункт, чтоб взяли на фронт, пошли втроем: Люба Гаврилова, Полина Мамаева и я. А получилось, что подружек взяли, а я осталась. Люба написала с дороги, что едет на курсы радисток. Потом мы с ней потерялись. А Полина всю войну в прифронтовом медсанбате, дошла до Восточной Пруссии. Вернулась домой. Трудно даже представить, как эта девчонка однажды из тяжелого боя

под артиллерийским обстрелом вынесла 27 раненых. За один только день! Это же рекорд войны! А сколько всего жизнью спасла, и не сосчитать! Она и под Сталинградом воевала, через Волгу не раз переправляла раненых на барже, тоже под пулями и осколками. Где только силы брала? Видели б вы ее – маленькая, хрупкая! Я ее потом спрашивала: «Поль, ты что, заговоренная?» – «Да нет, – смеялась, – сама и ранена была, и дважды контужена».

А тогда, в сорок первом, подружек Родину защищать взяли, а мне какой-то военный с ромбом сказал: «Чего ревешь? Передовая сегодня везде. Ты тут, на железной дороге, нужна. Срочно на курсы, сдавай на машиниста!»

Еще в 1937-м я получила права помощника машиниста. Работа на паровозе хоть и чумазая, и не женская, но нравилась. Наслышалась рассказов про то, как трудно восстанавливали пути и движение по ним после Гражданской. Как большое путевое хозяйство постоянно обустроивалось, начали поступать новые, более мощные паровозы: «ФД» (Феликс Дзержинский), «СО» (Серго Орджоникидзе) и «ИС» (Иосиф Сталин). Правда, меня взяли в бригаду, которая работала на стареньком паровозе. Тогда расстроилась, но потом оказалось – и к лучшему. Рейсы мы делали по Уралу. Пассажирские. И тут эта проклятая война. Сразу все службы дороги и паровозные бригады перевели на строгий, жесткий режим. Никаких задержек, никаких опозданий, за нарушение – трибунал. Тяжелая доля была у работавших на железной дороге. А другого быстрого транспорта в то время просто не было.

Экзамен на машиниста я сдавала срочно. Страшно вспомнить тот первый самостоятельный рейс. За локомотивом длинный хвост вагонов – везем подкрепление осажденной Москве. Новобранцы. Не обстрелянные. Обратным рейсом нам подцепляют состав с беженцами. Много детей, стариков. Не все одеты по сезону, а уже холодно. В вагонах не топят. Издалека ли люди? Что они едят? На стоянках, порой долгих, пока пропускаем эшелоны с военной техникой, которая следует на Запад, мои пассажиры с жестянками бегут под станционный кран за кипятком. Трое в том рейсе умерли.

А вообще – у меня большой стаж, всю войну на паровозе, и потом еще до 1950 года работала. На фронте не была, но в тылу задания Родины выполняла, как все, добросовестно».

Мария Яковлевна про своих коллег рассказывать могла долго и охотно, а свою работу оценила скромно. Только вот в музее Свердловской магистрали, в той экспозиции, что была еще во Дворце культуры железнодорожников, я видела редкий документ из ее военной биографии. Оказывается, однажды, чтобы устранить неисправность, Мария с риском для жизни залезла в горячую топку паровоза.

Это было осенью 1942 года. Паровозная бригада везла раненых в тыл. Паровоз, натужно пыхтя, тащил сцепку вагонов с красным крестом. Она, машинист, как обычно, следила за сигналами семафоров, за тор-

мозаи, количеством воды в тендере, ну и, конечно, за манометром. Как вдруг видит неладное: давление пара в котле падает, стрелка ползет вниз. «Уголька! Еще уголька!» Кочегар хватается лопату, начинает бросать в топку, но эффект тот же. Лишь бы дотянуть, скоро большая станция, стоянка 30 минут.

ЧП оказалось серьезным: прогорели колосники. Свободной ремонтной бригады на станции не было. Когда придет техническая помощь: через сутки, двое, трое? Что делать?

«Ты машинист, тебе и решать!» В бригаде все мужики, а в горячую топку паровоза (ждать, когда остынет, было некогда), завернувшись в мокрый ватник, полезла она одна. Задыхаясь от жара и пара (ее постоянно обливали водой), несколько раз лезла в пекло, пока не поменяла колосники. Получила серьезные ожоги лица, рук, само собой, обгорели волосы, но поезд с ранеными со станции ушел без опоздания. Врачи поезда оказали ей первую помощь. Потом Маша долго еще залечивала ожоги, следы которых остались на всю жизнь. Героиней она себя не считает, но русский поэт как раз о таких мужественных женщинах и сказал: «...В горящую избу (топку) войдет!...»

Сухие цифры военной хроники

История давно признала: без железных дорог, без этой главной кровеносной артерии в нашей стране, которая питала фронт, не было бы Победы. Самая хорошая армия проваливала операцию, если ей вовремя не подвозили оружие, снаряды, горючее и пополнение. Не случайно ставка Гитлера прежде всего нацелила главный удар на наши западные железные дороги и их объекты. Бомбили по 6 – 7 раз в день. И летчик старался попасть прежде всего в паровоз. За уничтоженный паровоз ему давали 10 дней отпуска и Железный крест. Из-за постоянных бомбежек на железных дорогах возникали чудовищные пробки. Так, 31 июля 1941 года за один день было произведено 50 бомбовых ударов. 667 наших поездов враз стали...

В условиях военной катастрофы никакие приказы не смогли бы изменить ситуацию на транспорте, если бы не сами железнодорожники. На счету был каждый паровоз. Из тупиков выводили старые, особо ценились марки «Эу», они были на пять тонн легче новых, пусть и более мощных «ФД», «СО», «ИС», могли после бомбежек двигаться по наскоро уложенным рельсам. Не было угля – топили дровами, воду использовали из рек и колодцев. Их срочно ремонтировали. И 70 процентов всех военных перевозок обеспечивали паровозы серии «Эу». Их называли еще «рабочими лошадаками», они, как танки Т-34 и штурмовики ИЛ-2 – особая гордость минувшей войны.

Один такой паровоз – музейный экспонат – встал на вечный прикол на запасном пути локомотивного депо станции Свердловск-Пассажирский. Его хорошо видно с виадука. На нем историческая надпись: «Уральцы – Ленинградскому фронту!» Известно, что первым рейсом он доставил собранный для бойцов вагон подарков: теплые носки, варежки, кисеты, табак.

И боеприпасы тоже. В Свердловск он же привез детей, вызволенных по льду Ладоги из осажденного Ленинграда. Потом не раз этот паровоз ходил специальными рейсами к линии фронта за металлоломом, которого оставалось много после боев. А металл уральским заводам был очень нужен – для новых танков, пушек, снарядов.

С началом войны нормативы на железной дороге сразу изменились. Паровозы тащили составы со скоростью уже 1000 километров в сутки, против довоенных 600. Теперь мы знаем, что огромные резервы для обороны столицы под Нарофоминском были доставлены с Дальнего востока всего за шесть суток: 36 эшелонов пересекли страну со скоростью курьерского поезда и сразу вступили в бой. Вермахт понес первое серьезное поражение, немецкие генералы сразу и не поняли, «откуда у Жукова появилось столько резервных дивизий?»

В лихое время особое место занял Урал, который потом назовут «Опорным краем державы». Казалось, что вся европейская часть Советского Союза лавиной хлынула на Восток. И конечно, здесь главный удар приняла Свердловская магистраль. Нам, сегодняшним, до зубов автомобилированным, трудно представить, как в то время рельсовая дорога в короткий срок смогла осилить такое переселение народов. С западных территорий ценой невероятного напряжения сил по железной дороге были переброшены 2,5 тысячи эвакуированных предприятий и 18 миллионов беженцев. К нам в первые – не месяцы, а дни, под строжайшим секретом прибыли, например, два эшелона уникальных ценностей Эрмитажа; в Свердловске «поселился» институт точного времени имени Штернберга и с ним – главные часы государства. Через станцию Свердловск в Тюмень тайно проследовал литерный состав с саркофагом Ленина, в Новосибирск – с полотнами Третьяковской галереи... Ну а о «переселенных» с запада секретных заводов и говорить не будем: они переехали и практически с колес начали работать на оборону и на победу.

С Урала и через Урал с востока на фронт днем и ночью шли поезда, их надо было пропустить беспрепятственно. А все станционные и подъездные пути Свердловского узла были забиты эшелонами с оборудованием эвакуированных предприятий. Диспетчерам с большим трудом удавалось проводить транзитные поезда. Это время отмечено знаком беды и великого героизма.

В документах того времени находим имя академика В.Н. Образцова. Мы больше знаем его сына – создателя знаменитого кукольного театра – Сергея Образцова. А Владимир Николаевич Образцов – это крупнейший ученый, его называли не иначе как «отец транспортной науки» («логистика» – так она теперь называется). Тогда он находился в эвакуации в Свердловске. Изучив сложную обстановку на Свердловской магистрали, он предложил сделать небольшую рельсовую вставку от станции Аппаратная Егоршинского направления до линии на Нижний Тагил. Так появилась станция «Звез-

Легендарный паровоз ЭУ

да» (сегодня ее уже нет). Трудно далась эта стройка, в которой задействовано было и население города. Но в результате часть транзитного потока была пущена мимо донельзя загруженных станций Шарташ и Свердловск-Пассажирский. Обстановка существенно разрядилась.

Урал — Москва — Кубань — Новороссийск

Так выглядит боевой путь одетого в стальную броню поезда, героическую историю которого несколько десятилетий назад по крупицам собрали вместе с преподавателем математики Людмилой Николаевной Овчинниковой дети школы №2 Железнодорожного района. Они провели поиск участников того дивизиона, встречались с ними, и как результат — рассказ еще об одном историческом подвиге уральцев в годы Великой Отечественной войны.

Поначалу идея создать бронепоезд своими силами, назвав его «Свердловский железнодорожник», и отправить на фронт казалась утопией. Где взять специалистов, если их физически нет? Если люди и так работают на пределе возможностей, по 12 и более часов в сутки. И это на голодном-то пайке! Да и бронепоездов, кроме легенд о них, никто здесь в глаза не видел. И все же в октябре 1941-го бронепоезд решили построить. Нашли старый паровоз марки «Ов» — скорость у него невелика, зато маневренность отличная. Капитально отремонтировали, перебрав все буквально по винтикам, промыли котел. Выделили специальную бригаду. А работать пришлось в открытом для всех ветров депо,

когда градусник зашкаливал за 30 и ниже. Оно тогда напоминало «ателье мод», причем — экспериментальное, где группа умельцев конструировала необычный «наряд» на «живой модели». «Кроили», причем впервые, из самого прочного материала — бронированного стального листа. Над «платьем» колдовало содружество мастеров из восемнадцати человек. Группа слесарей, токарей и сварщиков понимала, что выполняет очень ответственное задание Государственного Комитета Обороны. Чертежи делали сами, корректировала их единственный в депо инженер Надежда Смирнова. Общее руководство и контроль взял на себя начальник депо Михаил Перекальский.

Сначала на паровоз надели прочный каркас. А потом на него начали навешивать броню. Тут и обнаружили главные трудности. Это не платье примерить. Подобные технические усовершенствования требовали заводских условий. Толстые бронированные листы не поддавались и сверлам. За смену удавалось сделать всего два отверстия. Потолочные швы вообще мог варить только один умелец — лучший в депо сварщик Логинов.

Броненосец «Свердловский железнодорожник»

И уж когда паровоз с огромными трудностями полностью «нарядили» сверху донизу, заковали, как богатыря в бронированные латы, произошло непредвиденное: вывести его из депо просто не смогли. Оказалось, что паровоз сильно осел, тонны металла, нахлобученные на него, дали большую осадку. И о маневренности речи быть не могло. Пришлось что-то менять, укреплять рессоры. А сроки подгоняли: люди работали круглые сутки, не выходя из депо. И вот в канун 23 февраля 1942 года на рельсах, по которым с товарного двора обычно на мельницу возили зерно, встретились даже два бронепоезда: Тагильский и Свердловский, перед этим опробованные на военном полигоне за Уралмашем. Был митинг, важное событие снимали для киножурнала «Советский Урал». Пленку эту время, должно быть, обесцветило, да и где ее искать? А вот документы сохранили некоторые подробности, в частности, о Свердловском бронепоезде.

Построенный в рекордно короткий срок — четыре месяца — он состоял из паровоза, шести двухосных платформ, оборудованных трехдюймовыми орудиями и пулеметами, плюс еще шесть вагонов с бронированными крышами для пушечно-зенитных установок. Бронепоезд снабдили боеприпасами и ремонтной базой. Друзья из Монголии прислали в подарок экипажу овчинные полушубки и валенки.

Известны имена уральцев, которые прошли с бронепоездом трудный боевой путь. Командир — лейтенант Поддубский, комиссар — лейтенант Бондарев, машинист — техник-лейтенант Петренко. 27 февраля

оба бронепоезда отбыли в Москву. Затем «Свердловский железнодорожник» был направлен на Кубань, на одной из станций его ожидал местный бронепоезд. Пока фронт был далеко, их задачей было охранять стратегически важную железную дорогу от налетов вражеской авиации и сопровождать эшелоны, идущие на фронт и с фронта. Когда немец занял Ростов и продвигался в глубь кубанских степей, бронепоезда участвовали в боях под станцией Куцевской, прикрывая отход наших эшелонов, отступавших к Краснодару, вели бои с авиацией противника.

Из воспоминаний командира нашего бронепоезда Поддубского знаем, как за ними охотились немецкие самолеты, целыми группами летали вдоль железной

Командиры бронепоезда (сидит слева второй Ф.Д. Бондарев)

дороги, пытаясь бомбить эшелон. Но зенитки бронепоезда зорко следили за небом. От разрывов бомб и зенитного огня в степи стоял сплошной гром. Второй бронепоезд немецкие самолеты все-таки разбили.

Когда немцы подошли к Краснодару, «Свердловский железнодорожник» пропустил вперед все эшелоны в сторону Новороссийска и взорвал мост через Кубань. Трое суток огнем своих пушек он не давал врагу переправиться. Держал под обстрелом три переправы, которые тот тщетно пытался возвести. Когда немцы поняли, что им мешает бронепоезд, вызвали авиацию.

Из воспоминаний помощника машиниста паровоза Сергея Рылова: «Несмотря на плотный наш огонь, самолеты кидались на нас, пикировали и бомбили. И мы старались точно целиться, сбили не одну машину врага. Но остальные разворачивались и снова пикировали на нас. Только одна партия отбомбится, летит в разведку «рама», докладывает, что бронепоезд цел, уходит.

От непрерывной стрельбы накалились стволы пушек и пулеметов, температура на бронеплощадках стала невыносимо жаркой, воздух от пороховых газов удушливо спертым. От резких маневров люди падали, травмировались, однако поднимались и продолжали стрелять. Были минуты, когда клубы дыма и пыли застилали окрестность и в амбразуры ничего не было видно. Только по счастливой случайности ни одна бомба не угодила в полотно железной дороги. Но два прямых попадания по бронеплощадкам вывели из строя все зенитные установки и подожгли одну бронеплощадку. Ее мы закидали землей, огонь потушили, но лишенный зениток и двух заклинившихся орудий бронепоезд практически был выведен из строя. К тому же от резких непрерывных маневров динамичность, маневренность машины резко ухудшилась, нужен был срочный ремонт и промывка котла.

Командир принял решение: на ближайшей станции всей команде покинуть бронеплощадки и отбыть на станцию Тоннельная. Оставшимся: комиссару Бондареву, машинисту Петренко и двум его помощникам — Нятину и мне поручил подвести туда же бронепоезд. Только мы выехали со станции, на горизонте появились вражеские «юнкерсы». Приоткрыв дверь, я с тревогой смотрю на приближающиеся самолеты. Петренко кричит: «Ничего, уйдем, только бы не повредили путь!» Кругом уже рвутся бомбы. Самолеты разворачиваются и идут низко-низко, едва не задевая придорожные дубы. Разворачиваются и снова идут на нас. Нам под броней не слышно их противного воя, но то, как от взрывов бомб вздрагивает земля и барабанят по металлу осколки, мы ощущаем всем телом. От этого ощущения мутит в желудке. И вдруг дрогнуло тело бронепоезда и большой силы металлический грохот на несколько секунд оглушил нас... А поезд продолжает двигаться... «Слава уральской броне!» — кричит из командирской башни комиссар. Он видел, как в смежную бронеплощадку ударились бомба и полыхнула осколками по его башне. Броня выдержала прямое попадание, свибрировала от удара и отбросила бомбу

на обочину дороги. Но, страшная в бою, наша бронированная крепость сейчас не представляла опасности врагу. Они на нее продолжали безнаказанно охотиться. А мы, заглядывая ежеминутно смерти в глаза, на малой скорости вели нашу беспомощную махину. Наконец, немцам надоел поединок с нами, самолеты ушли. А мы, сделав короткую остановку, осмотрели наш «бесстрашный» бронепоезд, снова двинулись в путь, сначала до станции Тоннельная, потом до Новороссийска, где удалось произвести ремонт.

Немцы все ближе подходили к Новороссийску, и по несколько раз в сутки бронепоезд выходил навстречу врагу. Упорные бои за город начались 7 сентября. Наш бронепоезд стоял на восточной стороне Новороссийского цементного завода и вел огонь из всех пушек и пулеметов по спускавшимся с горы немецким танкам и пехоте. Не выдержав огня, фашисты залегли в ближайшем овраге. Но и мы отвоевались: на всех бронеплощадках кончились боеприпасы. Когда немец уже занял город, по приказу командира все покинули бронепоезд и саперы его взорвали».

Вот такой героический след в истории Великой Отечественной оставил бронепоезд «Свердловский железнодорожник». В газете «Путевка» еще за 10 февраля 1942 уральский поэт Константин Мурзиди написал о нем:

*... Вложили мы силу в работу свою,
Всю мощь воедино собрали,
Чтоб наш бронепоезд в жестоком бою
Напомнил врагу об Урале!*

Почти через пятьдесят лет после описанных событий Галина Павловна Морозова, создавшая Музей боевой и трудовой славы, получила письмо из Новороссийска от ветерана войны Т. Межеричского, в котором он сообщил еще один интересный факт.

«В ноябре 1942 года, когда фашисты неистово стремились прорваться вдоль моря по Сухумскому шоссе, их встретил огонь двух пушек, которые уцелели на подорванном бронепоезде «Свердловский железнодорожник», солдаты собрали к ним 270 снарядов. Даже как-то удалось подогнать искалеченный бронепоезд к Импортной пристани Новороссийска. Командовал импровизированной батареей младший политрук Алексей Лукашов. Пока не кончились снаряды, артиллеристы меткой наводкой обстреливали занятые врагом улицы в центре города. За эту операцию Лукашов был представлен к награде. После войны останки бронепоезда видели в одном из карьеров за городом».

Пришла и ушла очередная весна. Все дальше и дальше победный сорок пятый. Время рубцует раны, лечит души. Череда лет и сегодняшняя жизненная суета часто заслоняют даже героическое прошлое. Уходят участники и очевидцы. А наш маленький экскурс в прошлое свидетельствует, что это не просто сухая статистика, а живая славная история нашей Свердловской магистрали. Только надо торопиться ее писать. А то ведь и расспросить скоро будет некого.

Прикосновение к кино

В пятидесятых годах прошлого века в маленьком захолустном Верхотурье, где прошло мое детство, телевизоров еще не было. Кинематограф был единственным культурным центром, где можно было посмотреть не только киноленты, но и новости. В кино ходили все от мала до велика, особенно мы, пацаны, и стоило это удовольствие десять копеек. Как делалось кино, для нас было великим таинством, а киноартисты казались и вовсе людьми из потустороннего мира. И все же позднее мне посчастливилось прикоснуться к кино.

«Артист» с арийской внешностью

Действительную военную службу я проходил в городе Советске, бывшем Тильзите Восточной Пруссии, которую после войны переименовали в Калининградскую область. Для нас, молодых парней из российской глубинки, этот маленький городок казался почти заграницей, как и вся Прибалтика. Городок хорошо сохранился, и по этой причине сюда часто наезжали киносъёмочные группы. Вот здесь-то мне и посчастливилось познакомиться с Леонидом Быковым, которого все знают по фильму «В бой идут одни старики» и по другим кинофильмам. На этот раз снимали киноленту «Разведчики».

В массовках, кроме гражданского населения, должны были присутствовать немецкие солдаты и даже эсэсовцы в черных мундирах. На эти секундные роли отобрали человек двадцать солдат из нашей части. Ростом не менее 180 см, со светлыми волосами и арийской внешностью. В число «артистов» попал и я. Одели в черный мундир, дали в руки немецкий «шмайссер» и поставили у дверей гестапо. Интересно, что в здании комендатуры в годы войны действительно находилось гестапо, даже на фронте виднелись плохо покрашенные буквы. Снимали нас не более трех секунд, а потом была фотография с Леонидом Быковым. Вот только за тридцать пять лет она изрядно поистрепалась, а потом и вообще затерялась.

Федя и слон

Случилась эта история в мае сорок пятого года в Берлине, в районе Тиргартена, где находился национальный немецкий зоосад. Наши войска только-только взяли Берлин, и в воздухе еще стоял запах пороховой гари. Федю Глушкова призвали в армию в конце войны, и в Берлин он попал уже после Победы, так и не успев сделать ни одного выстрела.

Отправился Федя разглядывать город. Как не посмотреть — больше такой возможности не представится парню из уральской глубинки. Идет Федя по улице, а навстречу ему слон, такого животного он и не видел никогда в своей жизни. Худой такой слон, из зоопарка сбежал при бомбежке, голодный. Федя развязал вещмешок и достал булку хлеба, протянул слону, тот хоботом взял ее и в рот отправил. Федя еще одну достал — так и скормил весь хлеб, который нес бойцам. Вокруг солдаты собрались, смеются, а слон так благодарно, жалостливо смотрит на Федю, что плакать хочется. Рядом американский корреспондент появился с кинокамерой, снял Федю со слонем.

Прошло много-много лет, и однажды уже в наше время показывали по телевизору кадры военной американской кинохроники, и в одном Федя, уже Федор Иванович, узнал себя рядом со слонем.

Прошло много-много лет, и однажды уже в наше время показывали по телевизору кадры военной американской кинохроники, и в одном Федя, уже Федор Иванович, узнал себя рядом со слонем.

Бабий Яр

В конце восьмидесятых довелось мне побывать в Киеве с экскурсией. И вот здесь-то я еще раз увидел, как снимается

кино. Фильм снимали военный, по Крещатику шла колонна людей в гражданской одежде: взрослые, старики, дети, по бокам шли немцы в эсэсовской форме с собаками. Людей вели к Бабьему Яру. Место, известное сейчас всему миру.

Мы пошли рядом с этой колонной. У Бабьего Яра людей поставили на колени, и ударили пулеметы, конечно холостыми, киношными очередями, люди падали вниз. И хотя мы понимали, что все это не всерьез, но сделалось страшно, очень страшно.

У памятника Бабьему Яру

Наталия ПОЗДНЯКОВА,
фото из архива автора

Сони́на юность

(Из воспоминаний старой екатеринбурженки)

В 1930 году Соня Тимофеева окончила 7 классов. Она была круглой сиротой. Старшим братьям и сестрам было не до нее, все жили тесно и бедно. Соне было всего 14 лет, но помощи и совета ждать было не от кого. Она забрела в сквер напротив оперного театра, уселась на скамейку и глубоко задумалась о своем будущем. Рядом лежала кем-то оставленная газета. Развернув ее, она увидела объявление о дополнительном наборе в недавно организованный химико-технологический техникум. И решила рискнуть.

Техникум этот располагался почти в центре Свердловска, на углу улиц Декабристов и Белинского. Директор встретил ее радушно и, обозрев хорошие отметки в свидетельстве об окончании семилетки, распорядился, чтоб ее приняли без экзаменов. Узнав о ее бедственном положении, пообещал общежитие и стипендию.

Окрыленная, Соня побежала домой забрать скудные пожитки, — старенькое платьице и брезентовые тапочки.

Заботливый директор навел вновь принятых учащихся в общежитии — огромном спортивном зале, где поставили, ни много, ни мало, сто кроватей. Увидев, что у Сони совсем нет вещей, он написал записку, по которой ей на складе выдали юбку и гимнастерку

с портупеей через плечо. В те времена это было даже модно.

Вскоре начались занятия. Пока было тепло, Соня радовалась происшедшим в ее жизни переменам, но с наступлением холодов начались проблемы. Во-первых, у нее не было ни верхней одежды, ни обуви, а во-вторых, в общежитии никак не могли наладить паровое отопление.

Первую проблему она решила — поступила на работу в столовую, где по вечерам мыла пол и чистила огромные кастрюли. В столовой было тепло, и со дна кастрюль можно было наскрести немного еды. К ней приходили голодные подружки, и они вместе доедали эти остатки. Накопив немного денег, Соня на рынке купила себе старенькое пальтишко и поношенные ботинки.

Холод в общежитии стоял страшный. Буржуйки ставить не разрешали, да и никакая печка не согрела бы такое огромное помещение. Рядом находилась небольшая комнатка, где был титан. Пока он был горячим, учащиеся битком набивались в эту комнату, чтобы немного согреться. Кто-то придумал сдвинуть все кровати и соорудить над ними нечто вроде шалаша. Спали вплотную, прижавшись друг к другу, а освободившимися матрацами накрывались. Так кое-как и перезимовали. Удивительно, что никто не заболел.

Свердловск, 30-е годы

Техникум на субботнике

Многие были из деревень, закаленные, не привыкшие к удобствам.

Очень часто вместо учебы всех направляли на субботники — выгружали вагоны, расчищали пути от снежных заносов, сортировали овощи на складе, стеклили строящиеся цеха Уралмаша. Иногда поднимали и по ночам. Труд этот никак не оплачивался. Было очень тяжело, холодно, голодно, но никто не роптал. Наоборот, все гордились тем, что помогают молодой республике Советов строить первую пятилетку.

Всем малообеспеченным выдали талоны на питание, но деньги за них вычитали из стипендии. Столовая находилась в бывшей трапезной монастыря, что на улице Декабристов. Кормили в основном селедкой.

Со стипендией тоже вышла загвоздка. Первые месяцы деньги учащимся не платили: управление торговли не перечисляло их техникуму. На общем собрании постановили послать туда делегацию. В числе делегатов была и Соня. Кто-то придумал смастерить рогожное знамя, с которым процессия торжественно прошла по городу. Знамя это со словами: «Спасибо за вашу заботу о нас», вручили смущенному чиновнику. С той поры стипендию платили аккуратно, а к праздникам даже привозили гостинцы.

Каждую осень учащимся направляли в деревню. Группе, где училась Соня, выделили обширный участок поля. Работали от зари до зари. Картофель выкопали, высушили и заложили на хранение в овощехранилище, вырытое тут же у поля. Спали в этих же буртах, прикрывшись для тепла картофельным ботом. Никаких постельных принадлежностей не было. Ели картошку, сваренную на костре в ведре. Потом это ведро мыли и кипятили в нем воду. Заправив кипятком травами, пили «чай». Через день им привозили молоко и хлеб. Каждому доставалось по кружке молока и по два ломтя хлеба.

В другой раз убирали и солили капусту. Девушкам покрупнее выдали большие чистые брезентовые сапоги, которые надевались прямо на обувь и завязывались выше колена. Они залезали в большие деревянные

чаны и утрамбовывали капусту ряд за рядом. Остальные шинковали кочаны на столе. Ряд мелко нарезанной капусты перемежали с половинками и четвертинками. Соль сыпала женщина в белом халате, строго следя за технологией заготовки.

За эту работу не платили ни рубля, но никто не роптал, не сбегал, все были веселы и горды тем, что помогают Родине.

На одном из комсомольских собраний решался вопрос о ликвидации неграмотности. Желающих было много, но назначали только лучших, в том числе и Соню, хотя она и не была комсомолкой. Ей выдали справку для бесплатного проезда на автобусе, и она ездила через день в столовую, расположенную в бывшей церкви визовского завода, обучать неграмотных чтению, письму и счету. Работа эта тоже не оплачивалась, все держалось на энтузиазме. В конце учебного года специальная комиссия проверила, хорошо ли Соня учила своих подопечных.

Костяк Сониного курса составляли аркадакские ребята. Село Аркадак стоит на высоком берегу Волги. Почему они поехали учиться так далеко от родных мест, Соня как-то не догадалась у них спросить. Ребята эти были как на подбор — рослые, красивые, хорошо учились, были активистами, застрельщиками всех возможных начинаний. Никто не пил, не курил и не был замечен ни в каких неблагоприятных поступках. Ребята прекрасно пели и часто под гитару исполняли старинные песни на несколько голосов. Особенно хорошо у них получался романс «Глядя на луч пурпурного заката».

В те годы повсеместно боролись с религией. За слова «слава богу» или «сохрани господь» нещадно ругали на собраниях. Особо упорствующих исключали из комсомола и из техникума. Доносительство в те годы не только не осуждалось, но всячески приветствовалось. В техникуме были люди, которым нравилось выявлять «классово чуждые элементы». Они гордились этим, были в авторитете у руководства и искренне считали, что делают благое дело.

13 апреля

Вячеславу Николаевичу Скворцову исполнилось 70 лет.

*Министерство культуры Челябинской области
23 апреля организовало в театре юного зрителя
чествование юбиляра.*

*Редакция и поклонники Вячеслава Николаевича
Скворцова от всего сердца поздравляют юбиляра
и желают ему крепкого здоровья, долгих лет жизни
и бесконечных творческих успехов!*

ПЕСНЯ О РОДИНЕ

Расскажи мне, земляк, мой товарищ бывалый,
Ты прошел сто дорог, не жалея коня,
Это кто же назвал нашу Родину малой,
Словно выстрелил черною пулей в меня?!
Мы сидим у огня, путь проделав немалый,
Здесь родимое небо и Вечный покой.
Воскресает душа, словно путник усталый,
Что с ковшем наклонился над Лунной рекой.

Я выйду по тропе подталой
На полустанок небольшой.
Не может Родина быть малой
С такой великою душой.

Мне другая земля никогда не приснится
Потому, что в объездах чужих городов
Я летаю во сне беспокойною птицей
Над вершинами сопок и сизых хребтов.
Потому, что осталась в распадах Урала
Та тропа, что из дома меня увела.
Потому, что певуньей была моя мама
И черемуха в детстве безумно цвела.

Я выйду по тропе подталой
На полустанок небольшой.
Не может Родина быть малой
С такой великою душой.

Вновь вершина твои солнце красит зарею.
Ты последних лучей от меня не таи.
Я иду по земле, сам я стану землею,
Но останутся вечными камни твои.
С дымом горьким долин мы повязаны кровью.
Так прости, если я, о минувшем скорбя,
Нерадивый твой сын, запоздалой любовью,
Тихой песней своей потревожил тебя.

Я выйду по тропе подталой
На полустанок небольшой.
Не может Родина быть малой
С такой великою душой.

Соня знала, что ее соседка по койке в общезжитии — дочь бывшего попа. Она не собиралась доносить на нее, но та все равно очень боялась и не раз плакала по ночам, умоляя Соню молчать о прошлом ее семьи.

Танцы и модная одежда считались буржуазными предрассудками и жестоко искоренялись. Одна девочка с Сониного курса красиво одевалась — бантики, крахмальные вязаные воротнички, все выглажено, вычищено. Девочка эта жила с мамой, которая перешивала дочке свои старые платья. «Отстаньте от меня, я одета по возрасту», — отмахивалась она от назойливых критиков. Устроили собрание и чуть не исключили модницу из техникума.

Не раз придирались и к Соне. Кое-кому казалось подозрительным, что она часто напевает отрывки из оперных арий, знает немецкий язык, что у нее «царское имя» и «благородная» внешность. Соня оправдывалась тем, что ее родители, которые давно умерли, были выходцами из крестьян Каслинского завода. А с ариями она знакома потому, что мама ее работала в оперном театре контролером, а отец строил этот театр. Бдительные активисты в стремлении вывести Соню «на чистую воду» даже ходили на кладбище проверять, действительно ли ее родители там похоронены.

На третьем году обучения студентов послали на практику в разные города. Соне достался Кизел. Привокзальная площадь этого шахтерского городка была заполнена хмурыми крестьянами с узлами и котомками. Бабы голосили, младенцы плакали. Зрелище было душераздирающим. Не сразу Соня поняла, что это раскулаченные. Их сорвали с родных мест и везли в северные леса на лесоповал, где многие нашли свою смерть.

В Кизеле Соня работала кассиром в рабочей столовой, жила на частной квартире. Одна из жилищек хозяйки накануне вышла замуж, а на следующий день получила письмо от родителей. Те писали, что у них отняли корову, дом, все имущество и теперь везут неизвестно куда. Новобрачная в слезах рассказала об этом мужу. Тот закричал: «Почему ты не сказала мне, что ты дочь кулака? Я уйду от тебя, а то со мной будет то же самое», — и ушел от молодой жены, забрав свои вещи.

Когда после нескольких месяцев практики Соня вернулась в техникум, ее никто не узнал. Сокурсники ходили мимо, как будто эта девушка им незнакома. Соня не могла понять, в чем дело. Вдруг кто-то из ребят закричал: «Ребята, так это же Сошка!» Оказывается, за время отсутствия она выросла и изрядно поправилась. Из тщедушного подростка превратилась в высокую статную девушку.

После окончания техникума Соню распределили в Нижний Тагил, где она прожила следующие 40 лет.

Так закончилась Сониная юность.

Радий ТИХОНОВ,
фото из семейного архива

Я — гамаюн!

События восходят ко временам Анны Иоанновны и Бирона.

Справка первая

«Гамаюны» – это жители имения бояр Ромодановских, которое в бытность царя Алексея Михайловича было пожаловано Ромодановским с условием, что если прямых наследников князя Ромодановского не останется, то имение Ромодановское в Калужском уезде Московской губернии будет возвращено великому государю.

В конце 1730 года вышел сенатский указ Н.Н. Демидову о строительстве на башкирских землях Васильево-Шайтанского завода, а на реке Серге – верхнего и нижнего заводов. Вот сюда и отправил своих крестьян Никита Демидов – числом до 700 человек. В 1739 году Никита Никитич приобрел в Калужском уезде Московской губернии в приписные к Дугненскому и Выровскому заводам государственных дворцовых крестьян 28 сел и деревень у князей Ромодановских за 33 000 рублей.

В 1741 году крестьяне восстали, убили приказчика и ушли с работ.

В 1752 году крестьяне снова восстали и направили челобитные в правительствующий Сенат и ее императорскому величеству о возвращении их из частной собственности в собственность Двора их императорского величества. Заводилы-бунтари были закованы в ручные и ножные кандалы и угнаны этапом на Урал по Московскому тракту.

В конце 1752 года крестьяне бросили все работы, выпустили воду из пруда, сожгли угольные кучи, выгнали драгун Рижского полка, присланных на постой. По розыску было привлечено еще 700 человек, которые тоже были этапом отправлены на Урал.

Справка вторая

Гамаюн – птица вещая, по языческим поверьям.

По существующему в те времена обычаю, принятому в гербовнике русской аристократии, имена на польский манер имели прозвища. Так, род Ромода-

новских носил прозвище «Гамаюн» – «о, счастливейший» (с персидского).

Жителей Калужского уезда, 70 лет принадлежащих князьям Ромодановским, тоже стали называть «гамаюнами».

Справка третья

Словарь русских говоров Среднего Урала отмечает:

1. «Гамаюн» (гомююн) – прозвище лиц с «акающей» речью. Следует отметить, что «акает» вся Московская губерния, Калужский и Пензенский уезды. Собственно «Масква» «акает» и до сих.

2. «Гамаюн» – трудолюбивый, прилежный, дотошный, толковый человек.

«Гамаюны» известны: в Воронеже, в Томске, в Ульяновской, Калужской, Пензенской, Тверской, Челябинской, Курганской, Кировской и других областях.

Исход

Запыхавшиеся ребятишки прибежали к караулке:

– Дяденьки стражники! К Расковалихе много кандалников везут!

– Иде?

– Версты с две будет! Ишшо на лошадях с телегами народу много!

– Стража! На конь! – скомандовал старшой. – Да глядите у меня!

Наряд на конях отправился к Расковалихе Первой.

На Расковалихе у кузни столпились кандалники.

Из прибывшей партии дедок гомонит:

– Соколики! Колесо бы перетянуть! Шина лопнула совсем по такой-то дороге, вязь да камня!

– Откудова, горюны?

– От Калуги, Никиты Никитича приписные мы.

– Эва! А вас, родимые, зачем сюды занесло?

– Бунташные оне – вот этапом и гонят их всем селом, – пояснил сопровождающий стражник. – Вот и бумага на всех; принимай пока полсотни с бабами и детьми да с хозяйством!

– Куда гнать-то?

– На Сергу-реку, завод тама будет!

Радий Тихонов – инженер-технолог тяжелого машиностроения. Выпускник УПИ. 46 лет работал технологом Уралмаша. Председатель туристского клуба «Уралмаш», член маршрутно-квалификационной комиссии и общественной редколлегии альманаха туристов Уралмаша. Туристскими тропами прошагал Урал и Восточную Сибирь.

Рабочие и служащие старого прокатного цеха

– Эка, сказал! Отсюда-то верст тридцать будет, до-роги, почитай, никакой!

– Дак на Расковалихе ножные ковы снимать. Бегать тута некуды. Леса-то страшные, да башкиры близко конные, враз переловят.

– Исправник тута и стража.

– Загонят все равно, как в мешок. Не больно поше-велисси!

В кузнях на Расковалихе расклепывали ножные кандалы, в описи не больно грамотные стражи писа-ли фамилию и имя раба божьего с пометой звания и примет, если придется сыскивать утеклеца.

Грбово-Первомайское

Километрах в трех от станции Дружинино, к северу от Московского тракта, есть село Первомайское. Место открытое всем ветрам, зимой около тракта наметает громадные сугробы, машины идут среди заносов, как в туннеле. Рядом с селом видна гора Грбова, около которой протекает речка Утка, приток Чусовой. Далее, к северу, расположен Новоуткинск и Новоуткинский пруд.

До революции село Первомайское называлось Гр-бово; в 6 – 8 километрах от села есть две речки: Рас-ковалиха Первая, Расковалиха Вторая. Названия речек и села восходят к истории екатерининской России, как и остатки берез вдоль тракта. Грбово находится близ пересечения федеральной дороги и Казачьего тракта из Башкирии через Михайловск, Нижние Серги и Атиг. Название села обусловлено главным занятием, в дав-

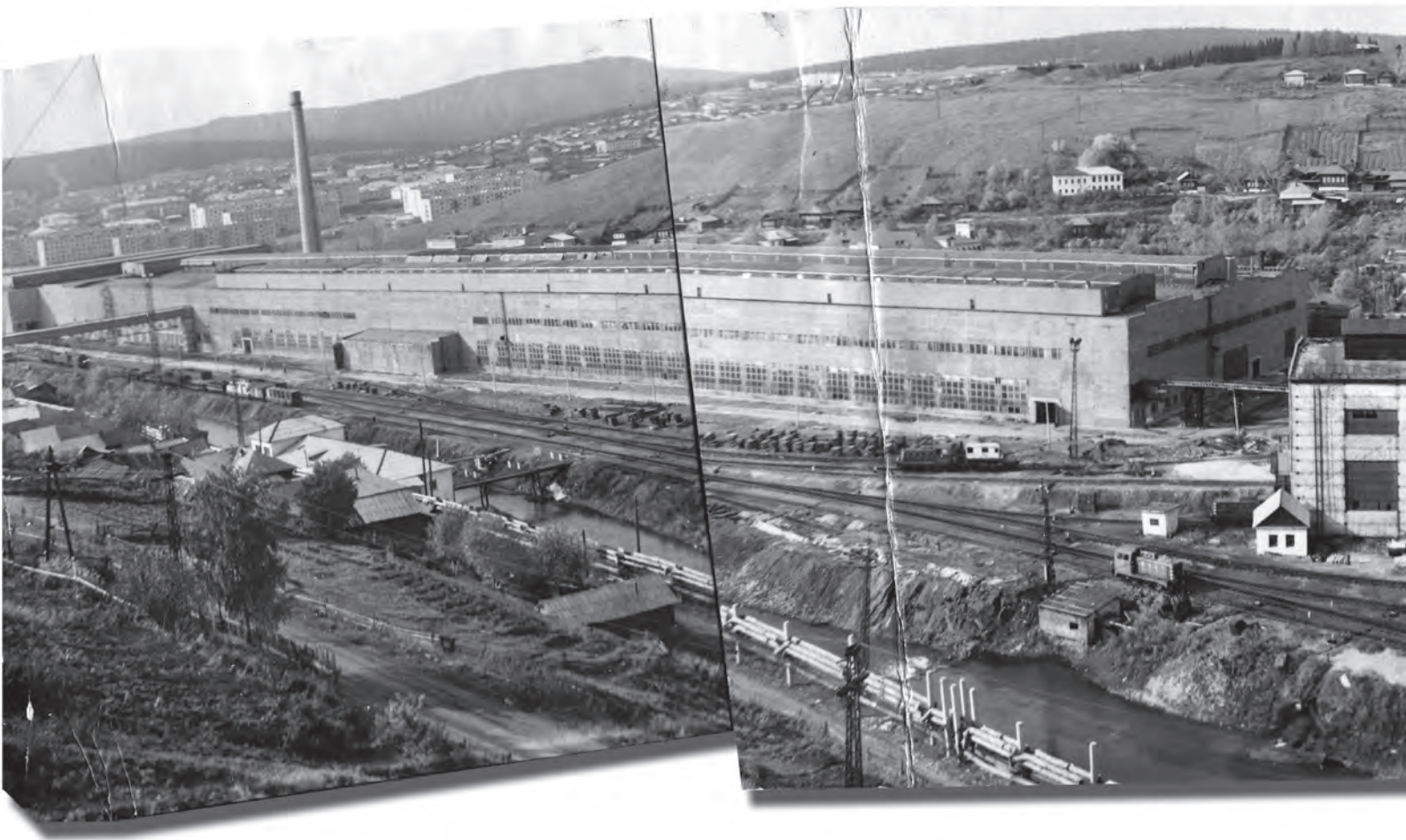
ние времена, его жителей. Село было этапным пун-ктом на тракте, по которому гнали каторжан в Сибирь; умерших везли с этапом на лошадях и в Грбово укла-дывали в гробы и хоронили по учетным книгам этапа. Работа по изготовлению гробов и могил оплачивалась из казны – это был, хотя и небольшой, заработок мест-ного населения. На речках Расковалихах были постав-лены кузницы, где каторжанам расклепывали ножные кандалы. Считалось, что отсюда бежать некуда. Екате-ринбурга еще не было, Обь и Тобольск очень далеко – дикие леса по хребту и за хребтом и уйма зверья. Же-лезной дороги тоже не было; заставы по тракту очень быстро ловили беглецов.

Что касается екатерининских берез, то существовал указ, обязывающий местную администрацию высажи-вать деревья вдоль дорог. Остатки этих берез суще-ствуют и поныне.

Крестьянская привычка

Демидов отпускал продукты из своих магазинов; вновь пригнанным нечем было жить.

Следуя извечной крестьянской привычке, гамаюны испросили у хозяев и у волостного правления участки под «городьбу», в пределах заводской дачи. Выжига-ли лес и сеяли рожь, тем и живы были. Часть их зани-малась охотой по притокам р. Серги и бортничеством. К середине 50 годов XX века на речках Стариковке и Иволге в 10 – 30 верстах от нижнего завода сохрани-лись долбленные улы-борт, в которых еще жили оди-чавшие пчелы. Около борт на дереве подвешивали

Прокатный цех старого металлургического завода в Нижних Сергах

обрезок лиственничного бревна для защиты от посягательств медведей. Залезет медведь к борти, бревно ему мешают. Он его оттолкнет в сторону, подвешенное бревно ударит медведя. Он рявкнет и еще сильнее оттолкнет бревно. Бревно еще раз ударит медведя. Так продолжается, пока бревно не столкнет медведя с дерева.

Гамаюны обретают профессии

Рудобойка. Люди этой специальности обеспечивали доменную печь рудой, кусками необходимого размера.

В Нижних Сергах при домне существовал «пожог». На площадке «пожого» работали подростки, которые кувалдами-ручниками или большими молотками дробили руду до необходимого размера. На одну завалку для домны требовалось несколько десятков пудов руды. На этом работали 2 – 3 десятка подростков. Им платили по 60 коп. в месяц. Завалка производилась один раз в смену (12 часов). На «пожог» вывозили стружку из механического, где ее обжигали, дробили и отправляли в домну. Мой дядя, Василий Петрович, в конце XIX века с десяти лет работал рудобойкой.

«Томилки» – это лесочасток, где с весны до осени выжигают в кучах древесный уголь. Как только земля немного оттаяет и можно будет брать дерн, начинают выкладывать «кучи», сначала «шеститки», потом «долготье» в виде шатра, обкладывают дерном, поджигают

и, регулируя подачу воздуха, – «томят» уголь. Теперь до первопутка, до вывозки угля с «томилок», там остаются работать на все лето «жигари» – в основе старики, семейные, у кого дети подросли, да люди не семейные. По готовности угля кучу разбирают и вывозят на заводской склад плетеными коробами. Сдают по сортам.

Угленоша – эту работу выполняли крепкие молодые люди. Заполненный угольный заплечный короб весил около двух пудов. Это была плетеная корзина, установленная на заплечный станок – «козлы». Угленоша заполнял короб в угольном сарае по указанию мастера домны – какой сорт угля брать для сегодняшней плавки. Выносил короб по доменному съезду и загружал в скип. На одну загрузку требовалось до сотни пудов древесного угля.

Уголь, руду – шихту и плавень – загружали в домну через загрузочный конус, который опускался, и порция сыпалась внутрь домны. Завалка обычно производилась ночью. В это время из домны вырывалось пламя и газы. Завалку было видно на всех улицах Нижних Серг, даже в Загорных. Доменное производство остановили в Сергах в 1957 году.

Кричные мастера – эта специальность просуществовала на заводе до периода, когда пустили прокатное производство. Слитки железа после домны направлялись в кричную, где проковывались под молотом с водяным приводом. Работа в кричной была

самой тяжелой. Крица весила до 12 пудов. Под молотом ее проковывали, чтобы удалить шлак и получить полосовое железо. Кричные мастера работали в валенках и войлочной спецовке для защиты от брызг шлака. Рынок требовал прокатанное железо, на заводе потребовалось пустить мартеновское производство и прокатный стан. При прокатке полосы появилась новая профессия – метельщик.

Метельщик – в его обязанность входило удаление окалины с горячей полосы. Специальность опасная, требующая сметки и быстрой реакции.

Прокатка

Полосовое железо кричной выделки имело преимущество в том, что оно мало ржавело, почти не окислялось, но в изготовлении было очень трудоемко.

Постепенно кричное полосовое железо начинает вытесняться с рынков европейских и азиатских более прогрессивным прокатанным металлом. На Нижне-Сергинском заводе пущен прокатный стан с вододействующим приводом. Это потребовало увеличения выпуска стальных слитков.

Появляются и новые рабочие специальности.

Клюшник (вальцовщик) – он досылает специальным подвесным инструментом – «клюшкой» – слиток разогретого металла в валки прокатного стана. Вес слитка несколько десятков пудов, в «клюшниках» работали физически очень сильные и здоровые люди. Заработок «клюшника» составлял 18 – 30 рублей в месяц при 10-часовом рабочем дне.

С пуском мартеновских печей «гамаюны» освоили новые специальности – формовщиков и обжигальщиков огнеупорного кирпича. Поставки кирпича с Верхне-Сергинского завода постоянно срывались; поэтому на заводе был пущен цех по производству шамотного и магнезитового кирпича. Работа по его формовке велась вручную на винтовых прессах. В основном им занимались женщины, работали по 10 часов и получали по 8 – 10 рублей в месяц.

Началась японская война. Наиболее здоровую мужскую часть населения взяли в армию. После японской войны часть солдат вернулась. Мирной жизнью не успели воспользоваться, как началась Первая мировая война. Завод начал выполнять военные заказы. Механический цех осваивал штамповку металла. Изготавливали броневые щиты для пулеметных расчетов, каски для пехоты, водовозные бочки, камеры для жаривания обмундирования, т.к. на фронтах свирепствовал тиф.

Завод осваивал обработку броневых сталей. Мартеновский цех – новые рецептуры сталей, прокатчики – новые режимы нагрева металла и его прокатки.

Следует привести некоторые сведения об образовании и культурном уровне «гамаюнов» Нижних Серег в начале XX века. Н. Серги насчитывали в то время около 9 тыс. жителей. На весь поселок имелось одно городское училище, одна 2-классная мужская школа на 185 человек, одна женская школа на 94 ученицы и три смешанных школы на 164 места. В поселке было 12 учителей; контора завода отпускала пособие на образование – 300 рублей в год. Наиболее грамотная часть заводских рабочих выписывала журналы «Нива» и «Сатирикон».

Старый завод. Домна. XIX в.

Весенний водозброс через Бучило

В период Гражданской войны Н.-Сергинский завод захватили войска Колчака. Наместником был Илек. В период революционного подъема «гамаюны» не оставались в стороне. На заводе была организована ячейка РСДРП(б). Одним из ее функционеров был Николай Михайлович Барабанов – мой дед по матери, машинист доменного цеха. Он был расстрелян Илеком в числе 17 членов ячейки, выданных одним из местных «доброхотов».

Голод и тиф, коллективизация

Отгремела Гражданская война. В разгаре антирелигиозная кампания. Это направление борьбы с «опиумом для народа» нашло свое отражение в жизни ниже сергинских «гамаюнов». Постановлением Екатеринбургского губкома РСДРП(б) было предписано снести ниже сергинскую Свято-троицкую церковь. Она была взорвана. Попытки разобрать кладку церкви не увенчались успехом. Кладка производилась известковым раствором на яичных белках. Постановлением волостного комитета партии на месте одного из приделов церкви была построена деревянная школа-десятилетка № 1, которая через 25 лет сгорела. Была построена вторая церковь около рынка, ее заняли под хлебозавод в Отечественную войну. Теперь божьи служители ютятся в часовне на кладбище. Были попытки украсть золоченый крест с часовни, поэтому в настоящее время крест на ночь с купола снимают и хранят в часовне. Службы идут своим порядком: крестят, отпевают, служат всенощную, обедни, заутрени, принимают доброхотные даяния.

В 20 годах в Н. Сергах был голод и тиф. Невозможно было купить муки или крупы. Лошадь с упряжью стоила 60 рублей. Мой отец от голода и тифа стал беспризорником, ему было 12 лет, когда он в лаптях с онучами уехал со знакомым в Сибирь. В Екатеринбурге они застряли, очень много было народу из сельской местности. На вокзале был только кипяток. Отец уехал «зайцем» до Богдановича, затем до Ирбита. Потом доехал на тендере паровоза до Пышмы. Там его сняли

с поезда. Он пошел искать деревню Яр. В деревнях по пути работал где на прополке, где на посевах; зато хлеба было вдоволь. Добрался до станции Поклевская и остался работать у хозяина.

Хозяин был из «гамаюнов». Имел крупорушку и шерстобитную машину, все это на конной тяге. Отец сначала гонял коней, потом ухаживал за скотом (9 коней, 12 коров, овцы, свиньи, гуси, куры). Освоил новую специальность – на вспашке стал «бороноволоком». При бороновании необходимо все время ходить с конями, а бороновили в 2 – 3 запряжки. Хозяин, чтобы не ходить за боровами, сажал легкого мальчишку или девочку на переднего коня, и они управляли конями при бороновании. Отец проработал у хозяина с 1920 по 1925 год.

Через год он уехал в Челябинск на строительство Челябинской ГРЭС. Там работал клепальщиком металлоконструкций и в это же время обучался разметке пространственных металлоконструкций. Учил его земляк «гамаюн» Сычев по прозвищу Селезень – по два часа после работы; отец ему платил по 2 рубля за час из своего заработка в течение месяца, после чего сдал на разметчика 6 разряда.

После работы на ЧЕГРЭС снова приехал в Н. Серги. В 1934 году поступил в Кизеловский горный техникум. Техникум закончил в 1938 году. На практике был на Кизеловских шахтах и там же защитил диплом и отработывал 3 года на шахте им. Сталина и шахте им. Володарского. На шахтах опять попал под начало «гамаюна» (Блиновских). Перед началом войны отработка закончилась, и отец вернулся в Н. Серги женатым и с тремя детьми (тремя сыновьями).

В предвоенные и военные годы на заводе катали броневую сталь и испытывали ее на Кабацкой горе. В Н. Сергах появилось подразделение НКВД. Строптивых «гамаюнов» отправляли в места не столь отдаленные. В школе, где я учился, за малейшую провинность учеников представители НКВД часто допрашивали родителей, шли времена Берии. В Отечественную войну «гамаюнов» сильно разбавили эвакуированные с Украины и Белоруссии. Появились фамилии: Эрлих, Касимовы, Приставка, Войцекян. Много внесли беспокойства в быт «гамаюнов» трудармейцы (узбеки, таджики, туркмены). Их очень плохо кормили – 300 грамм хлеба на день и обед из грибного супа. Трудармейцы ходили по домам, вынимали все из печей и съедали. В конце войны появились пленные немцы.

Последствиями войны были дистрофия, кишечные и желудочные болезни. Для дистрофиков действовала диетстоловая в здании исполкома.

С 1950 года я уехал в Свердловск учиться и потерял нить событий.

Владимир ПУРОНЕН,
фото марок из коллекции автора

Республика римского народа

— Так вы говорите, что вам удалось раздобыть раритет, а то и уникам — марку Норвегии с опечаткой в названии государства: «Норег» вместо обычного «Норге»?¹

За несколько дней до встречи с Олегом Павловичем я действительно выменял на серию «флоры» Фуджейры норвежскую марку, на которой в названии страны две последние буквы поменялись местами.

— То, что вы приняли за редкость, на самом деле является рядовым выпуском. Никакой ошибки здесь нет. Более того, именно «Норег» многие норвежцы считают правильным названием своей страны. Но вы не огорчайтесь, — Олег Павлович похлопал меня по плечу, — за одного битого двух небитых дают! Кроме Норвегии, есть еще немало стран, названия которых на почтовых марках печатаются в нескольких вариантах.

Например, граничащая с Норвегией Финляндия получила такое наименование от шведов. Много веков Финляндия числилась шведским владением. Сами же финны называют свою родину Суоми. С 1809 года и до последних дней 1917-го страна под названием Великого княжества Финляндского входила в состав Российской империи. Между прочим, первые почтовые марки поступили здесь в обращение уже в 1856 году — на два года раньше, чем в Петербурге и Москве. Дело в том, что княжество пользовалось известной автономией и даже имело право выпускать собственную валюту. Однако впервые название страны на знаках почтовой оплаты появилось только в 1875-м. Сначала на двух языках — шведском и финском, а в 1889 году к ним присоединился и русский. С 1918 года названий государства вновь стало два, но теперь уже настоящее имя страны — Суоми — стоит на первом месте, а шведское — на втором. И это справедливо, так как шведский язык своим родным считает едва лишь десятая часть населения Финляндии.

Непростое положение с надписями на знаках почтовой оплаты сложилось в свое время в Швейцарии. В этой республике четыре государственных языка: немецкий, французский, итальянский и ретороманский. Последний язык, впрочем, находится в близком родстве с итальянским. Так что швей-

царским почтовым чиновникам пришлось изрядно поломать голову над вопросом: «Как на маленьком клочке бумаги поместить название страны и прочие необходимые надписи на четырех языках одновременно?» Задача казалась неразрешимой. Отдать предпочтение какому-либо одному языку — значит, ущемить права других. Как быть?

Выход был найден, и довольно оригинальный. На швейцарских знаках почтовой оплаты название государства стали писать на... латинском языке — «Гельвеция»! Почему именно Гельвеция? В трудах некоторых историков Древнего Рима упоминались некогда жившие на землях нынешней Швейцарии кельтские племена, которых римляне (а латынь — язык древних римлян) называли гелветами. Таким-то образом история помогла почтовому ведомству решить проблему с обозначением на марках названия страны, имеющей — ни много, ни мало — четыре государственных языка.

А вот в Америке единственной страной, выпускающей марки с надписями на двух языках, явля-

Продолжение. Начало в № 1, 2003 г.

¹ *Название Норвегии на почтовых марках здесь приводится не латиницей, как в подлинниках, а кириллицей — для удобства читателя.*

ется Канада. Хотя в обиходе здесь пользуются чуть ли не десятком разных языков и диалектов, государственными считаются два:

английский и французский. Когда-то эта территория последовательно была колонией Франции и Англии. И на английском, и на французском языках название страны пишется одинаково, хотя произносится несколько по-разному. Однако все остальные надписи на знаках почтовой оплаты выполняются здесь на двух языках.

Впрочем, даже если название страны на почтовой марке напечатано на одном-единственном языке, то и тогда оно может сообщить нам немало интересного, а порой и неожиданного.

— Где, скажите мне, находится Республика Римского Народа?

— Как где?

Я даже немного опешил, услышав столь наивный вопрос. Ведь всем известно, что Рим — столица Италии. Следовательно...

— Нет! — перебил меня Олег Павлович. — Действительно, сегодня Рим — столица Итальянской Республики. Однако Республика Римского Народа — это точный перевод официального наименования Румынии, которое она носила после 1947 года. До этого страна именовалась «Римским Королевством». Вы удивлены? Что ж, не только многие филателисты, но даже некоторые уважаемые профессора не знают, что название страны, которую мы привыкли называть Румынией, а сами румыны называют «Романа» или «Романия», на русский переводится как Римская. В основе румынского языка и, добавлю, молдавского тоже, лежит латынь — язык Древнего Рима. В былые времена большая часть земель нынешней Румынии под именами Дакии и Паннонии входила в состав Римской империи. Так что у современных румын и молдаван есть кое-какие основания считать себя в некоторой степени потомками древних римлян.

— Что, по-вашему, значит название государства Монако? Затрудняетесь с ответом? Не огорчайтесь. К сожалению, на сей вопрос не сумеют правильно ответить даже многие коллекционеры со стажем. А ведь Монако по-французски значит то же самое, что и «монах» по-русски. Само княжество появилось в XIII веке при обстоятельствах весьма и весьма своеобразных.

Пасмурным летним вечером 1267 года в ворота небольшой, но хорошо укрепленной генуэзской крепости, расположенной на самом берегу Сре-

диземного моря на окраине генуэзских владений, поступали два монаха. Святые отцы смиренно попросили разрешения переночевать в стенах крепости. Приближается непогода, а Господь наш учит проявлять сострадание к терпящим нужду...

Бродячие монахи в те времена были явлением самым что ни есть заурядным и ни у кого не вызвали подозрений. Комендант крепости разрешил впустить святых отцов и предоставить им кров и ужин.

Монахи уселись под навесом рядом с караульным помещением и принялись за свою скромную трапезу, громко вознося хвалу Богу и коменданту. После захода солнца комендант, расставив часовых, отправился спать. Проснуться ему уже не довелось...

Под длинными рясами у монахов были спрятаны мечи. И, как показали дальнейшие события, слуги господни отменно умели пользоваться оружием. Охрана у входа в крепость была перебита в считанные мгновения, так и не успев поднять тревогу. Через приоткрытые створки ворот внутрь крепости ворвались притаившиеся неподалеку сообщники «святых отцов». Без лишнего шума они перебили сонный гарнизон. А наутро крепость была провозглашена столицей новоявленного княжества. Первым его правителем стал один из лже-монахов — генуэзский дворянин Ренье из рода Гримальди. Приговоренный на родине за участие в заговоре против республики к смертной казни заочно, Гримальди задумал и успешно осуществил захват крепости на окраине владений Генуи. Беглый преступник провозгласил себя принцем Ренье 1. А само государство получило название «Монако»².

Так, во всяком случае, гласит легенда. Кстати, нынешний Ренье носит порядковый номер 111.

² Дотошные историки утверждают, что этому названию более двух тысяч лет. В античные времена на месте Монако находилось святилище Геркулеса-Отшельника. А «Отшельник» — это перевод на русский язык латинского «Монако».

С пиритом наедине...

Спрашивайте природу, она хранит все истины и на вопросы ваши будет отвечать вам непременно и удовлетворительно.

Н.И. Лобачевский

Минеральный мир полон удивительной красоты и благородства... нужно только учиться видеть и слышать. Великий математик XIX столетия, Н.И. Лобачевский подсказал, как это сделать, и мы отправляемся в путь туда, где минералы говорят — в Уральский геологический музей. В этом четырехэтажном здании представлено все великолепие земных сокровищ Каменного Пояса, но главное, там имеются такие тихие уголки, где с минералами можно спокойно побеседовать. В качестве собеседника мы выбрали пирит — минерал чудесный и широко распространенный, который многое знает и многое пережил в длительной геологической истории не только Урала.

Урал — это уникальная геологическая провинция. «Уральский хребет занимает одно из первых мест в ряду известных горных хребтов» — так высказался Г.Е. Щуровский, профессор московского университета, в середине XVIII столетия. Урал — классическая область развития медноколчеданных месторождений, в которых главным минералом является пирит.

Мы обратились к пириту с вопросом далеко не праздным, коротенько рассказать о себе и своей жизни. Вот что он рассказал: «Вы прошли по залам музея и, думаю, убедились, что ни одна самая современная химическая лаборатория не может воссоздать природный мир в той неповторимости и в том многообразии, как это удастся в великой химической лаборатории — земной коре. Я сошлюсь на Р. Гаюи — основоположника научной кристаллографии. «С какой бы точки зрения

ни рассматривать природу, всегда поражает обилие и разнообразие её творений». Я благодарен, что вы обратили внимание на меня — скромный сульфид железа. Насколько известно из истории, впервые заметил меня греческий врач Диоскорид, живший в первом веке н.э., в эпоху правления Нерона, автор капитального труда «Врачебная материя». Название я получил от греческого слова «пир» — огонь, за цвет и способность при ударе высекать обильные искры. Очень сожалею, но великий Плиний Ст. не уделил мне никакого внимания. Ныне науке известно много моих дальних и близких родственников (более 200) — сульфидов различных металлов. Всем им природа придала определенные собственные облики, которые заменяют им ваши человеческие характеры, с тем, чтобы их можно различать. Один и тот же минерал, но из разных месторождений может иметь индивидуальные особенности. Это в какой-то степени затрудняет их узнавание, но с другой стороны, опытному минералогу эти особенности помогут установить месторождение, из которого данный минерал происходит.

Как уже отметил, моих родственников более 200, но я среди них по-прежнему остаюсь главным и наиболее популярным. Я часто встречаюсь в виде прекрасно образованных и достаточно крупных кристаллов в форме куба, октаэдра, пентагонального додекаэдра и в виде их комбинаций. Эти кристаллы пирита в сочетании с горным хрусталем, галенимом, цинковой обманкой из Березовского месторождения,

Владимир Авдонин — старший научный сотрудник Уральского геологического музея, кандидат геолого-минералогических наук.

единственного и неповторимого во всем мире и самого долгоживущего рудника России, украшают минеральное собрание Уральского геологического музея. Меня можно видеть не только в золотоносных жилах Березовска, где я являюсь главным носителем золота и нередко даю человеку до 0,5 кг золота на каждую тонну».

Мы уже упоминали, что Урал славится и гигантскими месторождениями пирита (в нашей области — Дегтярское), в которых зернистые массы слагают тела с огромными запасами этого минерала.

Встречается пирит в огнеупорных глинах восточного склона Урала. Там можно найти окаменелые деревья, замещенные пиритом. Интересны фитоморфозы по мезозойским аммонитам.

Естественно, нас интересует, какова «жизнь минерала», если так можно выразиться относительно неодушевленного (каменного) вещества земной коры. «В собственную жизнь никому не дается, а только на время. Все то, что видишь, будет всемогущей природой изменено, а из каждого вещества будет создано новое, — утверждает Антоний Марк Аврелий — римский император, философ-стоик (121–169 гг. н.э.), — а из нового снова новое, чтобы мир оставался всегда молодым». ...Минералы подвержены общему со всеми вещами жребию, все повинуются времени, все должно родиться, быть и умереть».

«Каждый минерал, — Вернадский, 1908), — может существовать неизменно лишь до тех пор, пока он находится в условиях своего существования. А новые условия существования минерала, в которых он может потерять свою устойчивость, могут возникнуть как в результате геологических процессов, так и вследствие хозяйственной деятельности человека».

Самые страшные враги пирита — влажность и кислород. Даже в «тепличных» музейных условиях пирит начинает испытывать сначала легкое «недомогание», а потом начинает «болеть». Вот штупф пиритовой руды, хранящийся в музее с 1937 года — «болезнь» его постепенно разрушает, в его теле появились многочисленные трещины. Данный образец руды обречен. В соседней витрине большой образец пиритовой руды попал в менее благоприятные условия, и процесс изменения пирита протекал и продолжает развиваться довольно интенсивно. В результате образовались вторичные минералы — водные сульфаты железа — малоустойчивые минералы-эфемеры. Они легко растворяются в воде или же разрушаются и превращаются в пыль в теплое и сухое время года. Хранить их можно только в музее, соблюдая необходимые меры предосторожности.

То, что вам удалось увидеть на музейных экспонатах, в колоссальных масштабах происходило и проис-

ходит при отработке медноколчеданных месторождений Урала. Данный геохимический процесс — процесс экзотермический, т.е. он протекает с выделением большого количества тепла. Горняки, эксплуатирующие месторождения, должны это иметь в виду; развитие геохимического процесса в действующем горном предприятии: шахте или карьере — процесс в какой-то мере управляемый, в противном случае могут возникнуть громадные негативные процессы, и самый страшный из них — возникновение подземного серноколчеданного пожара. Как сказал И. Гёте: «Природа не принимает шуток; она всегда правдива, всегда серьезна, всегда строга; она всегда права; ошибки же и заблуждения исходят от людей».

На Урале один из наиболее крупных подземных пожаров возник 25 июня 1935 г. на главной линзе Красногвардейского месторождения. Тушение пожара продолжалось до 1939 г. В более позднее время подземные пожары случались на Дегтярском, Карабашском и др. месторождениях.

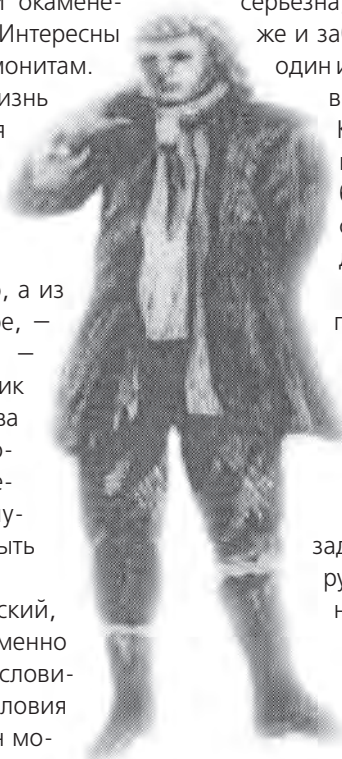
Отвлечемся от производственной прозы.

В 1811 г. Иоханн Петер Хебель, директор гимназии из Карлсруэ, редактировал популярный календарь, куда вошло самое поэтичное из творений, повествующих о горняцком труде.

«Добрых пятьдесят или более лет назад в шведском местечке Фалун молодой рудокоп поцеловал свою юную красавицу-невесту и сказал ей: «В день святой Лючии пастор благословит нашу любовь, мы станем мужем и женой и сошьем себе собственное гнездышко». И хотя на другое утро юноша стукнул еще раз в ее окошко и пожелал доброго утра, доброго вечера ему так и не довелось сказать. Юноша не вернулся из рудника, и напрасно тем утром обшивала она для суженого черный галстук красным кантом, готовясь к свадьбе.

Когда же в 1809 г., спустя 50 лет, фалунские рудокопы захотели прорыть проход между двумя шахтами, то на глубине в добрых триста локтей они извлекли из-под обломков породы тело юноши, полностью пропитанное пиритом, но не тронутое ни тлением, ни временем. Черты его лица и возраст можно было распознать, словно он умер всего час назад или же слегка вздремнул за работой. Когда тело подняли наверх, пришла бывшая невеста. Она узнала своего жениха. Больше в радостном восторге, нежели скорбью, склонилась она к мертвому возлюбленному и, лишь оправившись от продолжительного и сильного душевного волнения, произнесла: «То жених мой, о ком я горевала пятьдесят лет и с которым бог дозволил мне еще раз свидеться перед смертью».

Печаль и горе охватили сердца присутствовавших. Они смотрели на бывшую невесту, чей облик являл собой увяданье, и на жениха в его юношеской

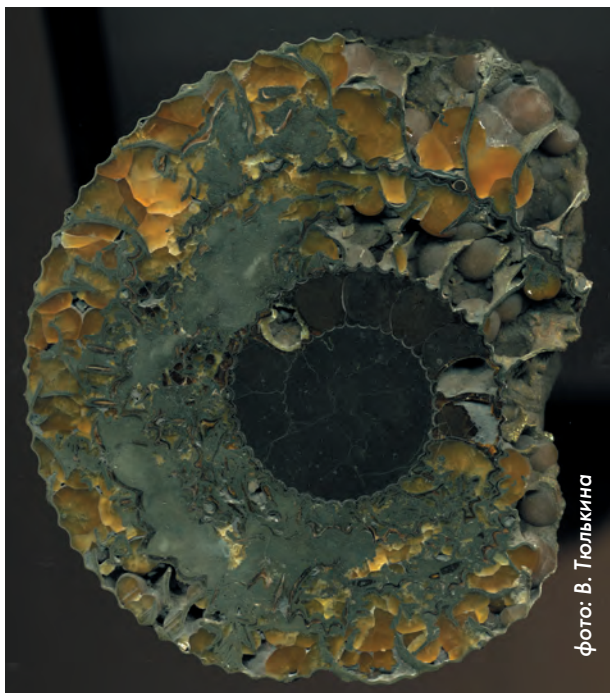

фото: В. Тюлькина

красоте, и на то, как спустя пятьдесят лет в ее груди вновь пробудилось пламя молодой любви... Затем она, единственная, кто остался из его близких и имел на него право, велела рудокопам отнести его в свою комнату, пока на кладбище готовили ему могилу. На следующий день, когда могилу вырыли и рудокопы пришли за ее суженым, она отомкнула шкатулку и повязала ему на шею черного шелка галстук с красным кантом и проводила его, облачившись в воскресное

свое платье, словно это был день их свадьбы, а вовсе не день его погребенья. Когда его опустили в могилу, она молвила: «Спи же спокойно в холодной свадебной постели. Дел у меня осталось совсем немного, и я скоро приду».

Весть о засыпанном фалунском рудокопе, тело которого благодаря купоросной воде пролежало нетленным пятьдесят лет, взбудоражила весь мир и легла в основу многочисленных литературных произведений.

Фалунский феномен описан в нескольких вариантах, и со временем это событие обросло различными домыслами.

«На дне шахтного колодца лежал человек в старомодном камзоле. В руках — лопата. Из столицы прибыл известный своей ученостью профессор в пышном парике. Он долго осматривал окаменевшее тело, в полной растерянности повторял: «Серный колчедан, один, один он...»

Гравюра, выполненная по рисункам профессора, сохранилась до сих пор.

«...Молодой человек, казалось, спал глубоким сном, так свежо сохранились черты и краски его лица, одежда рудокопа и даже букет цветов на груди».

(Амадей Гофман. Новелла «Фалунские рудники».

По свидетельству немецкого ученого А. Брейтгаупта, тело рудокопа, превращенное в серный колчедан (так одно время называли пирит), в течение семи лет хранилось в горном управлении Фалуна, после чего оно уже окончательно распалось...

Вот какие истории поведал нам пирит: первая романтичная, вторая — ближе к истине.

фото: В. Тюлькина

Геологический музей можно назвать библиотекой, книги которой написаны самой природой. Они всегда открыты и никогда не прочитываются до конца. Об этом говорится и в решении Минералогического общества по музеям: «Минералогиче-

ские музеи и минералогические коллекции в музеях предназначены быть «каменными учебниками минералогии», ибо ни одна книга не сообщит столько сведений о минерале, как сам минерал, человеку, умеющему его понять».

Михаил ФОНОТОВ,
фото Владимира САДЫРИНА

Одуванчик: шар из корзинок

Одуванчик растет розеткой. Его листья — их может быть и двадцать, и тридцать — кругом лежат на земле. Если мысленно очертить лист по контуру, то получится овал, одна оконечность которого, ближе к корню, острее другой, у вершины. В этот овал вписан ряд треугольников. Самый верхний, на острие, треугольник вычерчен геометрически тщательнее других, сидящих на плоской оси сдвинуто, вкривь и вкось. Можно подумать, что природа, выкраивая лист одуванчика, позволила себе небрежность, что, однако, не помешало ей придать ему некое, не сразу уловимое изящество. А вообще лист одуванчика центробежен, он «бежит» от центра, норовит вытянуться, устремиться — стрелой, копьем, гарлуном — в неведомое пространство. Но высь его не очень интересует. Ему удобнее прижаться к земле, и только обстоятельства заставят его слегка приподняться. У одуванчика нет стебля. У каждого порядочного растения вроде бы должен быть стебель, а у одуванчика его нет. Впрочем, не один он таков. Подорожник, между прочим, тоже обходится без стебля. Вместо стебля у одуванчика можно вообразить тонкий кругляшок, лежащий на кону-

се корня. Это самое важное место, ложе одуванчика, его гнездо. Здесь берут начало все тридцать листьев и, может быть, десяток цветоносов, которые один за другим поднимут на своих трубочках желтые корзинки соцветий. Сначала соцветие туго запаковано в замкнутый бутон, содержащий весь комплект цветочков, а их, допустимо, триста или четыреста. Созрев, бутон раскроется, подставит солнцу лепестки-язычки, напитается теплом и закроется вновь, но уже не наглухо: чтобы лепестки высохли. Отсчитав необходимое время, бутон еще раз распахнет, выставив идеальную конструкцию шара из семян: хохолок к хохолку — в пушистой оболочке, острые семечки — в пуговку ложа. День-два шар будет держаться, а однажды дунет ветер, и оторвется отважный парашютист-десантник от материнского лона, улетит искать собственную судьбу.

И повиснет парашютик, унося семечку, в которой все уже есть — и корень, и розетка на нем, и цветок на трубочке, и даже память о том, что на земле надо дожидаться весеннего солнца и дуновения теплого ветра.

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ
ВЫСТАВКА ВООРУЖЕНИЯ,
ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ
И БОЕПРИПАСОВ

8 - 11
ИЮЛЯ
2009

**РОССИЙСКАЯ ВЫСТАВКА ВООРУЖЕНИЯ
НИЖНИЙ ТАГИЛ - 2009**

RUSSIAN EXPO ARMS
2009

ФКП «НИЖНЕТАГИЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСПЫТАНИЯ МЕТАЛЛОВ»

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕМОНСТРАЦИОННО-
ВЫСТАВОЧНЫЙ ЦЕНТР ВООРУЖЕНИЯ И
ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ

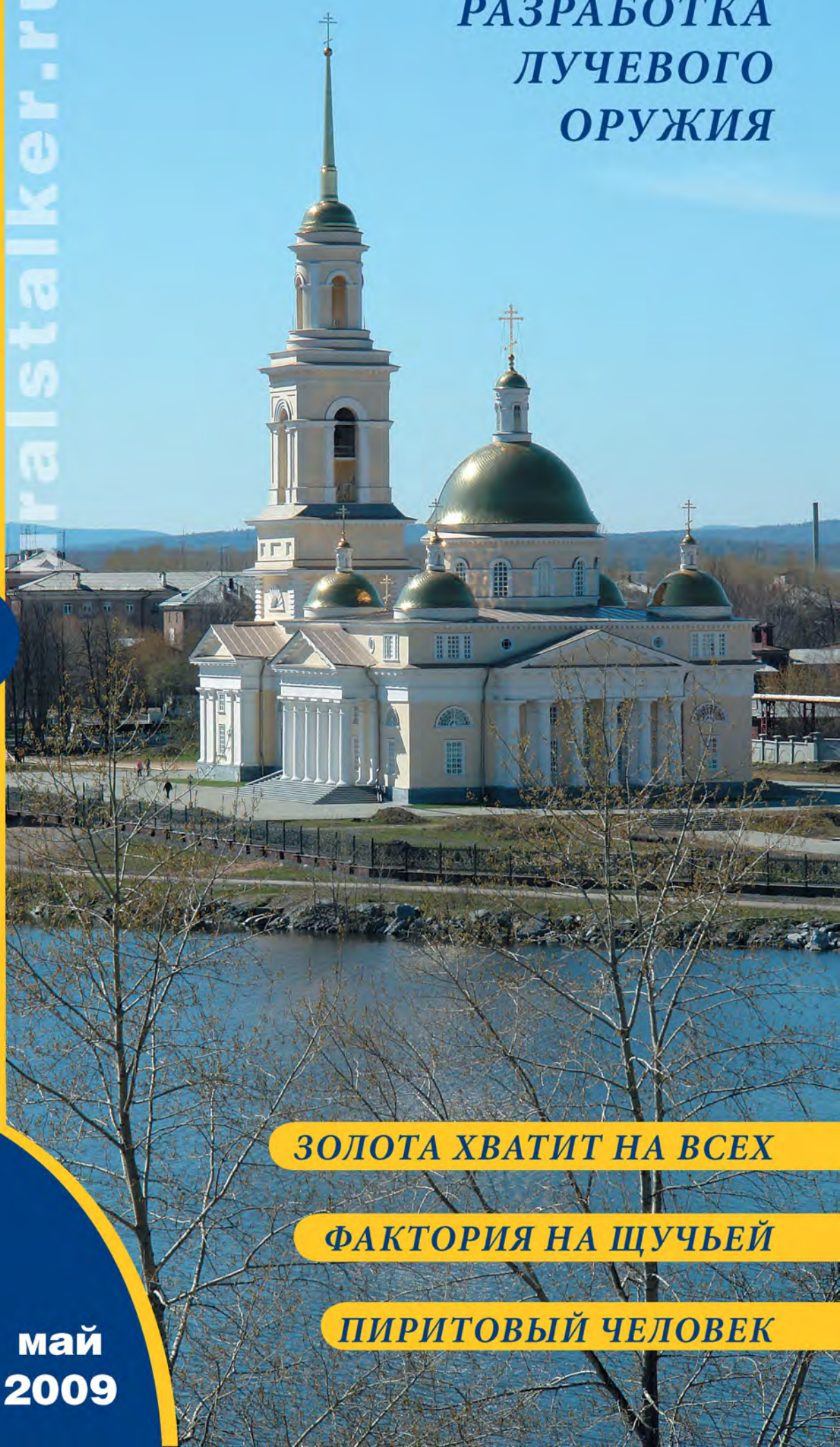
Россия, Свердловская область, 622015, г. Нижний Тагил, ул. Гагарина, 29
тел.: (3435) 43-90-20, 47-52-10; факс: (3435) 43-90-11, 47-53-29; e-mail:gdvc@ntiim.ru

www.ntiim.ru

УРАЛЬСКИЙ
Следопыт

uralstalker.ru

**РАЗРАБОТКА
ЛУЧЕВОГО
ОРУЖИЯ**

ЗОЛОТА ХВАТИТ НА ВСЕХ

ФАКТОРИЯ НА ЩУЧЬЕЙ

ПИРИТОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

**май
2009**

Юрий ДОНСКОЙ,
фото предоставлено автором

Неоконченная пьеса для нано

Краткая историческая справка. Научно-производственное объединение автоматики — одно из крупнейших предприятий России, лидер в области разработки и изготовления систем управления и радиоэлектронной аппаратуры для ракетной и космической техники, а также для автоматизации технологических процессов в различных отраслях промышленности.

Образовано в 1952 году как специальное конструкторское бюро (СКБ-626). Тогда из Москвы прибыл десант молодых конструкторов, многие из которых успели поработать под руководством С.П. Королева. В составе десанта был Николай Александрович Семихатов, ставший Главным конструктором систем управления. Сегодня НПОА носит его имя.

Многое из того, что создано на предприятии, носит приставку «впервые в мире». Это системы управления ракетных комплексов для подводных лодок, ныне широко известной оперативно-тактической ракеты «Скад», применение цифровой вычислительной машины, астрокоррекции. Изготовленное на предприятии оборудование установлено на подводных лодках класса «Мурена», «Дельфин», «Акула». Сегодня НПО автоматики активно участвует в модернизации и разработке новых ракет для ВМФ, в программах Федерального космического агентства.